

*Посвящаю своим дорогим сыновьям Володе и Андрею
и моим внукам Саше, Аннушке и Полине*

Валентина Юзвенко

О театре и не только

или

Взгляд из-за кулис

Санкт-Петербург
2011

ББК 84(2)
Ю 20

Юзвенко, Валентина

Ю 20 О театре и не только или взгляд из-за кулис. — СПб.: Скифия-принт,
2011. — 420 с.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	9
От автора	10

Глава 1. Детство

А вот и Я!	11
Мои родители	13
Роза	15
Маки	16
Наши игры	17
Мама отстала от поезда	18
Парикмахерская с чубчиком	19
Поездки с папой	20
Кувшин сметаны	20
Про бабушку, барахло и смерть Сталина	21
Сундук	22
Ах, этот борщ	23
Анютины глазки	24
Фотография	24
Мороженое	25
«Кати-горошек»	26
Разлад в семье	27
В деревне Выкоты	27
Музыка	29
Туфли, одни на двоих	30
Пионерский лагерь	30
Скарлатина	32
Урок честности	33
С мамой на Кавказе	34
В интернате слепых	34
В секциях	35
Баянист	36

Свадьба мамы	36
Мои комплексы	38
«Кралья»	38
Квартиранты	39
«Маньяк»	40

Глава 2. Учеба

Поступление в музыкальное училище	42
Подруги	43
На квартире	44
В гостях у папы	45
Голодовка	46
Бандура	48
Мой друг швабра	48
Дирижирование	49
На каникулах у бабушки, цыгане	50
Попытка не удалась!	52
Театральная студия при Киевском театре оперетты	54
«Артисты под забором умирают!»	56
Я в хоре	57
Первая театральная интрига	59
Размышления в курятнике	60
Какая наивность	62
Опять влипла	63
Прослушивание у П. М. Понтрягина	66
«Северное сияние»	67
Мой дипломный спектакль	68
На фестивале от Киевского театра	70

Глава 3. В Рижском театре оперетты

Я в Риге в театре	74
«Сильва» в Рижском театре оперетты	75
Мороженое и «корзиночки»	79

Глава 4. В Бакинском театре

Здравствуй, Баку	81
На квартире с тигренком	82
Не пела? Так споешь!	83
«Что же вы — стрекоза и стрекозел».	84
О! Баядера!	87
В сари.	89
А я-то думала	91
Слуга из фильма «Аршин-мал-алан»	92
Черная икра!	93
Ожог.	95
Мои коллеги	96
Дни культуры Азербайджана в Казани	98
Квартира и крыса	101
Гастроли в Севастополе	102
До свидания, Бакинский театр, и спасибо!	105

Глава 5. В свердловском областном

Новый театр, новая труппа	108
Беда закрытого театра — алкоголики	110
Девушка здоровая, выдержит!	111
Мои новые друзья.	112
Воры.	113
Театральные будни.	114
Булька и Атосик.	118
Сиваева Татьяна Карповна	119
Мой юбилей (25 лет)	123
Мои роли в Свердловском областном театре	124

Глава 6. Приглашение в Волгоградский театр

Что делать?	127
Личная гастроль.	130
В новой труппе.	132

Опять цыгане	135
Мой самый авантюрный спектакль.....	135
Вот так номер!	137

Глава 7. Одесский театр оперетты — один из лучших театров страны!

Приглашение в Одесский театр	141
Рядом со знаменитыми коллегами	145
Может быть, в консерваторию.....	148
М. Ошаровский меня «принял»	149
Консерватория и мои педагоги	152
Ну, я и хватанула!	156
Практика в консерватории. «Кролики».....	157
Землетрясение	159
«Вы меня обманываете!»	160
Ну, что взять с баяниста!	161
Гастроли с М. Водяным.....	162

Глава 8. Как? Уже Москва?

Далее мой путь лежал в Москву.....	165
Валентин Шевелев и наша поездка на Восток	171
Новая жизнь	176
Гастроли в Башкирии	177
Нужно работать, петь и быть в форме!.....	181
«Сырухи»	183
Мюзетта в Станиславском	185
Конкурс в Большом театре.....	187

Глава 9. «Малый—Мусоргского—Михайловский»

Мы в Малом оперном!.....	190
Первая репетиция с режиссером С. Л. Гадасинским. ...	195
Капустники	203
«Пиковая дама»	205
В театре «Бастилия».....	210

«Чио-Чио-сан»	216
Кино	219
«Укрощение строптивой»	221
Первые зарубежные гастроли (Италия)	223
«Пугачев»	231
Кровоизлияние в связи	232
Трахеит	234
«Иоланта»	236
На гастролях в Париже	239
«Богема»	247
Валентин на переподготовке	250
«Доротея»	252
Триптих	254
Вне театра (экскурсии)	256
«Евгений Онегин»	257
Шотландия	262
«Дон Кихот»	265
Дни литературы и искусства Ленинграда в Азербайджане	265
«Борис Годунов»	269
Круизы	271
Наши детские спектакли	273
«Дон Карлос»	277
Концерты	279
«Хованщина» и гастроли в Римини	284
Сухой закон	288
«Золотой Петушок», «Братья Карамазовы»	289
VI симфония Бориса Тищенко	295
«Князь Игорь»	297
Дни культуры в Аргентине	300
Мария Биешу	305
Наши записи	306

«Петр I»	310
Япония	313
Греция	319
Наша дача	322
«Сказка о царе Салтане»	332
Америка. Нью-Йорк	336
«Летучая мышь»	341
Валентин Шевелев	343
Мисхор	349
«Дон Жуан»	350
«Кармен»	352
«Флория Тоска»	356
«Золотой Софит»	359
«Золушка»	360
«Севильский цирюльник»	362
Наши ученики	365
«Отелло», «Реквием»	372
Сопот. «Лесная опера»	373
Пришла беда — отвори ворота!	376
Не имей сто рублей, а имей сто друзей	382
Религия	383
«Сильва» в оперном театре	387
Пертурбации в театре	390
Ну, вот и все!	392

Глава 10. Наш театр

«Фиалка Монмартра»	396
«С любовью к романсу»	400
«Жених для папеньки»	403
«Веселый концерт»	410
Интервью с самой собой	416

Об авторе

Валентна Юзвенко — заслуженная артистка России, обладательница сильного, яркого, красивого тембра лирико-драматического сопрано вот уже много лет радует слушателя свободным звучанием своего голоса со сцены Петербургского Академического театра оперы и балета им. М. П. Мусоргского. Для высокопрофессиональной певицы, окончившей одесскую консерваторию, не существует вокальных трудностей. Она умеет поразить яркостью и силой звучания верхних нот, умеет красиво филировать звук, петь «бесконечное *piano*», приковать внимание зала тонко поданной музыкальной фразой. Легко преодолевает певица вокальные сложности таких трудных оперных партий как Ярославна из оперы А. П. Бородина «Князь Игорь», Эльвира из оперы В.-А. Моцарта «Дон Жуан», Елизавета из оперы Дж. Верди «Дон Карлос», Лиза из оперы «Пиковая Дама», Иоланта из оперы «Иоланта» П. И. Чайковского, Мими из оперы «Богема», Чио-Чио-Сан из оперы «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини. Эмоциональная и легко возбудимая певица придиричиво и пылливо вглядывается в души своих героинь.

Валентине Юзвенко рукоплескали зрители в таких странах как США, Япония, Франция, Италия, Голландия, Аргентина и др.

Артистка завоевала признание публики не только как оперная певица, но и как исполнительница вокально-органной музыки, старинных романсов, арий и дуэтов из оперетт. Невольно напрашивается сравнение с прекрасной немецкой певицей Элизабет Шварцкопф, равно блиставшей как в оперной, так и в опереточном и камерном репертуаре.

Мастерство Валентины Юзвенко отмечено поразительной динамикой света, богатством психологических переходов от величайшего счастья до нестерпимой боли. Обостренное чувство стиля помогает ей выделить индивидуальный голос каждого композитора, найти его интонационное своеобразие. Яркий пример тому различные версии «Ave Maria». Поражаешься достигнутому певицей и органистом слиянности инструментального и вокального. Когда слушаешь в исполнении Валентины Юзвенко и известной органистки заслуженной артистки России Нины Оксентян духовную музыку, то приходят на память стихи М. Кузьмина: «Не знаешь как выразить нежность? Что делать? Жалеть, желать?» Голос Валентины Юзвенко тает от нежности и любви, проникая в таинства духовного и божественного...

Николай Лукашук (*Предисловие к изданию CD-сборника духовной вокально-органной музыки «Ave Maria», 1997 г.*)

От автора

Задумка написать эту книгу появилась у меня после определенных, не очень приятных для нас событий, произошедших в театре Малый – Мусоргского – Михайловский, о которых я буду писать ниже. Эти события в одночасье настолько поразили нас, что мне казалось — оставить их без внимания просто невозможно.

И так решено было написать о театральной жизни, увиденной глазами актрисы, проработавшей в этом оперном театре без малого 30 лет. А до этого еще работавшей в разных театрах оперетты. О творческой жизни актеров как на сцене, так и за кулисами.

Но с чего начать? Ведь все имеет свое начало.

Начала с поступления на работу в Малый оперный театр, но мне показалось этого недостаточно. Так появилась глава «Детство» где описаны мои детские и юношеские годы, а затем и «Учеба» с описанием, наверное, типичной истории становления на путь творчества, а также связанные с этим становлением преодоления всевозможных препятствий и перипетий.

Эта глава, в свою очередь, потянула воспоминания о довольно большом отрезке времени моей работы в жанре оперетты. Мне казалось, будет несправедливым не упомянуть всех тех актеров, знаменитых и не очень, с которыми меня столкнула судьба в разных театрах. Так появилась еще одна статья под названием «В театрах оперетты». Ну и, наконец, родилась самая большая глава «Малый – Мусоргского – Михайловский».

Глава «Наш театр» показалась мне также уместной, поскольку отражает сегодняшний период моего творческого существования в нашей такой нелегкой и суетливой жизни.

Вот так и родилась книга, которую читатель держит в руках, книга, которую автор и выносит на его суд.

К сожалению, фотографии далеко не всех актеров и близких мне людей, о которых я упоминаю, помещены в этой книге (да пусть простят мне это они), но за неимением таковых приходилось для создания атмосферы этой книги использовать только те фотоматериалы и документы, которые имеются в моем семейном архиве.

Я от души благодарю своего сына Чуркина Андрея за прекрасный подарок к юбилею, а именно спонсирование этой книги.

Я рада, что в такой знаменательный для меня год у меня есть возможность выпустить эту книгу. Пусть она будет прекрасной памятью об актерах и близких мне людях, ныне здравствующих (им я желаю здравствовать еще долгие годы), а также о тех, кого уже нет в живых, но которые оставили значимый след в моем сознании. Пусть воспоминания о них в этой книге будут для них светлым реквиемом.

*Жизнь — не те дни, что прошли,
А те, что запомнились*

И. П. Павленко

Глава 1. ДЕТСТВО

А вот и Я!

В тяжелые послевоенные годы на Западной Украине родилась девочка, которая, как рассказывала ее мама, еще не говорила, не ходила, но, уже сидя в подушках на кровати, «пела». Своим тоненьким высоким голоском она выводила странные «вокализы» и «рулады». И это было неспроста.

В младенчестве, как рассказывали сестры и братья ее папы (их было 7 человек — большая украинская семья), а также дедушка и бабушка, эта девочка все время плакала, и первые месяцы ее нянчили все по очереди. Нянчили ее все потому, что она своим плачем, естественно, никому не давала спать.

Мне полтора года

Ко всему в месячном возрасте ее уронили с люльки, которая была прикреплена крючком к потолку, и чуть не оставили без носа. Ребенок упал на пряжку военного ремня, который в это время был почему-то под люлькой! — Это была я! Но вот наконец мама с папой переехали в отдельный «особняк» — маленький пустой домик, из которого не то съехали, не то были выселены жившие там до этого поляки. А еще одна польская семья, муж с женой — пани Ева и пан Юрко, так и остались жить с нами, на второй половине дома.

Наши крошечные квартирki разделял небольшой коридорчик, из которого шла лестница на чердак. Вот в таких «апартаментах»,

которые состояли из комнаты и проходной кухни с газовой печкой-плитой, с двориком — грядками, с удобствами на улице, с колонкой для воды через пару домов от нашего дома, и прошло мое детство.

Мой папа, Юзвенко Степан Семенович, родился и вырос в украинской деревне Софиполь, недалеко от города Стерлитамака в Башкирии, куда его родители вместе с другими украинскими семьями в 1910 году переехали на свободные земли из-под города Бела Церковь, который находится недалеко от Киева. Он и его родная сестра Феня очень рано потеряли мать, и их отец женился вторично на девушке, которая подарила ему еще пятерых детей. Это мои дяди Миша и Леня и мои тетки — Мария, Вера и Паша. Как читатель понял, мой отец Степан и моя тетя Феня были старшими среди детей.

*Мой папа
Юзвенко Степан Семенович*

С большой любовью вспоминаю своего дедушку Семена Юзвенко — главу всей большой семьи Юзвенко. Он был очень высоким, худощавым (из-за этого я его помню всегда сутулым), по характеру — очень добрым, мягким, молчаливым. Про таких людей, каким был мой дедушка, говорят — «мухи не обидит!». Хотя

Мой дедушка Юзвенко Семен, бабушка Дарья со мной на руках, моя мама (вторая слева), братья и сестры папы

однажды он меня двухлетнюю отшлепал, и затем это был мой «коронный номер». Когда меня впоследствии спрашивали: «Тебя дедушка бил?» — «Бил!» «А что говорил?» Отвечая его словами на украинс-

ком языке: «Ты нашо цибулю (лук) рвала га-а-а-а!», я начинала не то плакать, вспоминая обиду от шлепка, не то петь, чем вызывала общий дружный смех.

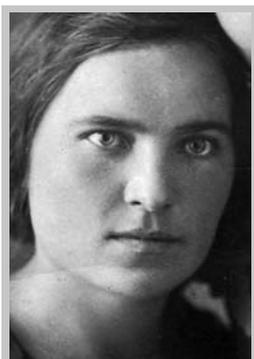
А наказал меня дедушка за то, что я зачем-то у них на грядке вырвала весь зеленый лук.

Мама работала, и первое время меня нянчила мачеха папы — бабушка Дарья — очень симпатичная, полная, добродушная украинка. Наш «особняк» благо находился от их «коттеджа» недалеко — на соседней улице.

Их «развалюха» была еще меньше нашей. Она состояла из сеней, маленькой проходной кухоньки с печкой и небольшой комнаты. Не представляю себе, как все там помещались. Это был тоже брошенный поляками домик. Ведь город Дрогобыч Львовской области, а тогда это был областной город, был бывшей территорией Польши. А «перетацила» в этот городок всю семью папина сестра тетя Мария во время войны — она уже училась там в институте связи. Папа мой в это время был на фронте и уже после войны привез мою маму на Западную Украину.

*Я у своего дома,
где родилась и выросла*

Моя мама

Мои родители

Я была первым ребенком от второго брака папы и второго брака мамы. Первый брак мамы, в девичестве Синевой Анастасии, был неудачен. Как рассказывали, маму выдали замуж за мужчину в то время высокопоставленного — он был директором завода. Однажды он ей изменил со своей секретаршей. Будучи женщиной красивой, гордой, мама ему этого не простила и оставила его. Мой дедушка, мамин отчим,

был категорически против развода, тем более что у них уже был ребенок, моя старшая сестра Лариса. Но тем не менее, они расстались. Мама в это время работала на полях инженером-гидро-мелиоратором. Все это было в Казахстане, в городе Джамбуле, во время войны.

Мой отец, будучи первым парнем на деревне, довольно долго оставался холостым. Он был обладателем привлекательной внешности и красивого вокального голоса. Голос у него был природной постановки — сильный, высокий лирический тенор. Отец был душой всех деревенских компаний, где плясали и пели под гармошку.

Моя мама и мой папа

Голос у папы был таким звонким, что рассказывали очевидцы, в одной деревне Степа пел — в другой было слышно.

Вообще-то очень хорошо пела вся его семья, но папа выделялся особо. Женился он в 27 лет прямо перед войной и, не дождав-шись своего первенца, ушел на фронт. Мой старший брат по отцу Виталик родился, уже когда отец был на фронте.

У отца была сложная фронтовая жизнь: был на передовой, был ранен, был в плену... После очередного, очень сильного ранения (были удалены пара ребер, задето легкое), будучи в госпи-

Папа с первой женой Татьяной

тале, в письмах между отцом и его первой женой Татьяной произошла размолвка, и отец стал свободным... Это было перед концом войны. После госпиталя его для пол-ной реабилитации послали работать в тыл, в Казахстан, шофером. Вот там, в полях, где работала и моя мама, они познакомились. Перед го-

лосом и внешностью папы мама устоять не могла, и... они расписались по военному билету отца, несмотря на все протесты отчима и матери мамы. Говорят, дедушка даже с топором преследовал моего отца. И все же папа увез мою маму к своим родителям, которые к тому времени уже жили на Украине. Вот там-то после войны и появились на свет я, а затем и мой брат Валерий.

Я с папой и Валерой

Роза

Мне 3–4 года

Довольно долго семья наша жила счастливо. Мама забрала на Украину свою старшую дочь от первого брака мою сестру Ларису. Маленькие грядочки перед нашим домом служили нам хорошим подспорьем в эти голодные годы на Украине. До сих пор вспоминаю вкус фруктов от наших диких яблони и груши, а под ними всегда росли щавель, петрушка, укроп и большое количество анютиных глазок (мама очень любила цветы).

Перед нашим домом был небольшой огород — грядки с разными овощами, а вот на половине наших соседей по дому — пани Евы и пана Юрко — всегда росла картошка.

Однажды, когда эта картошка цвела, мы с моим младшим братом Валерой (у нас разница в возрасте 2 года) заметили посреди этого цветущего картофельного поля выросшую красную красивейшую розу. Как она там оказалась, до сих пор не пойму. Мы, естественно, были поражены такой красотой, и нам захотелось эту розу сорвать (думаю, что это была моя идея). Но, зная строгость и принципиальность нашей мамы по поводу того, что чужого брать нельзя, мы решили, чтоб нас никто не заметил, по-пластунски среди высокой и цветущей картофельной ботвы добраться до этой розы. Удачно преодолев это «опасное» расстояние, изрядно наколовшись шипами розы, пока мы ее сры-

*С бабушкой Дарьей
возле ее дома*

вали, счастливые, держа розу на вытянутой руке вверх, чтоб она внезапно не исчезла, пока мы на чужой территории, мы стали медленно продвигаться с ней по картофельному полю на свою половину огорода. Окна дома выходили прямо в огород. А вдруг пани Ева или пан Юрко увидят?.. Весьма удачно добравшись на свою половину, мы с братом с этой розой выходим из позы по-пластунски и вдруг нос к носу встречаемся с мамой. Оказывается, в это время она шла с работы и вдруг видит, что за чудеса — роза, которой она уже любит несколько дней, плывет над цветущим картофельным полем пана Юрко и пани Евы! Несколько минут

понаблюдав и все поняв, она решила поймать нас с поличным.... Видно нам был «преподан» хороший урок по поводу честности, потому что и я, и, надеюсь, мой брат запомнили этот эпизод навсегда! Что касается честности, наша мама была кристально чистым человеком и нас воспитывала в том же духе. Помнится еще случай, опять же в нашей всегдашней компании с братом Валерой.

Маки

В огороде соседнего дома росли маки. Когда они созрели и из зеленых коробочек превратились в темные и сморщенные, нам захотелось их попробовать, мы ведь знали, что это вкусно! Но достать их было непросто. Там был хотя и небольшой, но забор, правда, чуть ниже нашего роста. Все это было до школы. Мой брат Валера предложил доставать эти маки его удочкой для ловли рыбы. Удачно зацепив один мак крючком от этой самой удочки и сорвав его, мы так увлеклись этим занятием, что не заметили как нас опять «усекла» наша мама. Видно, мы плохо ориентировались во времени. Она нам задала хорошую трепку. Брату тут же на месте попало его же удочкой, а меня повели в дом для «разборки». Ведь мама считала, что если я старше, значит — зачинщица. Наверное, так оно и было. Разбиралась мама со мной у обеденного стола и в серд-

цах отшлепала меня первым, что ей попало под руки. Это была деревянная скалка для теста.

Расстроившись, что ей пришлось нас наказать, мама по приходу нашей старшей сестры Ларисы из школы рассказала ей про все. Лара старше меня на 9 лет и в это время уже была старшеклассницей. Сестра решила продолжить наше воспитание и, подмигнув маме, стала нарочно громко выдумывать историю о том, как на уроке им показывали такой приемник, по которому можно видеть, где и что происходит. Речь шла о телевизоре, но мы о нем что-то где-то слышали, но видеть никогда не видели. Так вот якобы она, Лариса,

попросила преподавателя навести этот приемник на наш дом, чтоб посмотреть, что там делают ее братик и сестричка. И как же ей было стыдно за нас, потому что в это время мама била нас за воровство!

Мы с братом все это слушали, открыв рот, но потом я нашла — а вот и неправда! Не может быть, чтоб был такой приемник и чтоб вы все видели.

- Да нет же, есть такой приемник! — уверяла нас сестра.
- Тогда скажи, чем она меня била? — не унималась я.
- Скалкой для теста! — уверенно ответила Лариса.
- И правда! — удивилась я.

Вот так я узнала и поверила в то, что есть такой приемник. А впервые увидела телевизор уже в шестом классе у наших богатых соседей. Мы же жили настолько скромно, что и мечтать о нем не могли.

Наши игры

Вспоминаются еще некоторые эпизоды моего довольно счастливого дошкольного детства.

Как-то однажды моего соседа и товарища по играм оставили дома одного и калитку закрыли на замок, чтоб он не ушел со двора.

Я (в первом ряду) со старшей сестрой Ларисой (во втором ряду справа, с косами) и младшим братом Валерием

Со своей крестной тетей Марией, сестрой папы

Недолго думая, я решила перелезть через соседский забор с тем, чтоб навестить его. А забор был довольно высокий, железный и наверху этого забора, как сейчас помню, острием торчали железные пики. Вот как раз за такую пику я и зацепилась рукой и вскоре, потеряв равновесие и опору под ногами, оказалась висящей на одной из пик.

В это время по улице из магазина шла моя бабушка. Она-то и спасла меня, сняв с пики, и отвела в больницу, в ту самую, где мне месячной зашивали нос. Так у меня появился еще один шрам — на руке.

Игрушек своих я не помню, наверное, потому, что у нас их и не было. Нашей постоянной и главной игрой была игра в войну. Играли в нее все, и девочки и мальчики, и даже наша старшая сестра. Она у нас была предводителем. Вначале мы строем по росту ходили вокруг нашего дома, мимо нашего туалета, а потом разбежались в разные стороны и прятались, «стреляя» друг в друга палками-винтовками...

Однажды в таком «марше» наш брат Валера провалился в выгребную яму уличного туалета. Это чуть не обернулось трагедией. У него было отравление. Вызывали «скорую». Но к счастью, все обошлось и он быстро поправился.

Напротив нашего дома, чуть наискосок, во дворе наших соседей росла большая вкусная груша. И вот, решив помочь соседскому мальчику рвать груши, я залезла довольно высоко на дерево. Встав на сухую ветку, которая обломилась, я свалилась, и к своему счастью приземлилась на стол, где под этой самой грушей проветривалась перина. Если б не она — мне пришлось бы туго!

Мама отстала от поезда

Когда мне было года три, а моему брату 1 год, мама вместе с нами поехала летом к нашей бабушке, своей матери, на побывку в Казахстан. Ехать надо было долго: трое или четверо суток, с пересадкой в Москве. На одной из больших станций мама вышла купить продуктов. Нас с братом она поручила молодой паре, которая

ехала с нами в купе. Поезд опаздывал. Стоянку сократили, и наша мама отстала от поезда. В панике она бросилась к начальнику вокзала. Тот, связавшись с поездом, распорядился, чтобы нас вы-

В детском саду. Я четвертая слева в верхнем ряду

садили на большой ближайшей станции и сдали работникам вокзала, пока мама нас не догонит. Как рассказывали потом маме эти работники, Валера все время плакал и звал маму, я же вела себя молодцом и все время успокаивала его и себя, говоря, что скоро мама нас найдет. Не знаю, сколько времени прошло, пока мама нас догоняла. Но, по рассказам очевидцев, увидев нашу маму на перроне, где мы ее ждали, я спокойно произнесла: «А вот и наша Наташа идет!» Зато потом я спала почти сутки не просыпаясь...

Парикмахерская с чубчиком

У бабушки мы хорошо отдохнули. У нее был свой дом, сад, огород, были своя корова, свинья. Мы там поправились и окрепли. В свои три года я была уже довольно смышленной девочкой. Перед нашим отъездом домой бабушка, дав мне денег, велела отвезти брата Валеру в парикмахерскую, которая находилась рядом с нашим домом, чтобы его там постригли и непременно чтоб оставили ему чубчик.

— Да ты смотри, не давай сразу всех денег, а спроси сначала, сколько это будет стоить, — наказывала бабушка.

Взяв брата за руку, я с ним двинулась в парикмахерскую. Не успели мы в нее войти, как я заорала на всю парикмахерскую: «Сколько стоит ваша парикмахерская с чубчиком?!» — Все дружно рассмеялись. Им так понравился мой вопрос-возглас, что мой брат был пострижен с чубчиком совсем бесплатно.

Поездки с папой

Одним из самых ярких ощущений в детстве был запах бензина, которым заправляли грузовики. Мой папа работал шофером на полutorке в «Заготзерно» — возил зерно. В основном это были поездки по области и району. Когда он брал меня с собой в рейс — это был праздник. Машина мне казалась большой, я сидела с ним рядом, а мимо поля, поля...

*Мой папа возле машины,
на которой он работал*

Папа был классным водителем. Проработав на машине до самой пенсии, он постоянно получал всякие грамоты и награды за то, что ездил без аварий. Человек он был спокойный и не суетливый. И все время за рулем пел. Это, наверное, не мешало ему водить машину. Хотя однажды мы с ним заехали... в кювет.

Это было очень поздно вечером. Помню, мы долго ждали трактор, чтобы он вытащил папину машину. Приехали домой очень поздно. Хорошо, что мама была с нами...

Кувшин сметаны

Однажды, когда я была у бабушки и дедушки в Казахстане, дедушка с бабушкой куда-то пошли по делу, а меня оставили дома одну. Мне было лет пять. Заигравшись и соорудив в уголке комнаты «свой домик», я решила обозначить вход в свои «апартаменты». Недолго думая, я обозначила этот вход веревкой, один конец которого привязала к кувшину, в котором выдерживались сливки для сметаны. Забыв про эту веревку, я вышла из своего домика и кувшин с грохотом упал на пол и разбился. Вся сметана оказалась на полу, а вот-вот должны были прийти домой дедушка с бабушкой. Что же делать? Я быстро собрала осколки от кувшина и, взяв тряпку, стала усердно размазывать содержимое кувшина по полу. Мне казалось, что я очень удачно «замела следы». Как

только дедушка с бабушкой пришли, я с гордостью им сообщила, что помыла в комнате пол.

— А что это за белые полосы между досками? — спросила бабушка. Отпираться было бессмысленно! Пропажа кувшина была замечена и я во всем созналась. Конечно, меня ожидала взбучка...

Про бабушку, барахло и смерть Сталина

С моей бабушкой по матери Синевой Александрой Захаровной у меня были особенные отношения. Она была человеком довольно интересным. Донская казачка, в девичестве Кувшинова (как она оказалась в Казахстане не знаю), она разговаривала на языке полурусском, полуукраинском и прекрасно говорила на казахском. Как-то в очереди в магазине, «зацепившись» беседую с казашками, бабушка опомнилась:

— А ну, Валька, бижы (беги) закрой хату, а то я забыла!

— А зачем? — поинтересовалась я.

— Как зачем? А як что все украдут?

— Да что ты, бабушка, — успокоила я ее. — Да кому нужно твое барахло! Это ведь надо ишака (осла) нанимать!

Очередь развеселилась. И бабушка тоже. И совсем было всем не до шуток и смеха, в том числе и моей бабушке, когда умер Сталин. Я это событие хорошо помню, несмотря на то что, еще не ходила в школу.

Мы с бабушкой несли кому-то молоко (у нее была своя корова), и вдруг по радио сообщили о смерти Сталина. Это было в центре города Джамбула. Что здесь началось! Народ собрался у громкоговорителя! Причитали! Плакали! Моя бабушка от неожиданного известия даже выронила бидон с молоком! И тоже стала плакать. А ведь в 38-м году за то, что она держала корову и свинью, ее посадили в тюрьму как кулачку. Хорошо хоть выпустили! Не знаю, правда, сколько она там просидела. А теперь все рыдали!

*Я в шестилетнем
возрасте*

А я не могла понять, почему все так убиваются по чужому дяде. Но понимала, что случилось что-то очень серьезное.

Сундук

У бабушки в спальне стоял большой сундук, где было очень много всякого «добра». Там были и шали, и всякие отрезы на платья и т. д. и т. п., и множество салфеток кружевных и еще платья, наверное, смолоду. Бабушка, увлеченная своим хозяйством, скотиной, редко заглядывала туда. Мне кажется, что она даже толком не знала, что там находится. Зато я содержимое этого сундука знала хорошо, потому что не было там такой вещи, которую

*Моя бабушка
Александра Захаровна
Синева*

бы я на себя не примеряла. Разумеется, все это было втайне от бабушки. Особенно меня интересовали всевозможные отрезы материалов. Мне казалось, что если вот тут сшить, а вот тут разрезать, будет прекрасный наряд или вечернее платье, что я и пробовала делать. Понятно, что у меня в 10–11 лет это вряд ли бы получилось. Намучившись с «моделью», я бросала это занятие, а «раскроенные» полуфабрикаты аккуратно сворачивались и отправлялись обратно в сундук. Но бабушка практически не заглядывала туда и о моих портняжных потугах так ничего и не знала.

А может быть, она и узнавала обо всем, но уже тогда, когда нас в гостях у нее не было и за эту шкоду ругать было некого.

Из этого сундука, несмотря на то что бабушки уже давно нет в живых, у меня имеется белая шелковая шаль. Я ее отлично помню в том сундуке! А не так давно даже надевала эту шаль на премьеру поставленной мной оперетты И. Кальмана «Фиалка Монмартра», где я играла роль мадам Арно. Как хорошо, что я в свое время ее не порезала! Это, пожалуй, единственная вещь, которая осталась мне после смерти бабушки. Сколько же ей лет?! Но она не выходит из моды. А все мои швейные потуги не прошли даром. Впоследствии почти все концертные туалеты я шила себе сама. И не только концертные...

Ах, этот борщ

Мама очень часто уезжала ненадолго в командировки, так как работала на полях гидромелиоратором. А мы маленькими были оставлены на попечение старшей сестры, так как папа приходил с работы поздно. Вот однажды, когда мама была в отъезде, Лариса, наша сестра, решила нам устроить хороший обед — сварить вкусный борщ. Борщ действительно она сварила вкусный (готовит она сейчас прекрасно), но если учесть, что кулинару тогда было лет 14–15, то вполне понятно, что она могла и перестараться, что она и сделала. Не рассчитав, она положила в борщ много перца. Сама это осознав, она несколько успокоилась, когда отец, придя на обед, с удовольствием съел две тарелки, крихтя и нахваливая борщ! Он любил острые блюда.

Но куда хуже было с нами: мы с братом этот борщ есть отказались. Поскольку у Лары было задание нас накормить, а больше она ничего не сварила, она нас оставила

перед полными тарелками с ультиматумом — или мы едим борщ и идем гулять на улицу, или она нас закроет в доме, и мы не сможем выйти, пока не съедем. Конечно, такой перченый борщ мы есть не стали. И так мы оказались закрытыми снаружи сидя за столом перед этим злосчастливым борщом.

Недолго потужив, мы нашли выход: вылили свой борщ в полойное ведро, а сами через окно вырвались на волю. Это было не так сложно. Домик был одноэтажный, окна находились довольно низко от земли.

Нагулявшись вдоволь, возвращаясь домой, мы вспомнили, что послушали нашу «воспитательницу». Но делать было нечего, надо было идти домой. А Лара уже ждала нас на пороге... Конечно, мы получили от нее хорошую трепку. Но зато потом она часто нас баловала блинчиками и оладушками, которые пекла в виде всяких человечков.

*С моим папой
Юзвенко Степаном Семеновичем*

Анютины глазки

Во дворе нашего дома, под дичками яблони и груши, у мамы были грядочки, где росла всякая зелень: петрушка, укроп, щавель и ... анютины глазки. Их было много. Мама любила цветы, особенно анютины глазки, и выращивала многие сорта этих цветов. В то время, когда мы с братом были еще «мелкие», наша сестра Лара становилась уже девушкой, и у нее появились кавалеры. Лариса росла скромной девушкой. Особым украшением ее внешности были довольно длинные толстые косы. В отличие от своих сверстниц, я думаю, Ларе редко приходилось выходить с ребятами на «гулянки», так как ей нужно было помогать маме по хозяйству, ведь мы были маленькими. И вот однажды один из Лориных ухажеров пришел к нам с просьбой отпустить ее с ним погулять. То ли мама побоялась ее отпустить, потому что поздно, то ли действительно было много домашней работы, но мама Лару не отпустила, чем вызвала расстройство сестры. Та стала плакать, а ее воздыхатель, получив строгое «нет» от мамы на все свои уговоры, поучаствовав в перебранке между мамой и Ларисой, очень раздосадованный удалился ни с чем восвояси с желанием отомстить за подругу.

Утром под нашими деревьями анютиных глазок не оказалось. Ими был украшен наш дворový туалет.... Так молодой человек отомстил нашей маме. Но анютины глазки в нашем дворе не перевелись.

Фотография

Иногда мама, конечно же, пускала нашу Лару погулять с ребятами и подругами, но довольно часто я прилагалась ей в нагрузку. Мне очень нравилось быть «хвостиком» у моей старшей сестры. Ведь это было интересно. Они были почти взрослые, и с ними можно было пойти в лесопарк, который находился довольно далеко от дома — надо было ехать на автобусе. Как-то раз Лара со своим кавалером и с подругой взяли меня в этот самый лесопарк. Парень Лары нас сфотографировал. Лара потом показала мне фотографию, где я запечатлена с ней и ее подругой! Фотография мне понравилась, но я посетовала на то, что на снимке была повернута к Ларе с подружкой. Почему он не снял меня одну?!

Вследующий раз Лара не захотела меня взять с собой, я раскапризничалась и, чтобы меня успокоить, Лара предложила:

— Хочешь, я попрошу своего парня, он сделает тебя на фотографии одну?

Предложение было заманчивым, и я согласилась, оставив Ларису в покое.

Получив долгожданную фотографию, на которой я действительно была одна, но точно в той же позе (читатель догадался, что фотография была просто обрезана), я недоумевала: почему же он меня не развернул! Моего лица же совсем не видно! Ах, эта детская непосредственность!

До шестого класса я была довольно мелкой и на физкультуре в шеренге была второй с хвоста. Помню, мы все мерились с сестрой ростом. Она же была по своим годам довольно крупной девицей, и все мне говорила, что я не буду выше нее, а так и останусь невысокой. Но после каникул, с начала учебного года, я уже была второй от начала шеренги по росту, и моя мама стала бояться, что я буду очень большой, если так и дальше буду расти, и в шутку грозилась отдать меня замуж за нашего соседа, если я не буду слушаться. У него, несмотря на молодость, была своя машина, а может, и не своя, может, он на ней работал, подробностей не помню. Однажды, решив меня прокатить, он врезался в машину, а другая машина ударила нас сзади. Все обошлось испугом, но больше мама на эту тему со мной не шутила и с ним не отпускала. Боялась.

Со старшей сестрой Ларисой (в шляпе) в лесопарке

Мороженое

Однажды мы с Ирцей (так в бывшей Польше произносили имя Ирина), моей подругой, пошли в кино. Естественно, нам дали

денег на кино и сверх того мне мама дала на мороженое. А Ирце на мороженое не дали. После кино, на обратном пути, купив молочное мороженое в стаканчике, мы принялись лизать его по очереди. Нам показалось это неудобным, и мы решили его разделить пополам вдоль. Делили мы его вдвоем, и у нас не все получалось.... Так мы и не поняли, почему мороженое оказалось на земле. Поднять его уже не было никакой возможности — мы так долго его делили, что оно подтаяло и жидким месивом растекалось по земле. Мы с Ирцей, конечно же, очень расстроились.

Но зато потом, когда мама уехала в командировку на пару дней (это было где-то в 5 классе) и оставила мне на жизнь 50 рублей (не помню почему, но я была дома одна), я «оторвалась», что называется, на мороженом по-полной! Зачем тратить деньги на какую-то еду, когда можно есть мороженое. Мы с Ирцей навёрстали упущенное, да так, что у меня сильно заболело горло, а мама должна была назавтра приехать... Что делать? И я решила — съем еще мороженое, ведь все равно горло болит, будь что будет, и о чудо! После последней порции мороженого горло перестало болеть. Я выздоровела!!!

«Кати - горошек»

Когда я была совсем маленькой (мне было года три, а может, и меньше), моя тетя Паша, папина сестра, повела меня с моей двоюродной сестрой, тоже Валею, в наш Дрогобычский музыкально-драматический театр, где она работала костюмером. Шел детский спектакль «Кати - горошек». Ужасы в этом спектакле были поставлены так реально, что наш первый поход в театр закончился плачевно: и я, и моя сестра стали заикаться! У меня довольно быстро это прошло, а вот у моей двоюродной сестры небольшое заикание осталось на всю жизнь!

Очень ярко вспоминаются компании по случаю праздников, когда

Со старшей двоюродной сестрой Любой

вся наша огромная семья Юзвенко собиралась и после застолья долго звучали всякие песни, в основном украинские. Петь в нашей семье любили все.

До первого класса все в нашей семье шло хорошо, но потом для всех нас наступили нелегкие дни.

Разлад в семье

Тетя Таня, первая жена папы, написала письмо-жалобу на работу моей мамы о том, что брак между моим отцом и моей матерью недействителен и что она хочет, чтобы ее законный муж к ней вернулся. Помню, что маме на работе устроили товарищеский суд (тогда это имело место). О чем был этот суд и его итоги я не знаю, но после этого все пошло не так. Дома начались скандалы. Все чаще были письма от первой жены отца, Татьяны. Отец стал сильно выпивать...

Мама подала в суд на развод. Развод был формальным, так как брак действительно признали незаконным, потому что он был зарегистрирован по военному билету отца. Отец разводиться не хотел. Но по вечерам, когда он приходил с работы нетрезвый и начинались выяснения отношений между родителями, атмосфера накалялась до предела.

В это время специалистов маминого профиля по работе отправляли в деревни, в тогда только что организованные МТС (машинно-тракторные станции). И вот мама, чтобы уйти от домашних скандалов, сама добровольцем напросилась в деревню работать. Я была уже в первом классе. Помню очень красивый мамин портрет в газете и потом — деревня. Брата Валерия мама отправила к бабушке и дедушке в Казахстан, а меня взяла с собой.

В деревне Выкоты

Проучившись пару месяцев в русской школе в Дрогобыче, я оказалась в украинской школе села Выкоты Самборского района. Жили мы на квартире.

Помню вечера, когда мама долго и нудно занималась моими волосами. Косы у меня были достаточно большие, и из школы я постоянно приносила домой вшей. Не успеет мне мама их вывести, я их опять наберу. Наконец маме надоело мучиться с моими волосами, к тому же я заболела корью, и меня обрили наголо.

В школу я ходила в косыночке. Мои одноклассники, особенно мальчишки, смеялись надо мной, обзывая лысой. Я обижалась и не понимала, зачем меня мама лишила волос. Ведь все девочки в классе ходят с волосами, хоть и со вшами. Но ведь они никому не мешают, а меня взяли и на посмешище всем обрили! Но мои переживания очень быстро закончились. Все привыкли к тому, что я без волос, и на мою косыночку уже никто не обращал внимания. Зато мама, учитывая свою, может быть, даже чрезмерную чистоплотность, была рада этому — ведь теперь не надо до поры до времени заниматься моими волосам!

В этой украинской деревне Выкоты и началась моя вокальная «карьеря». Учительница по пению, обнаружив у меня хороший слух и голос, стала активно со мной заниматься. Я сделалась постоянной участницей всяких смотров самодеятельности, конкурсов и просто школьных концертов. Репертуар у меня был солидный: школьные песни, народные и даже классика. Своим тоненьким и чистым голосочком я могла петь очень высокие ноты.

В деревне мне все было интересно и все как-то по-другому. У нашей хозяйки был взрослый сын, который вот-вот должен был жениться. И вот я помню, с каким интересом и любопытством я наблюдала за обрядом женитьбы их сына на девушке из другой деревни. В день свадьбы родители невесты и сама невеста приехали задолго до обряда и расположились в одной половине дома. А родители жениха и сам жених были на другой половине. Мне, семилетней, было очень интересно, что же происходит и там и там. На стороне невесты были одни разговоры, на стороне жениха — другие.

Родители жениха сетовали:

— Да что же он выбрал-то такую девицу, и не очень хороша собой, и тощая какая-то! Наверное, она чахоточная!

Направившись на половину невесты, я незамедлительно решила выяснить, действительно ли невеста чахоточная! Родные невесты остолбенели.

— С чего это ты взяла, девочка?

— А так сказала про нее мама жениха.

Словом, я чуть было не расстроила эту свадьбу. Но тут вмешалась мама моя. Я была выдворена из помещения на улицу, а затем получила свое от мамы, и запомнила на всю жизнь, что сплетни-

чать очень скверно. Наверное, в то время я не знала, что это так называется, и почему меня наказывают, ведь я хотела искренне помочь разобраться в ситуации — действительно ли невеста чахоточная? Но это так и осталось не выяснено...

В деревне мы пробыли недолго. Через год мама и я вернулись в Дрогобыч, брата Валерия привезли из Казахстана, а папа уехал в г. Стерлитамак к своей первой семье. Расставание было тяжелым. Папа плакал, мы с братом тоже. Началась другая жизнь!..

Музыка

Самые первые впечатления, связанные с ощущением музыки, у меня были несколько странными, и проявились они еще до поездки в деревню. Как понял читатель, в детстве музыкой мне заниматься не пришлось. Наше материальное положение было таким, что об инструменте даже мечтать нельзя было, не то что его приобрести. Но тяга к музыке, естественно, была, тем более что моя старшая сестра Лариса пела дома постоянно. В ее репертуаре были все песни из кинофильмов, в то время идущих на экранах города, а также все песни, звучавшие в то время на патефонах.

Дома у нас проигрывателя не было. Но, обладая хорошей памятью и музыкальным слухом, моя сестра все быстро выучивала из того, что слышала на стороне. Во время уборок, готовок, мытья окон мы с братом были свидетелями и благодарными слушателями ее домашних концертов. Вскоре к этим выступлениям стала робко примазываться и я. Но настоящей музыки я, конечно, не слышала.

И вот, однажды на нашей небольшой улочке Польной на окраине города установили громкоговорители.

В этот день я шла со школы, это были первые учебные дни первого класса, и вдруг я услышала звучание настоящего оркестра. На всю улицу раздавалась совершенно фантастическая мелодия в прекрасном исполнении симфонического оркестра. Это было какое-то чудо! Во мне как будто все перевернулось. Я просто физически ощущала невероятный трепет оттого, что, казалось, каждая клеточка моего тела среагировала на эту дивную мелодию.

Улица была длинная, громкоговорителей несколько. И вот пока я шла по улице, я имела возможность наслаждаться звуча-

нием оркестра. Это все было из какой-то другой, неизвестной и фантастической, нереальной, но прекрасной жизни!

Мне захотелось спрятаться вместе с этой музыкой в какую-то большую бочку и чтобы она звучала долго и чтобы ее было много и чтобы все это было только для меня одной. Мне было обидно, что она звучит вот так, как-то неэкономно, на улице, для всех, а все в это время заняты своими делами и, наверное, не слушают ее. Я не входила в свой дом до тех пор, пока звучала музыка, и мне было очень жаль, что все закончилось!

Я долго ходила под этим первым большим эмоциональным впечатлением. Оно было таким сильным и потрясающим, что я его запомнила на всю жизнь. Было как-то печально и горько и радостно и сладко одновременно. Потом был еще один концерт по громкоговорителю, затем у нас появился и приемник, но такого сильного впечатления у меня больше не было.

Туфли, одни на двоих

После отъезда папы материально нам стало еще хуже, не смотря на то, что мама работала, денег нам все время не хватало. Мама работала инженером, но зарплата у нее была небольшая, а нас, детей, трое. Лара была уже девушкой, и ей нужно было как-то толком приодеться и обуться. Несмотря на алименты, которые присылал папа, мы едва сводили концы с концами.

Помню курьезный случай. Где-то в 4–5 классе мой размер ноги стал таким же, как у моего брата Валерия, а перед самым праздником 1 Мая, мои туфли вконец порвались. Зато брату Валере мама только что купила новые туфли, так как его порвались еще раньше, чем мои. И вот на праздник мы долго спорили, кому же надеть эти новые туфли. «Победила» я, так как мне на демонстрации нужно было со всем классом принимать участие в построении перед трибуной. Одинаково одетые, присаживаясь, мы группировкой своего тела образовывали буквы типа «Слава КПСС», которые должны были читаться с трибуны...

Пионерский лагерь

Каждое лето мы бывали в пионерских лагерях. Впечатления были самые незабываемые — походы, концерты, костры, всякие спортивные состязания.... Когда я еще была в младших классах,

моя сестра Лариса работала пионервожатой в старшей группе пионерского лагеря. В той же группе работал воспитателем ее молодой человек Федор Науменко, впоследствии ставший ее мужем, и естественно, они меня взяли в свой отряд. Я проявляла всяческое рвение, чтобы «соответствовать». С большим удовольствием дежурила на кухне, потому что дежурные могли не спать в «тихий час», убирала в палате и т. д. Но когда дело дошло до недельного туристического похода, Лара с Федором засомневались — надо ли меня брать с отрядом? Поход был довольно сложный, в горы Карпаты, на скалы Довбуша.

С большим трудом я их уговорила, взять меня с собой. Я тащила на себе все, что мне давали, и все, что только могла тащить. Держалась из последних сил. Федор, видя, что мне тяжело нести поклажу, всячески пытался меня разгрузить и нес сам. Старшие мои соотрядники усекли это и как только я оказывалась налегке, тут же меня нагружали, зная, что Федор опять все у меня возьмет, жалея меня. Однако он недоумевал:

– Я ведь вроде тебя разгрузил, а тебе опять тяжело!

Но, наверное, все же для такого похода я была еще достаточно «мелкой». Помню хорошо это состояние, когда ноги не хотят идти. Мы садимся на привал, и кажется, что встать уже не возможно. Но... надо идти...

В скалах Довбуша мы нарезали веток, набросали их на землю, постелили одеяла и спали, прижавшись, друг к другу, так как ночью было достаточно холодно. Когда одному нужно было перевернуться, переворачивались все. Но зато как я была горда, когда в конце похода всем, в том числе и мне, были вручены значки «Турист СССР». После этого похода я действительно чувствовала себя «большим туристом».

*Мое вокальное выступление
в пионерском лагере*

На открытии и на закрытии заезда устраивали торжества с костром и концертом. Конечно же, я была постоянным участником таких концертов, ведь я была «певицей» со стажем...

Скарлатина

В четвертом классе, когда мне было лет одиннадцать, я довольно сильно заболела скарлатиной. Меня отправили в больницу, все в ту же областную больницу, где мне зашивали нос и руку.

Она находилась рядом с домом родителей моего папы, моих дедушки и бабушки, на соседней улице. В больнице у меня вдруг почти отнялись ноги (видно, это было осложнение от скарлатины). Боясь уколов, я долго скрывала это от врачей, и в этом мне содействовали мои друзья по палате. Они мне помогали сойти с постели, сесть на стульчик, а когда приносили в палату еду, подтягивали меня на этом стульчике к столу. Осложнение не проходило, и скрывать это дальше было невозможно. Получив все же свою положенную порцию уколов, но не избавившись полностью от осложнения, после выписки из больницы мне выдали справку, которая освобождала меня от занятий по физкультуре. Наш физрук, он же мой тренер по легкой атлетике, внимательно изучив эту справку, на моих глазах ее порвал и заставил заниматься и на уроках и в секции еще больше. Я ему за это очень благодарна. И вскоре действительно у меня все прошло.

С одноклассниками и физруком на природе. Я в центре

Мне кажется, что я болела всеми детскими инфекционными болезнями. В раннем детстве болела свинкой, а сразу после скар-

латины заболела коклюшем. Кашель донимал, и никакое лекарство не помогало.

Наша соседка посоветовала маме ранним утром, часов в 6 утра, водить меня на речку дышать речным воздухом. И действительно, я довольно быстро выздоровела. Хотя вставать так рано было для меня ох как не просто. Мама всегда жаловалась, что вечером меня не уложить, а утром не поднять!

Урок честности

Я уже писала, что моя мама была кристально честным человеком. На всю жизнь я запомнила урок, который она мне преподала.

Послав меня в магазин, она велела мне купить, как сейчас помню, килограмм риса. В магазине я заплатила за один килограмм, а продавщица ошиблась и взвесила мне два килограмма. Я это заметила, но промолчала. По дороге домой очень радовалась тому, что вместо одного килограмма риса несу домой два, и по приходе домой с гордостью сообщила об этом маме. Мама очень сильно разгневалась, отругала меня и заставила немедленно пойти обратно и оплатить еще один килограмм риса. Идти было довольно далеко,

В школе с моим классом. Я в верхнем ряду, пятая слева

но, не хотелось, но, пристыженной, мне ничего не оставалось, как опять идти в магазин. Этот урок я запомнила на всю жизнь! И впоследствии жизнь как будто меня проверяет. Мне довольно часто дают в магазинах либо больше сдачи,

либо больше продуктов, но я с честью выдерживаю этот жизненный экзамен. Я знаю — это проверка!

С мамой на Кавказе

Очень хорошо помню мамин отпуск, который состоялся не то в сентябре, не то в октябре. Мама взяла меня с собой на Кавказ. В каком месте мы отдыхали, не помню, но помню, что мы жили у маминых знакомых.

Я впервые была на Кавказе. Конечно, мне очень там понравилось. Я была поражена красотой мест, особенно красотой озера, где мы плавали на лодке.

Поскольку учебный год уже начался, было решено, чтобы я за время маминого отпуска не отстала от школьной программы, устроить меня временно в местную школу. Класс, в который меня определили, был необычным. Он состоял как бы из нескольких классов. Каждый ряд в этом помещении был отдельным классом. Одновременно в этом классе училось 4 класса, от первого по четвертый включительно, то есть классы начальной школы. Учитель был один. Он по очереди задавал задания и по очереди занимался определенным классом. Учеников было достаточно много, но, как ни странно, был порядок.

Не помню, в каком селении точно мы были, и спросить уже не у кого, но точно помню, что это было на Кавказе.

В интернате слепых

У мамы была близкая подруга, которая заведовала детским интернатом слепых в городе Сколе. Этот город тоже находится на Украине. В этом доме-интернате жили и учились совсем слепые и малозрячие дети. Не помню почему, но я летом на каникулах оказалась в этом интернате. Думаю, что мама уехала в длительную командировку, а может, просто ее подруга предложила маме отправить меня на пару недель к ней на отдых в г. Сколе.

Места там замечательные, я это помню. Дом этот находился не то в лесу, не то в парке. Огромные деревья соседствовали с красивейшими лугами. Все было там чисто и аккуратно. Я жила вместе с ребятами в их палате, вместе с ними ходила на обед, вместе с ними ходила на их занятия (они у них почему-то еще продолжались), а также, как и в пионерском лагере, с большим удовольствием дежурила на кухне.

Помню, когда ребята были на своих занятиях, стояла очень необычная тишина и какая-то особенная напряженная атмосфера. Они читали свои учебники пальцами!!! Это были очень большие книги на страницах, которых были выдавленные крошечные пузырьки. И вот ребята водили пальцами по строчкам с этими самыми пузырьками и учились распознавать сочетания этих пузырьков, которые складывались в буквы и слова. Затем они произносили эти слова вслух. Никогда не забуду их взгляд во время чтения взгляд, устремленный вперед, в никуда, в то время, когда внимание полностью перенесено на пальцы.

Несмотря на свою слепоту, вне уроков в коридорах и в бытовых помещениях вели себя эти ребята довольно шумно: играли, веселились. Дети, с какими бы недостатками они ни были, всегда остаются детьми. И все же для ребенка здорового и довольно подвижного обстановка казалась довольно напряженной. Я вспоминаю, почему-то чувство вины перед этими ребятами, с которыми быстро подружилась, за то, что я здорова и зрячая. Мне было их жалко и появлялось желание хоть чуть-чуть хуже видеть, чтобы быть с ними на равных, а не быть там «по благу».

Эти впечатления оказали мне неоценимую услугу, когда, уже став оперной певицей, мне пришлось работать над ролью слепой от рождения девушки Иоланты в одноименной опере П. И. Чайковского «Иоланта».

В секциях

Училась я всегда на «4» и «5» хотя, если честно, урокам внимания уделяла мало. Зато «хватала все на лету». А хорошо учиться было мамино условие. Если у меня будут тройки, то она мне не разрешит заниматься в секциях. В то время в школе секций всяких было множество, причем абсолютно бесплатно. Меня же интересовали спортивные секции. Самодеятельностью, то есть пением, я занималась всегда, а вот что касается спортивных занятий, то я их меняла. Вначале я занималась художественной гимнастикой. Потом, поняв, что гимнастки из меня не получится, стала заниматься легкой атлетикой, а именно пятиборьем (бег 60 м с трамплином, прыжки в длину, в высоту, метание копья, толкание ядра). А уже в шестом классе, когда наша семья — мама, мой брат и я переехали

в город Стрый в связи с переводом мамы по работе, я стала заниматься волейболом и даже имела второй юношеский разряд.

В городе Стрый я проучилась 6, 7, 8 классы. Это были, пожалуй, самые интересные школьные годы. Я стала лидером класса, меня выбрали комсоргом, мы организовали кружок самодеятельности и даже занимались, как могли, театром.

Баянист

Со мной за партой в школе сидел мой одноклассник Саша Бережной. Он был баянист, занимался в музыкальной школе по классу баяна, я же была «певица», и у нас началась с ним дружба. Жил он напротив моего дома, на втором этаже. Наша квартира была тоже на втором этаже, так что окна были напротив друг друга.

Мои одноклассники на уроке физкультуры. Первым бежит Саша Бережной

И вот мы с ним договаривались о том, что он будет меня будить по утрам игрой на баяне. Это будет как бы наш тайный сигнал.

Улица, на которой мы жили, была довольно узкой. Когда окно у Саши было открыто, баян был хорошо слышен. Мама же недоумевала и сердилась, — зачем с утра пораньше играть так громко, на всю улицу?! Она же не знала, что это Саша играл для меня.... Нам было по 14 лет...

Свадьба мамы

Там же в городе Стрый произошло событие, после которого, как мне кажется, я стала взрослой.

Наша мама, спустя несколько лет после развода с папой, решила устроить свою семейную жизнь. Человек, с которым она хотела связать свою судьбу, был из города Дрогобыч, где мы раньше жили. Мы его знали. Он был учителем труда в нашей бывшей школе. Человек он был холостой. На вид это был интересный, высокий, моложавый мужчина маминых лет (маме тогда было 45 лет).

Мама долго нас настраивала и подготавливала к этому событию. Подали заявление в ЗАГС в городе Стрый, куда мы переехали, и решено было, что мы, дети, обязательно будем присутствовать на церемонии бракосочетания. На свадьбу приехала и наша старшая сестра, уже с мужем Федей, из Дрогобыча (они остались там жить, в нашем старом доме). Мы все радовались за маму. Нам казалось, что этот мужчина ей подходит. Ей он тоже очень нравился. Наконец-то наша мама будет счастлива.

Помню, как все мы суетились, накрывали на стол, словом, все готовились к пиршеству!

Созвав гостей, все двинулись в ЗАГС. Он находился недалеко от дома. И вдруг, уже возле ЗАГСа, какая-то женщина набросилась на нашего жениха и стала выливать на него ушат бранных слов типа: ты подлец, ты бросаешь в Дрогобыче семью! Мы все просто остолбенели...

Выяснилось, что эта женщина была сожительницей маминого избранника и в семье у них еще была взрослая дочь этой женщины. Мы же ведь знали, что он свободен!

«Жених» от неожиданной встречи тоже оторопел и только моргал глазами.

Женщина разошлась не на шутку, стала своими криками привлекать внимание посторонних. Главным ее козырем, по поводу того какой он негодяй, были доводы в том, что он сожительствовал не только с ней, но и с ее взрослой дочерью, и все в таком духе....

Наш «герой» стоял, потупив взор, а потом стал успокаивать возмутительницу спокойствия, что-то невнятно бормоча.

Сестра Лариса решила категорично вмешаться и поставила вопрос ребром:

— Вы должны сейчас выбрать и решить — та, или эта! — Но он выбрать не смог.

Несмотря на то, что выглядел сильным и мужественным, на самом деле оказался слабым, трусливым, бесхарактерным человеком. Он пытался невразумительно маме что-то объяснять. Все это было нелепо и жалко...

Маме ничего не оставалось, как повернуться и пойти домой. Все гости вернулись в дом, а «жениха», по всей вероятности, вернули в город Дрогобыч. Скандал был страшный. С Ларой началась истерика!

Все перессорились, разбирая ситуацию! Кто-то обвинял Лару за излишнюю категоричность и напор! Словом, свадьба была полностью расстроена и все гости разъехались. Мама, дня три пролежала в постели в дальней комнате, и на все мои просьбы покушать и встать с постели отвечала глухим: «Уйдите все!». У нее была сильнейшая депрессия.

На Западной Украине происшедшее «такое» с русской женщиной могло вызвать пересуды, толки и осуждения. Не выдержав такого «позора», мама спустя какое-то время уехала навсегда в Казахстан к своим родителям. Но все это будет чуть позже. Было очень обидно и горько за маму!..

Мои комплексы

Наша семья по-прежнему материально жила очень и очень скромно. В нашем классе были девочки из достаточно обеспеченных семей и на школьных вечерах выглядели красивыми и хорошо одетыми, даже наряженными.

В то время я начинала комплексовать по поводу нашей материальной несостоятельности. Какое счастье, что тогда обязательной формой для занятий была школьная форма коричневого цвета с черным фартуком и можно было на школьный вечер прийти в той же форме, но с белым фартуком! А он у меня был, не без стараний мамы, идеально постиран и поглажен.

Моя мама с большим удовольствием и умением занималась рукоделием. Она прекрасно вязала крючком, так что воротничков из простых белых ниток у нас было много. И по сей день у меня хранятся мамины вязаные салфетки, хотя самой мамы уже давно нет в живых...

«Краля»

Из-за недостатка денег мама вынуждена была брать квартирантов. Наша квартира в г. Стрый была анфиладой — три комнаты, из которых первая была кухней. Так вот мама пустила на квартиру в самую последнюю комнату, в которой спала и я, женщину средних лет.

Эта женщина как-то мне сразу стала не очень симпатична. Я ее про себя окрестила «кралей». Одевалась она вызывающе, но безвкусно. Я уже кое-что в этом понимала, ведь мне было лет 13.

Одним поздним вечером, когда я уже легла спать, вдруг в стекло окна нашей комнаты извне, с улицы ударился, по звуку, небольшой камушек. Через какое-то время еще один. Я увидела, как заволновалась наша жиличка и подбежала к окну. Помахав в окно, она тут же вышла из комнаты и вскоре вернулась с каким-то военным.

В городе Стрый в то время была довольно большая воинская часть и военных было много.

Сделав вид, что я уже сплю, мне все-таки было любопытно, чем же они будут заниматься, и я стала подсматривать за происходящим сквозь прищуренные ресницы.

Не обращая на меня никакого внимания, «краля» распустила свои длинные волосы, села к этому военному на колени и они стали заниматься любовной прелюдией. Все это было как-то пошло-вато нарочито, и я подумала:

— Неужели вот «это» и называется любовью?

А военный, обнимая «кралю», все время высокопарно восклицал:

— Русалка ты моя! Русалка!

Когда дело дошло до очень интимных отношений, мне стало почему-то противно. Я повернулась на другой бок, словно во сне, и накрылась с головой, чтобы даже косвенно не принимать в этом участия и не смущать их. Мне было за них неловко и стыдно... С этим эмоциональным настроением я не помню, как и уснула.

На следующее утро я проснулась от шума — у жилички с мамой вышел скандал. Дело в том, что когда этот военный входил, мама не видела, но когда он под утро уходил, тут мама его и «застукала» и, конечно, все свое возмущение высказала «кравле». Через день жиличка съехала, а вместо нее мама взяла на квартиру молодую пару, а я переехала в другую комнату.

Квартиранты

Наши квартиранты были недавно поженившиеся молодые люди. Он был научный сотрудник, а она была музыкант, баянистка, только что окончившая музыкальное училище и пытающаяся устроиться на работу. Дома она очень много и упорно занималась.

Заметив мой интерес к музыке и проверив мой музыкальный слух и голос, она посоветовала мне серьезно заняться музыкой и поступать в музыкальное училище.

Да, но как готовиться? О том, чтобы купить инструмент, не могло быть и речи. И потом, как поступать, если я совсем не знаю музыкальной грамоты!..

И вот было решено, что она со мной позанимается и после восьмого класса я буду поступать в музыкальное училище на вокальный факультет.

Но не тут-то было! Моя сестра, выйдя замуж, родила дочь, и меня уговорили поехать опять в Дрогобыч, побыть там нянькой для своей маленькой племянницы, а вечером продолжать учиться в вечерней школе. И так, несмотря на то, что мне было всего пятнадцать лет, сестра Лариса доверила мне маленькую Людочку, а сама вышла на работу.

Справлялась я неплохо, но по вечерам в своей вечерней школе в классе, когда молодые люди сзади шептались по поводу того, какая симпатичная няня впереди сидит, я краснела и злилась. Мне почему-то было стыдно быть няней, хоть и для своей сестры. И откуда только они это узнали?!!

«Маньяк»

Конечно, полностью справляться со всеми домашними делами я не могла и сестра, придя с работы, по полной программе, включалась в стирку, уборку и т. д. Напомню, что сестра Лариса жила со своим мужем Федором в том самом доме, где мы все выросли.

Как-то раз поздно вечером, когда Людочку уложили спать, мы с Ларисой затеяли стирку постельного белья. Феде дома не было. Он был в командировке. Что такое поздно вечером? И Лара, и я — совы, мы любим поздно вставать, если есть возможность, и можем долго полуночничать.

Стирать в тех условиях было довольно сложно. Воды в доме не было. Нужно было таскать из колонки и выносить также на улицу.

Постирав успешно белье, мы принялись за полоскание простыней и пододеяльников в большом корыте, посреди кухни, держась за разные края того, что полоскали.

Только мы подняли простынь наверх, как вдруг видим, в окно к нам заглядывает большая мужская голова. Мы так и присели с сестрой вдвоем от неожиданности и страха, спрятавшись за простыней на вытянутых руках...

Со стороны это выглядело, наверное, очень комично, но нам в тот момент было страшно. Окна в этом домике были низкие. На улице очень темно, а голова мужчины в окне от света комнаты была довольно хорошо освещена. Занавесок на окнах не было, их тоже стирали. Мы решили, что это какой-то маньяк!

Выключив свет в комнате, бросив наше полоскание, мы быстро улеглись спать! Уже, конечно, выносить воду на улицу не стали. А потом, все еще в возбуждении, стали смеяться над собой: как, наверное, забавно и комично мы смотрелись со стороны — как две перепуганные мокрые курицы, со страху присевшие и спрятавшиеся за мокрой простыней.

Достойно поработав нянькой, доведя маленькую Людочку до ясельного возраста, успешно закончив 9 класс, я все же решила попытаться счастья и поступать в музыкальное училище.

Закончилось детство, отрочество, пора обретать профессию...

Глава 2.

УЧЕБА

Поступление в музыкальное училище

В Дрогобыче, где я родилась, было музыкальное училище, но там не было вокального отделения. Мне пришлось ехать в г. Тернополь, который тоже находится на Западной Украине.

По приезде туда я выяснила, что именно с этого года приема на вокальное отделение не будет, так как это отделение вообще закрывают.

Времени для поступления оставалось мало. Искать еще училище с вокальным отделением просто некогда. Недолго думая, я поступила на дирижерско-хоровой отдел, благо там не требовалось уметь играть на музыкальных инструментах.

Поступила я довольно легко, там нужно было знать в очень небольшом объеме музыкальную грамоту и что-то спеть. Во время поступления предоставлялось общежитие. На наше отделение почему-то много поступало из деревень, наверное, чтобы потом быть завклубами у себя дома. Но я тогда это не анализировала, главное, что я буду заниматься музыкой и все же петь! В программе на дирижерско-хоровом факультете был общий вокал — а это главное!

Жили мы в общежитии весело. Атмосфера была простой и непринужденной.

После приемных экзаменов я уехала к себе домой в г. Стрый «догуливать» лето.

Каково же было мое удивление, когда, приехав на занятия к сентябрю, я узнаю, что меня отчисляют, так как мне нет 18 лет и не так скоро будет. Я в панике пустила слезу:

— Неужели опять возвращаться в школу? Ведь все уже знают, что я поступила в училище! Значит, подумают, что я наврала?! Это же стыдно! — Видимо я так была расстроена, что меня оставили в училище, но с условием, что я не буду посещать общий вокал, пока мне не исполнится 18 лет. Это был приговор! Более того, с меня потребовали расписку, что я буду выполнять эти тре-

бования! Ведь до 18 лет было еще целых два года! Но делать было нечего, и я стала заниматься.

Приехала я на занятия к первому сентябрю впритык, и общежития мне не досталось...

Подруги

Меня пообещали устроить в общежитие к Новому году, а пока пришлось снимать комнату.

Мне 17 лет

Одной комнату было не «потянуть». Я нашла еще двух девушек, и мы были устроены!

Соседки по комнате мне попались хорошие. Одна была молодая учительница, только что окончившая педагогическое училище, вторая студентка-медик. Мы быстро сдружились. Вместе ходили на вечера, которые были и в медицинском, и в педагогическом, и в нашем училище. Эти вечера напоминали сегодняшние дискотеки, только, конечно же, все было намного, намного скромнее.

Помню один забавный случай. Мы спешили на вечер, и уже придя туда, одна из моих подруг обнаружила, что под осенним пальто у нее нет юбки! Она в одной комбинации! В впопыхах, торопясь, так как мы были после занятий, она надела блузку, а юбку забыла, а мы и не заметили. Пришлось всем вернуться домой. Не возвращаться же подруге одной!

А в другой раз, собираясь на вечер, я быстро накрутила челку на бигуди и, чтобы она лучше накрутилась, надела на нее шапку в расчете на то, что я эту бигудюшку сниму перед входом в училище, и мы отправились! По приходу туда, пока раздевались, переобувались, друг на друга не обращали внимание.

Прямо в гардеробе мне встретился парень Анатолий, с которым я познакомилась на одном из таких вечеров. Он тут же пригласил меня танцевать.

До чего же мне было неудобно и одновременно смешно, когда он меня хитро спросил:

— А что, это так сейчас модно, с бигуди на лбу?

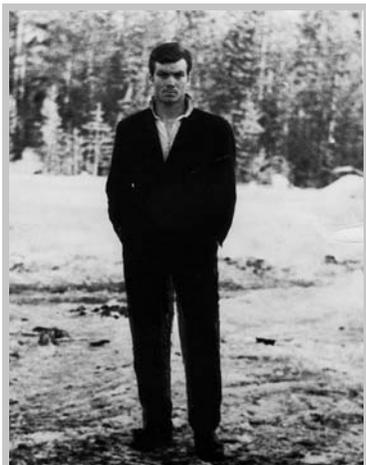
Я готова была «спустить всех собак» на своих подруг за то, что они такие невнимательные! Ну ладно, я забыла! Но я-то себя не вижу, а они-то видят!

С Анатолием было легко и просто. Он мне нравился! И неловкость быстро ушла. Ах, Саша, Саша. тот баянист, который остался в школе в г. Стрый в моем классе! Ведь мы с ним дружили! А тут — Анатолий...

Толя был старше меня на год. Он учился в художественной школе на живописца и уже довольно хорошо писал картины. А жил недалеко от нас, и мы довольно часто встречались. Наверное, это была моя первая любовь...

Занятия в училище продолжались уже пару месяцев, все пока было интересно. Да еще вечерняя школа. И как я все успевала?

Дело в том, что мама моя, опасаясь, что музыканта из меня не получится, решила, что я во что бы то ни стало должна закончить десятый и одиннадцатый классы, чтобы иметь среднее образование. А вдруг мне придется поступать в другой вуз? Конечно, мне совсем не хотелось учиться там и там, но мама настояла, и я за это ей благодарна.

Мой друг Анатолий

На квартире

В общежитие своего училища я попала раньше, чем к Новому году.

Мы с соседками по комнате стали замечать некоторую странность в поведении нашей хозяйки, особенно это стало проявляться по ночам.

Она входила в нашу комнату, будила нас и предъявляла претензии по поводу того, что мы, мол, специально, назло ей раскачиваем ножки у стола, портим ее другие вещи и всякое такое.

А однажды утром, когда мы завтракали, она нам объявила, что пришло ее время... Что на самом деле она вовсе не хозяйка, а королева Израиля и еще что-то в таком духе. Мы поняли, что что-то с ней не то. Нам стало страшно. Стали на ночь запираеть дверь в нашу комнату.

А вскоре к нам пришла ее дочь (она жила отдельно со своей семьей) и сообщила, что маму (нашу хозяйку) кладут в больницу, у нее шизофрения и мы должны освободить комнату. Учитывая ситуацию, мне изыскали место в общежитии.

В гостях у папы

К концу второго курса, я неожиданно для себя получила письмо от моего брата, сына моего отца от первого брака Виталия, который писал о том, что очень хочет меня видеть, познакомиться со мной и что наш папа тоже просит меня приехать к ним в гости.

Получив письмо, я очень разволновалась, не столько оттого, что встречусь с братом, сколько оттого, что смогу увидеть отца. Ведь когда он уехал, мне было 10 лет! Не знаю, почему так получилось, но даже писем мы друг другу не писали. Недолго думая я решила ехать в г. Стерлитамак, в Башкирию.

Подъезжая к станции, я безумно волновалась: узнает ли он меня? Да и узнаю ли я его? Ведь прошло довольно много времени после его отъезда.

Сойдя на перрон, я увидела у вагона двоих мужчин. В одном из них я сразу же узнала отца, а рядом был высокий стройный симпатичный юноша — это и был мой брат Виталик.

Папа же меня не узнал, все ходил по перрону рядом со мной и искал глазами маленькую девочку, такую, какой я была, когда мы расстались. Наконец мы встретились и расплакались. Мой папа был очень сентиментален. Это качество у него унаследовала.

Я прекрасно провела время в Стерлитамаке. Меня очень радушно принимали. Виталик водил меня на всевозможные вечера отдыха, где он играл в оркестре на ударных инструментах. Просил не говорить никому из его друзей, что я его сестра.

— Пусть мне позавидуют, что я с новой красивой девушкой встречаюсь!

Он действительно уделял мне больше внимания, чем было нужно для родственных отношений.... И это было понятно. Ведь

мы до этого не знали друг друга и встретились в таком интересном, романтическом возрасте. Наша бабушка Дарья, в то время также гостившая у папы и мама Виталика, как мне помнится, была даже встревожены нашим излишним вниманием друг к другу. Бабушка с намеком нам пела всякие народные песни на эту тему. Особенно мне запомнилась одна, где брат и сестра вступили в интимную связь, а их отец, узнав об этом, убил их обоих. Вот такие страсти. Но эти двусмысленные намеки и не прямые предупреждения были напрасны, ведь у меня в Тернополе, где я училась, был Толик, а у Виталика была девушка Лида, которая впоследствии и стала его женой.

*Семья папы — жена Татьяна, сын Виталий,
дочь Светлана*

С Виталиком мы были в очень хороших отношениях всю жизнь, до конца его дней. К большому сожалению, он уже ушел из жизни.

А в Стерлитамаке я была не один раз и одна, и впоследствии со своей семьей.

В то же время я на этих каникулах так задержалась, что опоздала к новому учебному году и опять осталась без общежития. Мне снова пришлось идти на квартиру.

А в Тернополе меня ждала новость. Толик со своим другом уехал в Карелию на заработки.

Голодовка

Поселившись на квартире, я дождалась и «черных» дней. Нужно было платить за квартиру и чем-то питаться. С мамой этим летом мы не встречались, она была в Казахстане, и никакого запаса денег у меня практически не было. Стипендию я быстро проела, а дальше...

Люди, у которых я жила на квартире, были простыми задушевными людьми. Жили мы практически в одной комнате, и была проходной небольшая кухонька. Оставшись без денег, поголодав один день, я даже подумала: вот и хорошо, похудею немного. Со дня на день я ждала от мамы денежного перевода. Но когда мне пришлось голодать второй и третий день, я даже почувствовала некоторую дурноту.

Придя с занятий домой, я ощутила чудный запах только что приготовленного украинского борща, заполонивший всю кухню, через которую мне нужно было пройти в комнату. Вот тут-то мне стало просто плохо. Хозяев дома

*Однокурсники по музыкальному училищу.
Я вторая слева*

не было. Изменив всем своим принципам, я как, ненормальная, схватила половник и, зачерпнув борща, впопыхах, воровски тут же его съела. Это было так вкусно!

К счастью, вечером от мамы пришел денежный перевод... Никто ничего не заметил, но я долго переживала по поводу моего воровского поступка и потому запомнила его на всю жизнь, как и мою трехдневную голодовку!

Но вскоре мне опять нашли место в общежитии, и все было по-прежнему хорошо. Были совместные ужины, песни на нашей общей кухне, ведь мы были хоровиками. Было сало, которое привозили студенты, жившие в деревнях, и даже самогон, привезенный в грелках. Да, да, именно в самых обычных резиновых грелках. Почему в грелках? Да чтобы не разбить в дороге стеклянные бутылки, ведь пластиковых бутылок тогда, в шестидесятые годы, еще не было.

Бандура

На втором курсе мы должны были заниматься народными инструментами. Можно было выбрать либо баян, либо бандуру — это такой украинский струнный инструмент. Я, конечно же, выбрала бандуру, поскольку под бандуру нужно было петь и педагоги там были в общем вокалисты.

Я с азартом набросилась на эти занятия — наконец-то будет какой-то вокал! Педагог по бандуре мне попалась с красивым контральто (низкий женский голос), меня же устраивало то, что и мне придется петь низко, поскольку голосового диапазона еще не было. Мне, конечно, очень хотелось петь высоко, но громко я этого делать не могла в отличие от детских лет. Видно, сказался переходный возраст, гормональная перестройка (мутация голоса), и я могла петь полноценно только до перехода в первой октаве.

Моего педагога это тоже очень устраивало, ведь она пела низко и распальцовка (расположение пальцев на струнах инструмента) для игры на бандуре у нее была под свой голос.

Взяли мы с ней два или три произведения. Я от души орала во всю мощь, озвучивая низкую тесситуру. И когда нужно было сдавать семестровый зачет, оказалось, что я совсем без голоса. У меня было очень сильное несмыкание связок (потеря голоса)! Меня тотчас отстранили от занятий на бандуре, и я стала заниматься общим баяном.

На баяне играть мне совсем не нравилось. Но что делать, нужно сдавать зачет. С большим трудом я сдала этот самый зачет по народным инструментам... А вот свой любимый вокал я не бросила!

Мой друг швабра

Вечернюю школу я посещала редко, но училась хорошо и умудрилась закончить ее хорошисткой.

Занятиям в школе я предпочитала занятия в училище во «вторую смену».

После общих занятий, дождавшись, когда в училище уже практически никого не было, я запиралась в классе на швабру (чтобы никто не мог войти случайно и увидеть меня) и орала что есть мочи в поисках своего голоса. Несмотря на все «знаки внимания»

к моей персоне со стороны уборщицы и сторожа (они барабанили в двери класса, сообщая, что уже поздно и надо уходить), я экспериментировала со своим голосом как хотела и как могла.

В то время до нот «ре» и «ми» второй октавы я могла петь достаточно громко. Но совсем не могла петь верхние ноты, вернее могла, но очень тихо — напевая. Так вот, закрываясь в классе, я орала во всю мощь своего голоса, представляя себе, что я знаменитая певица. Брала какие хотела произведения в нотной библиотеке и «переживала» их, как хотела, благо я никого не стеснялась, так как продолжала запира́ть дверь на швабру (замков в классе не было), но уже после того, как уборщица уберет класс.

И вот однажды, занимаясь как всегда, я вдруг почувствовала, что хочу закричать — спеть самую высокую ноту в произведении! И... закричала!!! Не помню, что это было за произведение, а брала я самые знаменитые произведения, не просто так. Чаще всего это было то, что мы слушали из оперного репертуара на предмете «слушание музыки». Анализируя уже с позиции опыта, думаю, что нота, которую я прокричала, была нотой «до» третьей или «си» второй октавы — то есть очень высокие ноты. Это был прорыв! Вот оно!!! Наконец-то случилось!!! Я спела громко верхнюю ноту так, как мне хотелось!

Постепенно я стала петь верхние ноты сверху вниз, таким образом подсознательно озвучивая дыханием, регистр после перехода. Это было начало «целой школы»! И я стала подумывать о поступлении в консерваторию на вокальный отдел, хотя бы на подготовительный отдел.

Дирижирование

Мои занятия в училище мне стали неинтересны. Вокалом официально заниматься мне не давали, а все мое дирижирование заканчивалось тем, что я постепенно дирижируя, все ниже и ниже опускала руки и продолжала просто петь. Ведь когда ученики дирижируют, они сами себе напевают то произведение, которое они дирижируют.

Мой умный педагог по специальности знал, что значит для меня вокал. Он сам, будучи ко всему еще и руководителем Лемковского хора (на Украине есть народность лемки), неоднократно брал меня на выступления этого хора в качестве хористки и запевалы.

Лемковский хор. Я пятая слева в первом ряду

Так вот, он настоятельно рекомендовал мне не оканчивать училище, так как тогда нужно будет мне как молодому специалисту отработать два года по направлению в каком-либо клубе! А время дорого! Он не переставал настоятельно рекомендовать мне учиться настоящему пению. Да я и сама только об этом и мечтала. Но как бросить училище?..

На каникулах у бабушки, цыгане

После 2-го курса на каникулы я поехала к бабушке в Казахстан, в город Джамбул. В магазине неподалеку от дома я увидела очень красивые, как мне тогда показалось, туфли на довольно высоком каблуке из парусины с коричневой кожей отделкой. Туфли были действительно оригинальные, и я подумала, что если я приеду в училище в этих туфлях, то буду неотразима! Бабушка пообещала купить мне эти туфли перед моим отъездом, хотя всячески была против высокого каблука.

И вот наконец перед концом каникул она дала мне денег, и я поехала на вокзал купить билет на поезд, а на оставшиеся деньги я должна была приобрести для себя эти туфли.

Приехала я на вокзал не вовремя — попала в обеденный перерыв. Стала ждать. Вышла из здания вокзала купить себе мороженое. Вот тут возле мороженого лотка и встретила я с цыганкой. Их там много было на вокзале и возле него.

Цыганка предложила мне погадать, так как видит якобы, что у меня на личном фронте неприятности и переживания по поводу «червого короля». Я действительно переживала из-за отъезда Толи в Карелию, но сказала, что не нужно мне гадать, поскольку лишних денег нет, а мне нужно купить билет.

Цыганка вызвалась погадать мне абсолютно бесплатно, только по ходу гадания, по ее словам, ей нужна была крупная денежная купюра на время, чтобы ее увидели нужные силы.... Словом, читатель понял, что к концу гадания цыганки я осталась без денег. Цыганка была замечательной фокусницей. Деньги действительно прямо на глазах растворились, а ею было объявлено, что теперь, раз деньги забрали духи, все будет у меня хорошо. Я была в шоке, но сделать уже ничего не могла, да и не успела бы. Цыганка исчезла в мгновение ока.

Это был настоящий гипноз! А может, я была, мягко скажем, слишком наивной? «Что же я теперь скажу своей бабушке?!»

Она очень разгневалась. Отчитывала меня за эти деньги дня три, а я чувствовала себя маленькой побитой глупой собачонкой. Но потом бабушке ничего не оставалось, как все-таки еще раз дать мне денег на билет, но в этот раз она уже поехала на вокзал со мной. И после того, как был приобретен билет, к моему большому удовольствию купила-таки мне парусиновые туфли на каблучке. Как сейчас помню, они стоили 15 рублей, а был это 1964 год... Я уехала продолжать учебу.

Вскоре вернулся Толик. Наши отношения снова вернулись в красивое романтическое русло. Но ему этого стало мало, а к более интимным отношениям я была не готова. Наша мама в этом смысле воспитывала нас в строгости.

Мы стали встречаться все реже и реже, и как-то я узнала, что у Толи появилась девушка. У него с ней близкие отношения, она беременна, и, наверно, они поженятся.

Для меня это был удар! Я чувствовала себя брошенной, страдала, переживала и начала писать стихи... Эта «болезнь» осталась у меня по сегодняшний день.

Предсказания цыганки не оправдались. Мы с ним расстались. Наши пути разошлись, но не навсегда...

Переживания мои скоро закончились, так как закончился 3-й курс, и я твердо решила ехать в Киев, поступать в консерваторию на вокальный факультет. Как хорошо, что я окончила вечернюю школу, и у меня уже был на руках аттестат, ведь училище я так и не закончила!

Попытка не удалась!

По приезде в Киев я устроилась в общежитие консерватории, и начались мои консультации и вступительные туры.

Выучив по нотам и по радио арию Йолан из оперы Майбороды «Арсенал», я надеялась поразить приемную комиссию своими высокими нотами, которые к тому времени от занятий при закрытых дверях на швабру стали крепенькими и достаточно звонкими.

На первой же встрече концертмейстер, к которому меня распределили, сказала, что произведение, которое я взяла, очень сложное, что по выучке я пою его не точно, что сыграть мне, так как я его пою, она не сможет и что вообще это никуда не годится.

— Вы девочка музыкальная — внушала она мне. — И за пару уроков мы с вами быстренько выучим арию Барбарини из оперы «Свадьба Фигаро» Моцарта.

Мы действительно выучили эту арию, но я была ужасно расстроена. Ария мне казалась низкой, все на среднем регистре, а он у меня еще был недостаточно оформлен, опоры было мало и вообще мне казалось, что все это у меня совсем не звучит. Так оно и было на самом деле. Ведь в арии Йолан было что показать! Ария колоратурная, очень высокая, и мне думалось, что верхние ноты у меня достаточно красивы и органичны.

Но делать было нечего, не буду же я спорить с концертмейстером! Она ведь лучше знает, что нужно комиссии — думала я (зря так думала) и зубрила Барбарину.

Промучившись на нижних и средних нотах на первом туре, я попала на второй тур, но дальше дело не пошло. На третий тур я не прошла...

Расстроившись и в сердцах очень сердясь на концертмейстера, понимая, что вряд ли я могла бы понравиться комиссии в арии

Барбарини, я стала размышлять по дороге в общежитие, что же мне теперь делать. Ехать в Казахстан к бабушке, где сейчас жила и мама, а потом опять в училище на 4-й курс? Но на дорогу, такую неблизкую, денег у меня уже не было. Их, пожалуй, хватило бы доехать только до своего училищного общежития в г. Тернополь. А может быть, еще что-нибудь предпринять? Но что?..

Так я шагала по Крещатику в своих грустных размышлениях, и вдруг почувствовала, что за мной кто-то идет. Я оглянулась. Смотрю, меня догоняет мужчина лет 50. Дело было к вечеру. Прибавив шагу, замечаю, что мужчина от меня не отстает. Я еще быстрее, он — тоже. Я была девочкой довольно смелой, но тут мне стало как-то не по себе. Наконец меня догнав, он завел со мной разговор.

Выяснилось, что это директор театральной студии при Киевском театре оперетты. Он присутствовал на приемных экзаменах в консерваторию и, узнав, что меня «срезали», решил предложить мне поступать в эту самую студию. Вступительные экзамены там должны были состояться чуть позже.

Что это за такой жанр (оперетта) я не знала, так как в наших небольших городах на Украине таких театров не было. Были музыкально-драматические, но все-таки я их больше воспринимала как драматические, нежели музыкальные.

Рассказав мне об этом жанре, сказав, что там необходимо настоящее пение, что ему понравился мой голос, моя внешность, мой собеседник стал уговаривать меня поступать в эту студию, пообещав после окончания ее радужные перспективы в амплу «героини». Конечно, заманчиво было остаться в Киеве учиться, но в мои наполеоновские планы стать настоящей певицей какая-то опереточная студия не очень вписывалась. Да и денег на то, чтобы еще здесь, в Киеве, ждать вступительных экзаменов в эту студию, не было.

Но директор агитировал меня уж очень активно. И наконец, учитывая мое материальное положение, предложил приехать прямо на занятия, считая меня зачисленной без всяких экзаменов.

Подумав, что я ничего не теряю, я приняла решение согласиться. Оставалось только вернуться в Тернополь, в общежитие училища, забрать вещи и, дождавшись начала учебного года, приехать в Киев и вступить в новую жизнь!

Театральная студия при Киевском театре оперетты

И все же на один не то экзамен, не то просмотр я попала.

Это было перед самым началом занятий. Нас, девушек, заставили всех показаться комиссии в купальниках, как теперь на конкурсах красоты.

С одной из наших девочек, а ее взяли на характерное амплуа, была почти истерика, она никак не хотела облачаться в купальник. У нее на бедре было огромное (с ладонь) родимое пятно. В результате это никого не смутило.

Я же чувствовала себя вполне нормально, так как комплексов по поводу моей внешности у меня не было. А вообще-то, проработав на сцене уже много лет, до сих пор недоумеваю, зачем нам сделали этот просмотр. Тогда я над этим не задумывалась, тем более что попала в студию без экзаменов.

Учиться в студии оказалось интересно, и я с головой ушла в занятия, как и все мои сокурсники. С ребятами мы быстро подружились. Да по-другому и не могло быть. Дисциплин было много, и мы практически чуть ли не дневали и ночевали в нашей студии. Да к тому же за небольшим исключением все были иногородними и поэтому жили в общежитии. А общага ох как сближает!

Я сих пор помню своих однокурсников и зрительно, и почти всех по фамилиям. Из девочек со мной учились: Валентина Феличкина, Ольга Сафонова, Валентина Ковальчук, Светлана Лубская, Галина Кружило, Евгения Чепурная, Алла Некрасова. Из ребят хорошо помню Анатолия Бортника, Бориса Куманцева, Владимира Шимановского, Михаила Ярошенко, Михаила Черныша, Сергея Мельниченко, Олега Скоробогатова, Юрия Хропаченко, Валентина Рожкова, Владимира Недяка. Володя Недяк проучился с нами первый год, а потом его забрали в армию, и он выпускался уже с другим курсом. Но о нем мне хочется написать особо. Спустя годы, когда я уже работала в Ленинградском Малом оперном театре, Володя разыскал меня. Он волею судеб оказался в Ленинграде и вот уже много лет живет и трудится в нашем славном городе. Одно время мы даже довольно долго жили с ним в одном доме и даже в одном подъезде, только на разных этажах, и были очень дружны с ним и с его женой Галиной. А мои

дети общались с их сыном Костей. Володя не стал профессиональным актером, но театральнo-музыкальный микроб, полученный в нашей опереточной студии, поселился в нем основательно. Он и по сей день остался творческим человеком. И он, и его жена неоднократно посещали наш театр, а сам Володя занимается вокалом на любительском уровне в ДК «Выборгский, где время от времени и выступает.

Среди общеобразовательных предметов в нашей театральной студии, которые были такие же, как и в любом другом специальном среднем учебном заведении, были и такие предметы, как мастерство актера, сценическое слово, сценическое движение, классический танец, характерный танец, сольфеджио, теория и, конечно же, вокал.

Моим педагогом по вокалу оказался знаменитый в прошлом певец, педагог консерватории Василий Федорович Козерацкий. Я очень благодарна и ему, и его жене, концертмейстеру Кларе Абрамовне Козерацкой, за то, что они для меня сделали. Самое приятное было то, что я им нравилась и они в меня верили.

Несмотря на то, что за 2 года занятий в нашей двухгодичной студии Василий Федорович не так много со мной занимался, (был очень много занят в консерватории, и в основном я занималась с Кларой Абрамовной), он меня настроил на очень серьезный вокальный лад. Давал мне солидный, довольно трудный репертуар. Начала я свои занятия с ним, не больше не меньше, как с арии мадам Баттерфляй и оперы Дж. Пуччини «В ясный день желаний...».

По остальным предметам у нас также были сильные, крепкие, именитые педагоги. Классический танец преподавал в прошлом замечательный артист балета, солист Кировского театра оперы и балета в г. Ленинграде Владимир Ермолаев. Характерный танец вели знаменитые танцовщики на Украине Таиров и его жена. По мастерству актера, сценическому слову педагогами были титулованные актеры Киевского театра оперетты и педагоги театральных учебных заведений города.

Даже по истории СССР у нас был творческий преподаватель. Он очень любил пение. У него были свои любимые песни, и ему очень нравилось, когда перед занятиями мы все вместе пели хором. Дома каждому наш преподаватель печатал текст песен,

на уроках раздавал его нам, и после его слов на украинском языке — «А тепер хлопчак (мальчики) та дівчатка (девочки) ми з вами заспіваємо (споем)» — с урока истории доносилось наше излишне старательное пение. Почему излишне? Да потому, что лучше петь, чем заниматься историей СССР, и еще потому, что мы воспринимали его поведение как некое чудачество и старались ему подыграть.

В то время в силу нашей молодости мы еще не понимали, какую роль этот милый творческий человек играл в нашем художественном становлении. Пару его смешных шуточных песен я до сих пор помню и время от времени пою и, что характерно, знаю и помню почти все слова. Спасибо ему за это огромное!

На уроках же по классическому танцу у очень интеллигентного Владимира Ермолаева мы ощущали себя почти солистами балетного жанра. Несмотря на наши разные габариты и комплекции (в студии были и полные, и маленькие ростом студенты, которых готовили для характерных ролей), все танцевали даже на подпорках. Ох, и нелегко, наверное, было нашим мальчикам нас, таких всех разных поднимать!

А Таиров, педагог по характерным танцам, всегда вел урок с довольно длинной палочкой, и в испанских танцах, аккуратно нас пошлепывая этой палочкой по определенным местам, предлагал эти «места» подтянуть!

Общежитие студии было далеко, на Нивках. Это был новый, еще необжитой в то время район Киева. Туда от театра ходил прямой троллейбус. Правда, ехал он целый час. Стипендия у нас была 20 рублей... но мы были молоды, очень увлечены творчеством и потому — счастливы!

«Артисты под забором умирают!»

После года занятий в студии я, как всегда, поехала на каникулы к бабушке.

Бабушка как-то настороженно восприняла мое сообщение о том, что я учусь в театральной студии. До конца не понимая сложное для нее слово «студия», она совсем расстроилась, узнав, что я собираюсь стать артисткой.

— Да ты шо, Валька, — сказала она мне, — сдурела, что ли! Да эти артисты нищие. Они ведь спиваются и под забором умирают!

рают! — И стала рассказывать мне всем известную в ее округе историю о том, как, действительно, знакомая ей пара артистов спившись, плохо кончила.

И только спустя годы, когда я стала профессиональной актрисой и бывала у нее в гостях, она всякий раз спрашивала, сколько я зарабатываю. А когда мой актерский оклад был самым высоким, она, уже успокоившись, говорила: «А что, Валька, неплохая профессия!»

Я в хоре

Жить мне приходилось на стипендию. И вот после первого года обучения, учитывая мою «продвинутость» в занятиях и мое сложное материальное положение, умный, добрый, по-отцовски ко мне относившийся директор студии Луцик Иван Андреевич предложил мне параллельно с учебой поработать в театре в хоре.

Это были самые напряженные дни в моей жизни. Вставать нужно было в 7 утра, чтобы успеть на занятия к 9 часам. В 12 часов заканчивалась утренняя учеба в студии, а мне в это время нужно было уже быть на репетиции театра.

Репетиция продолжалась до 2–3 часов дня, а в 3 часа у нас, как правило, начинались следующие занятия в студии — либо по танцам, либо по сценическому движению.

Первый раз на сцену...

Все движенческие дисциплины продолжались 3 часа, до 18 часов, а в 19 часов я должна была быть готова к спектаклю: загримированная и распетая. Распевки (занятия для разогрева голоса) в хоре были коллективные за 30 минут до начала спектакля. И так каждый день, за исключением выходного дня. А так как выходной в студии был в воскресенье, а в театре в понедельник, то у меня не было ни одного выходного.

Спектакли заканчивались в 10–10.30 вечера, так что добиралась я до своего общежития где-то к 12 часам ночи, а на завтра опять подъем в 7 часов утра...

Вспоминая свою занятость в студии и в театре в то время, я сама недоумеваю: когда же я занималась собой? Когда успевала поеть?

Но все это в то время было для меня не важно! Я получала в театре помимо стипендии 60 рублей! А главное, я могла в отличие от своих сокурсников выйти на профессиональную сцену, а лучшей учебы не бывает. Сцена очень быстро обнажает и достоинства, и недостатки и очень быстро все ставит на свои места.

А вскоре мне стали давать и небольшие роли. Я была счастлива! Мне казалось, что энергии у меня через край, что я могу свернуть горы, что я могу все сыграть и все спеть! Это, конечно, было большой самонадеянностью, но так было!

Самыми первыми моими ролями в театре была роль одной из служанок в оперетте Лоу «Моя прекрасная леди» и роль Мани в оперетте И. Кальмана «Марица».

Несмотря на то, что в классе на уроках я пела серьезный оперный репертуар, все же вокально была еще очень «сырой». Я это поняла, когда стала петь партию Мани в спектакле «Марица».

Спектакль начинается с песни-арии «Жил был старый воевода...». После

очень эмоциональной увертюры мне показалось, что я действительно, громко и хорошо спела эту арию. Но один из моих театральных поклонников, довольно известный характерный актер театра, был разочарован моей первой оркестровой репетицией:

— Я думал, — рассказывал он мне потом, — ну, сейчас как запоеет! А в зале было еле слышно...

Роль служанки в спектакле «Моя прекрасная Леди». Я первая в ряду служанок. В роли Элизы — И. Журавская

Вот тут-то я поняла, что пение в классе и пение на сцене это далеко не одно и то же. На сцене необходим вынос звука, чувство опоры!

Я очень благодарна своему коллеге за замечание, так как оно мне помогло быстро скорректировать свои ощущения по голосообразованию на сцене, хотя, конечно, я была расстроена...

Пропев несколько оркестровых репетиций, я научилась «слушать себя» из зала и на спектакле, учитывая, что уже умела вести себя на сцене, умела довольно хорошо гримироваться, все в комплексе прошло хорошо, особенно понравилось моему поклоннику...

Первая театральная интрига

Дело в том, что вышеупомянутому моему театральному коллеге я действительно нравилась, и по отношению ко мне у него были самые серьезные намерения. Но для меня это было совсем несерьезно и неприемлемо. Ведь он был, как мне тогда казалось старым. Ему было 45 или 50 лет, и по возможности все его ухаживания, чтобы его не обидеть, я превращала в шутку.

Но совсем не до шуток было его бывшей жене, с которой он расстался не так давно и которая очень переживала из-за этого разрыва.

Она тоже работала в театре и, несмотря на свой возраст, все еще пела и играла главные роли в спектаклях.

Вот на одном из спектаклей «Марица» мы все вместе и встретились.

Мой поклонник играл Эстергази (один из комедийных персонажей в спектакле), она — Марицу (главная роль), а я — цыганку Маню.

В финале первого акта, когда мы все находимся на сцене, и Маня поет гадание для Марицы, вдруг прямо во время моего пения она ко мне подходит и в присутствии находившихся вокруг меня артисток хора тихо говорит:

— Ну что, молодая сучка, отбила у меня мужика! — Я чуть не поперхнулась нотой, которую в это время издавала, так для меня это было неожиданно. Во-первых, я не знала, что это его бывшая жена, во-вторых, совсем не чувствовала себя виноватой, так как ухаживаний моего поклонника не принимала, а главное — что все

это происходит на сцене и во время моего пения! Но все это ей объяснить во время спектакля было не возможно. Да и надо ли!

Допевая свою сцену гадания, я видела, как к ней подошел ее бывший муж, мой поклонник, и, не выходя из своего комического образа Эстергази, стал ей, что-то очень эмоционально объяснять.

Думаю, зритель не понял, какие настоящие страсти разыгрывались на сцене, а отнес все это на счет хорошей эмоциональной игры по ходу сюжета спектакля.

Я же простила ей эту несдержанную выходку, так как видела, что она очень взволнована и переживает, да и потом мне ее по-человечески было жаль. А может быть, оттого что мой поклонник мне не нравился, у меня было ощущение, что все это не про меня. Во всяком случае, у меня хватило тогда ума перед ней не оправдываться, а у нее, к ее чести сказать, хватило ума после случившегося не выяснять со мной отношений. Вот так, невольно, я попала в свою первую театральную интригу. Она же была для меня и последней.

За свою долгую сценическую жизнь я старалась как можно дальше быть от всевозможных театральных сплетен и интриг, и надо сказать, что мне это удавалось. Наверное, всем было видно, что я настолько озабочена своими ролями, что лучше со мной этих тем не заводить. И потом статус всегда замужней женщины, да еще с детьми, немало этому способствовал.

Возвращаясь к моей первой театральной интриге, надо сказать, что в то время на встречи, романы у меня совсем не было времени, и потом я все еще продолжала «вздыхать» по Толику. Я знала, что он служит в армии в г. Самбор (это недалеко от Львова) и что у него родился ребенок. Толя же знал, что я учусь в Киевском театре в студии, так как во время наших небольших гастролей во Львове с театром я получила от него присланное в театр письмо с просьбой подъехать к нему в часть в г. Самбор.

Недолго думая, в один из свободных от спектакля дней я помчалась в г. Самбор!

Размышления в курятнике

В части меня долго допрашивали, кто я и зачем приехала.

Оказывается, в это время Анатолий разводился со своей женой, и, наверное, ради морали приезд других молодых девушек в часть

к нему на свидание был нежелателен. Пришлось мне, для того чтобы получить с ним свидание, назваться его двоюродной сестрой. Ничего более оригинального тогда мне в голову не пришло!

Встретились мы с ним очень тепло. Целый день гуляли, болтали, вспоминали наши студенческие годы в городе Тернополе.

Толя был рад моим небольшим театральным успехам, говорил, что любит и всегда любил только меня и что все, что было у него с той девушкой, недоразумение. Он из-за ребенка был во власти обстоятельств.

Прогуляли мы с ним до вечера. К 16 часам ему нужно было вернуться в часть. Я проводила его, но тут Толя сказал, что наверняка отпросится у командира на вечер, и очень просил не уезжать и дожидаться его.

Я пропускала свой вечерний автобус на Львов, но все же решила его подождать! Прождала я больше часа, но Толя так и не появился. Все мои просьбы на вахте, чтобы его вызвали, ничем не закончились. Видно, его не отпустили...

Часть находилась в поселке, достаточно далеко от города Самбор. Гостиниц поблизости не было. Было уже достаточно темно, пустынно и страшновато. Я стала думать, где бы мне провести ночь.

С трудом нашла поблизости какой-то курятник, где было довольно тепло и сухо и где я решила пересидеть до утреннего автобуса. Ведь завтра спектакль! Куры и петухи вначале меня испугались, погалдели, но потом успокоились и приняли в свою компанию.

Я, наверное, очень комично выглядела и уж точно очень трагикомично себя чувствовала: нарядно одетая, с прической «Бабетта» (тогда это было модно) среди кур и петухов. Но зато у меня было достаточно времени целая ночь, чтобы проанализировать наши отношения с Толей и ту ситуацию, которая сложилась в его жизни. Мне думалось, что все уже не так и все не то. Ведь там ребенок, может быть, все еще у них наладится? Да и у меня теперь совсем другая жизнь!

*Армейское фото
Анатолия*

Так в одночасье в этом курятнике отрезвела моя первая любовь.

Но я очень благодарна Анатолию за то, что он был в моей жизни, за то, что он заставил меня испытать прекраснейшее романтическое чувство первой любви, за то, что он невольно подвигнул меня писать стихи...

После нашей встречи я получила от него несколько писем, и на этом все закончилось.

Зато для меня в моей новой жизни начались другие приключения, которые касались моей личной жизни.

Какая наивность

Меня частенько стал вызывать к себе в кабинет заместитель начальника культуры, который в этот период исполнял обязанности директора театра.

Это были безобидные разговоры по поводу студии, нашего общежития. Его интересовало, как мы там живем, как наше материальное положение, не нужна ли помощь. Время от времени он давал деньги от театра, объясняя, что это помощь дирекции студенческому общежитию, а я, мол, связующее звено между театром и студией. Конечно, вся наша общага была ему за это очень благодарна.

Однажды в выходной день после дневного спектакля он предложил подвести меня до нашего общежития, с тем чтобы посмотреть самому, где находится это общежитие и вообще, какие там бытовые условия (общежитие было новым). Но прежде, если я не против, мы поужинаем в ресторане.

Несколько поколебавшись, я согласилась.

Все было прекрасно. Вкусный ужин, шампанское, непринужденная обстановка, дружеские разговоры о театре, о студии. Да и как еще могло быть. Ведь он солидный, серьезный человек, по моим понятиям — пожилой. Ему было лет пятьдесят.

После ужина водитель директора повез нас в общежитие.

Но в машине, на заднем сиденье, где мы сидели с директором, возникла какая-то фривольная обстановка, спровоцированная моим попутчиком. Он стал вести себя по отношению ко мне несколько для меня неожиданно. Взял мою руку, стал целовать ее, а потом этой же моей рукой стал гладить свои волосы, лицо, грудь.

Я не знала, как себя вести. Обижаться и грубить мне не хотелось, а принимать его «игру» — тем более.

В тот момент, когда его поглаживания моей рукой стали носить недвусмысленный, интимный характер, мне ничего не оставалось, как резко, словно ошпаренная одернуть свою руку и строго предложить водителю остановить машину.

Выскочив из машины, я быстро по дороге направилась к своему общежитию, вернее сказать, почти побежала. Хорошо хоть идти было уже не далеко!

Машина тихо шла рядом со мной, а мой попутчик, извиняясь в открытое окно машины, объяснял мне, что я, дескать, неправильно его поняла. Я забежала в подъезд своего общежития, не простившись, и мне было до боли неприятно и противно. Я-то его правильно поняла!

На другой день я узнала, что у нас новый директор, а тот, что исполнял временно его обязанности, вернулся на свое место в управление культуры.

Каково же было мое удивление, когда после занятий меня вызвал новый директор, тоже уже достаточно пожилой мужчина (не буду называть его фамилии, хотя хорошо ее помню), передал привет от старого и спросил, не нужно ли чего студийному общежитию. Я сделала вид, что вчера ничего не случилось, ответила, что нам в общежитии ничего не нужно. А сама подумала, что нужно с этими пятидесятилетними директорами быть поосторожнее...

Опять влипла

Несмотря на очень большую занятость в студии и в хоре, у меня, как и у всех молодых девушек, все же находилось время для общения с поклонниками и просто с молодыми людьми.

Один из таких моих поклонников жил напротив театра. Он хоть и был совсем ненамного старше меня, но часто ходил в театр и довольно хорошо знал труппу театра. Но у него, видимо, было особое отношение к «певичкам» из хора.

Как-то после окончания спектакля он подждал меня у служебного входа и, сообщив, что у него сегодня день рождения, просил меня присоединиться к той небольшой компании, которая собралась у него дома по этому случаю.

Без всякой задней мысли я согласилась, так как мне он казался интеллигентным молодым человеком, достаточно образованным и обходительным.

Перейдя через дорогу, мы оказались у подъезда его дома. Еще через пару минут мы уже были у дверей его квартиры.

В квартире никого не оказалось. Молодой человек с сожалением сообщил мне, что, наверное, друзья нас не дождались и ушли, но ничего, мы и вдвоем продолжим праздновать его день рождения.

Наступила некая неловкость. Я понимала, что, возможно, он говорит неправду, но показывать, что я ему не доверяю или в чем-то подозреваю, мне не хотелось. А вдруг это его обидит?

Итак, мы выпили шампанского, пообщались где-то около часа, и я стала собираться домой, так как боялась, что не успею даже на последний троллейбус, а добираться мне почти на край города.

Но молодой человек (не помню его имени) стал настойчиво удерживать меня, объяснив, что ничего страшного не случится, если я останусь ночевать у него.

Мне это как-то не понравилось, я встала и стала быстро одевать пальто. Молодой человек в это время закрыл двери на ключ и стал шутливым тоном говорить, что он, дескать, меня не отпустит, а ключ спрячет. Мне стало не до шуток. Я понимала, что еще немного и я опоздаю на троллейбус, ведь дело было после спектакля. Я стала настойчиво требовать открыть дверь. Он стал продолжать «спектакль», что якобы уже не помнит, куда дел ключ. Чем больше я возмущалась по этому поводу, тем более злым и даже жестким становился мой «кавалер».

Ситуация стала переходить всякие дозволенные моральные границы. Прошло в нашей нелिцеприятной перепалке довольно много времени, я поняла, что уже опоздала на последний троллейбус, но готова была пешком идти на окраину города в свое общежитие, лишь бы вырваться из этого довольно богатого, но ставшего мне таким неприятным помещения.

Очень быстро маска интеллигентного парня сошла с лица моего поклонника. Он, видимо, понял, что ему очень не повезло с «певичкой» из опереточного хора, и, раздосадованный моим поведением, стал вести себя просто откровенно по-хамски. Меня это

вывело из себя. Он был мне противен, а ситуация в мои 18 лет стала для меня уже совсем неприемлемой.

Молодой человек, применяя грубую силу, не тратя лишних слов, стал в ярости срывать с меня одежду. Все мои сопротивления были только поводом для того, чтобы, озверев, делать это еще более яростно. Он оставил меня чуть ли не голой!

Кусаясь и брыкаясь, как только могла, я оказалась загнанной в угол и, как обозленный зверек, соображала, что мне делать и как мне быть!

Он стал в ярости обзывать меня всякими словами, негодовать по поводу того, что чего это я строю из себя недотрогу и всякое такое. Я разрыдалась, стала просить, чтобы он отпустил меня, что все это мне не по душе. Но это его еще больше раззадорило. Он вел себя просто как садист. Забрав в охапку мою одежду, наконец открыл ключом дверь и сказал, что если хочется, то уходи, но только так, как есть, то есть почти раздетой.

Я не помню, сколько времени все это продолжалось, но довольно долго. Все мои просьбы отдать одежду ни чем не закончились. Парень улегся на диван, положил под голову мои шмотки (по-другому уже эту одежду не назвать) и решил продолжить со мной этот омерзительный «бой», предложив подойти к нему и отобрать у него мои вещи.

Я отчетливо понимала его замысел. Решив ему подыграть, я как бы двинулась к нему, чтобы усыпить его бдительность. В это время, все рассчитав, быстро рванулась к двери и, схватив в порыве свое пальто, так что рухнула вся вешалка в прихожей, пулей выскочила из квартиры, а затем и из подъезда, не дав опомниться «интеллигентному» молодому человеку.

Пробежав еще добрых два квартала, так что «пятки сверкали», я оказалась на остановке троллейбуса. В одном пальто поверх нижнего разорванного белья, без сумочки, без денег, я дождалась первого, почти пустого троллейбуса.

Когда ко мне подошла контролер за оплатой проезда, сказав, что я без денег, вместо объяснений я разрыдалась горькими слезами. Контролер решила, что у меня большое горе, и не приставала ко мне с расспросами, оставив меня в покое.

А я села на переднее сиденье в углу и всю дорогу проревела, выплакивая весь негатив от полученного стресса, лишившись

одежды и новой сумочки. Мне было горько и обидно и за себя, и за моих коллег актрис, и за женщин вообще...

Прошло несколько дней, и, получив 60 рублей зарплаты в хоре и 20 рублей стипендии в студии, я купила себе новую сумочку и новую юбку, забыв как страшный сон адрес этого молодого человека и его самого, но он сам о себе напомнил мне.

Когда, спустя лет семь, уже будучи ведущей солисткой одесского театра, я была в Киеве на гастролях с театром и пела главную партию в спектакле И. Кальмана «Марица», он пришел ко мне за кулисы, принес цветы и свои комплименты, но не извинения! По правде говоря, я с трудом узнала его. Внешне он несколько изменился. Не знаю, изменился ли он внутренне, оставшись по-прежнему театралом. А может, его походы в театр, это опять поиски новой жертвы или новых приключений? Но это уже меня не волновало. А то прошлое кошмарное событие я оценила для себя как хороший, жизненный урок.

Прослушивание у П. М. Понтрягина

Замечательная актриса Киевского театра оперетты Ирина Журавская, выпускница ГИТИСа (Государственный институт театрального искусства) как-то встретила меня в театре и спрашивает:

— Что вы, Валя, делаете в студии? Вам нужно поступать в серьезное высшее театральное учебное заведение. Хотите, я поговорю с Павлом Михайловичем Понтрягиным? Он заведующий вокальным отделением в ГИТИСе. По моей просьбе он вас послушает на предмет поступления в ГИТИС на факультет музыкального театра.

Эта мысль мне понравилась, тем более, что летом намечались гастроли театра и наш путь лежал через Москву. Журавская сдержала свое слово. И вот по приезде в Москву она повела меня в ГИТИС и, познакомив с Понтрягиным, оставив меня в институте, сама поспешила по своим делам.

Понтрягин предложил мне спеть ему. С большим удовольствием и волнением я пропела ему арию Чио-Чио-сан из одноименной оперы Дж. Пуччини. Затем он стал расспрашивать меня обо всем, что его интересовало. Мне показалось неудобным отвечать на его вопросы через весь огромный класс, стоя у рояля, тем более

что я чувствовала, что заинтересовала его своим пением. И вот, когда я, взволнованная, все ближе и ближе подходила к столу, за которым он сидел, и доверительно ему рассказывала о себе, вдруг Павел Михайлович совсем обескуражил меня своим замечанием:

— А у нас студент должен стоять у рояля, когда его о чем-то спрашивают, а не разгуливать у моего стола...

Его внезапное замечание совсем выбило меня из колеи, и я, «задетая за живое», неожиданно для себя ответила:

— Но я ведь еще не ваша студентка, и, наверное, уже ею никогда не буду, — повернувшись, я быстро вышла из класса, боясь, что от обиды расплачусь...

Я понимала, что отрезала себе путь в ГИТИС, но не пожалела о своем поступке. Мне кажется, что он поступил со мной не очень деликатно, а я, в свою очередь, не сдержала свою строптивость.

Журавская же, выслушав меня, сказала, что я поступила глупо.

Может быть, она и была права. Сейчас бы я, наверное, ответила более дипломатично. Мало ли что! Может, человек (я имею в виду Павла Михайловича) был не в настроении или у него неприятности! Так я думаю сейчас, а тогда... Но правильно говорят, что ни делается — делается к лучшему.

А вообще-то мне очень нравилось заниматься в студии. Мне кажется, что наша студия, несмотря на то что мы учились в ней всего два года, дала нам не меньше, чем мог бы дать институт за все пять лет. Вот такой насыщенной в ней была учебная программа.

«Северное сияние»

После года обучения я поехала с театром на свои первые в жизни гастроли! По-моему, это был Севастополь.

Я впервые увидела море и впервые в нем купалась!

Нас расселили по квартирам. Мне и еще одной артистке хора досталась комната в трехкомнатной квартире. Две другие комнаты занимали супружеская пара солистов театра и двое молодых ребят, тоже солистов, недавно пришедших в театр.

Начало наших гастролей совпало с моим днем рождения. Мне исполнилось 20 лет!

Решено было после спектакля торжественно отметить это событие в нашей трехкомнатной квартире. Сделали хороший стол,

купили шампанское и водку. И вот двое молодых актеров предложили сделать коктейль под названием «Северное сияние». Спиртной коктейль я никогда не пила и что это такое, не знала, но раз все пьют, решила пить и я.

Надо сказать, что я вообще ничего к тому времени не пробовала из спиртного, кроме самогонки, которую, как писала выше, привозили в грелках мои однокурсники по музыкальному училищу. А поскольку самогон мне не нравился, то я его практически не пила. А вот «Северное сияние» мне понравилось. Было вкусно, довольно сладко.

Но какой же гремучей смесью оказался этот коктейль! Это когда водку смешивают с шампанским! Конечно, очень скоро у меня все «засияло», и я не помнила, как оказалась у себя в комнате и заснула.... А мой день рождения продолжался уже без меня. Так прошел мой первый юбилей! Но этот коктейль «Северное сияние» я запомнила надолго.

Мой дипломный спектакль

К концу второго года обучения мы стали готовиться к выпускным экзаменам в студии.

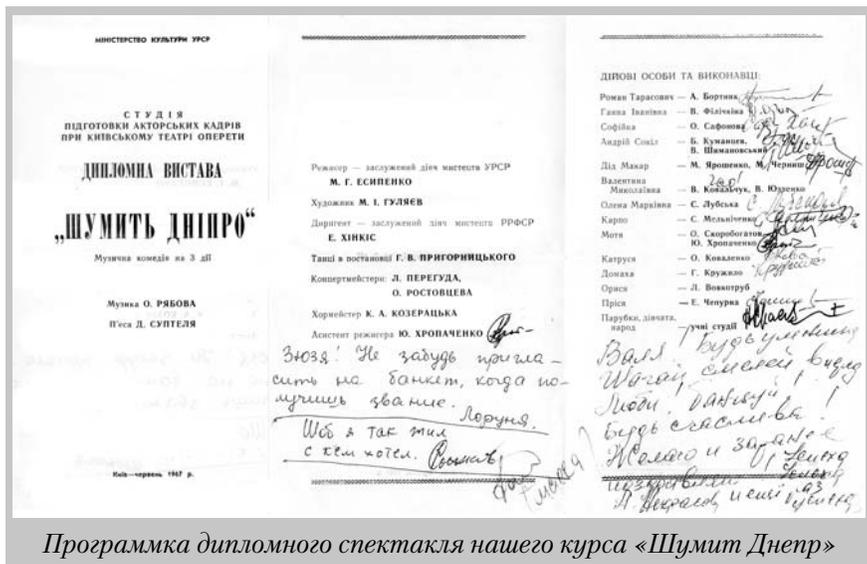
Наш курс взял для этого пьесу «Шумить Дніпро». Несмотря на то, что по распределению ролей меня тоже заняли в этом спектакле, все же моей дипломной работой решено было сделать ввод в спектакль Имре Кальмана «Принцесса цирка». Я должна была спеть главную партию Теодоры Вердье в этой замечательной оперетте, идущей в театре.

Мне предстояло репетировать в отличие от моих однокурсников на большой настоящей сцене, а не на студийной, и не со своими «одноклассниками», а с профессиональными, маститыми актерами. Я была горда тем, что буду репетировать с красавцем героем Аланом Кулаевым, который недавно появился в театре.

Репетиции мне доставляли много радости. У партнера был очень красивый по тембру баритон, и петь с ним дуэтом было большим удовольствием и большой ответственностью. Нужно было соответствовать. В спектакле также было много танцев. Я танцевала их легко и непринужденно, зная, что делаю это хорошо. После той школы по танцам, которую мы прошли в студии, танцевать плохо просто было не возможно.

С особым усердием, демонстрируя свою легкость и гибкость, я прогибалась на руки своего партнера в вальсе после спетого нами дуэта.

Студенческий спектакль «Шумить Дніпро» прошел с успехом! И вот на второй день все студенты пошли смотреть мою дипломную работу. Это была моя первая в жизни главная роль. Волновалась я безумно, но, загримировавшись и облачившись в красивое платье, уже готовая выйти на сцену, я перестала волноваться.

Программка дипломного спектакля нашего курса «Шумит Днепр»

Первый акт прошел прекрасно!

Окрыленная успехом, я решила второй акт провести еще лучше!

И вот в тот момент, когда в дуэте с Мистером Икс от большого усердия я сильно перегнулась в танце, на руку партнера, то вдруг с ужасом почувствовала, что моя голова очень сильно «полегчала» — с меня свалился парик!

Парик был белый, а мои волосы были темными! О, ужас! — подумала я.

В растерянности, не зная, что же мне делать дальше, я так и застыла в этой полулежащей позе на руке у партнера.

Но Алан не растерялся. Подняв парик с пола, он приложил его к моей голове и до конца танца, уходя со сцены, так и держал его рукой на моей голове, словно любуюсь мною!

Зритель, конечно же, все видел и все понял. Прием от этого был лучше, чем можно было ожидать. А я была счастлива и благодарна своему коллеге за то, что он спас меня от позора.

Мой дебют удался, и меня перевели в актерский состав! Я стала полноправной артисткой театра!

На фестивале от Киевского театра

Но была я в штате театра недолго. Со мной опять приключилась неприятная история.

Сразу после наших выпускных экзаменов и моего перевода из хора в актерский состав, перед концом сезона, наш новый директор театра вызвал меня к себе в кабинет и сообщил, что недалеко от Киева, где он раньше работал директором музыкального театра, будет проводиться театральный фестиваль. Он хотел бы, чтобы в этом фестивале принимала участие и я как самый молодой представитель театра.

Я сразу же согласилась, ведь для меня это была большая честь!

И вот нескольких актеров, в том числе и меня, на шикарных машинах привезли на этот фестиваль и устроили в гостиницу.

Директор сам показал мне номер, где мы будем жить с еще одной молодой певицей из оперного театра. Я была польщена!

На этом фестивале мы выступили с концертами в нескольких местах, а затем прошел большой заключительный концерт в музыкальном театре. Все было чудесно!

Во время банкета, посвященного фестивалю, директор уделял мне много внимания, это мне льстило и я уже вообразила себя большой артисткой.

После этого банкета, директор проводил меня в мой номер.

Надо сказать, что в результате никакой соседки из оперного театра в моем номере не было. По словам директора, она не смогла приехать из-за болезни и я в двухместном номере жила одна. Проводив меня в номер, мой спутник сказал, что сейчас вернется, только кое-что захватит с собой и мы продолжим банкет. Я пыталась отнекиваться, так как было уже достаточно поздно! Сказав,

что возражения не принимаются, он вышел и... закрыл мой номер на ключ с обратной стороны.

Мне это не понравилось, я заподозрила неладное. И потом как-то глупо и нелепо быть запертой в своем же номере. Немного погодя я решила постучать в дверь... Меня не услышали. Я постучала громче!

К двери со стороны коридора подошла, видимо, дежурная и спросила, в чем дело.

Я стала ей в двух словах объяснять, что меня закрыли в моем номере на ключ с обратной стороны и что не могла бы она открыть дверь моего номера своим ключом. Дежурная стала из-за двери расспрашивать меня, с какой целью меня закрыли, и кто это сделал. Услышав фамилию нашего директора, она вдруг замолчала. Я подумала, что она ушла, и стала опять стучать в дверь. Вдруг я опять услышала ее голос: — Перестаньте стучать! Вы позорите уважаемого в городе человека!

Мое положение стало совершенно дурацким! Я оказалась заложницей в своем же номере!

В это время дверь открылась, и директор раздраженный, моим поведением (он все понял), нагруженный шампанским, закусками, довольно сильно толкнул меня от двери вглубь номера и, не обращая никакого внимания на дежурную, которая стояла, недоумевая, по ту сторону, закрыл перед ее носом дверь. После этого совершенно откровенно и довольно грубо повалил меня на постель...

Быстро сообразив, что ничего у него со мной не получится, он не стал больше тратить на меня время, а, рассерженный и злой, вышел из номера!

Кое-как дождавшись утра, я вышла к завтраку, а затем и в фойе гостиницы, так как у нас был общий сбор и мы должны были обратно ехать в Киев. Директор сделал вид, что ничего не произошло, и вел себя со мной абсолютно нормально, так же как и с другими. По приезде в Киев я совсем успокоилась и думала, что все позади. Но не тут-то было.

На другой день меня вызвал к себе директор и, отчитав, как школьницу, объяснил мне, что если я хочу, чтобы моя карьера в этом театре состоялась, я должна вести себя должным образом, вести себя «правильно» и что от него зависит, буду я петь главные партии или сидеть на третьих ролях.

В то время директора были и художественными руководителями и от них действительно многое зависело. Этот разговор был мне ох как не по душе!

— Вести себя «правильно» в том смысле, какой вы вкладываете в это слово, я не хочу, а буду вести себя так, как считаю нужным, и поэтому — сказала я ему, — мне не нужен ваш перевод меня в актерский цех. Союз большой и я буду устраиваться в другой театр!

— В таком случае, — сказал он, — хочу вам сообщить, что наша студия готовит актеров прежде всего для Украины, и если не в Киевском театре, то вы будете обязаны отработать два года после студии в любом периферийном музыкально-драматическом театре нашей республики! Иначе вам не видать диплома!

Вышла я из кабинета сама не своя!

Я понимала, что моя карьера в этом театре уже закончилась, еще толком не начавшись. Никакого другого театра у меня на примете нет и направления куда-либо после окончания, как у моих сокурсников, тоже нет! И что делать не знаю...

Иду расстроенная по коридору в свою театральную студию и вдруг встречаю молодого мужчину, Леню Рымаря, который заглянул к нам в студию.

Это прекрасный баритон, который намного раньше закончил эту же студию и теперь с большим успехом работает ведущим актером в Рижском театре оперетты.

Разговорившись с ним, я узнала, что им как раз нужна молодая героиня и что я бы театру подошла. Но ехать слушаться туда за свой счет я не могла. Средств у меня не было!

Послушав меня (я ему спела несколько произведений), Леня пообещал, что он обязательно устроит мне протекже в театр и что пока у нас будет отпуск, за это время мне пришлют официальный вызов на прослушивание, по которому театр оплатит все расходы, связанные с этим прослушиванием.

И поверив, и не поверив, я все же решила не уезжать в отпуск далеко в Казахстан к своим родным, а немного поразмыслив, решила принять приглашение моей подруги по студии, тоже Валентины, провести отпуск у нее дома, недалеко от Киева в городе Белая Церковь.

Мама моей подруги работала продавщицей разливного кваса. И вот, чтобы как-то «отработать свой хлеб» в гостях, я взялась поработать за нее.

Но торговля у меня не пошла. Я наливала квас не «по правилам» и... прогорела! Надо было наливать быстро, чтобы до риски доходила только пена, а не квас! Тогда я стала помогать на приусадебном участке — это получилось лучше.

Весь месяц (свой отпуск) я жила как на иголках — очень нервничала и ждала вызова из Риги.

Отпуск закончился, я вернулась в Киев и тут же получила долгожданный вызов.

Прослушивание мое закончилось, к моей большой радости, положительно! Я получила приглашение на работу с окладом 110 рублей.

По приезду в Киев я сразу же написала заявление об увольнении. Но директор мое заявление не подписал... Трудовую книжку без его резолюции мне не выдали, свидетельство об окончании студии тоже. Но, несмотря ни на что, я уехала в Ригу без этих документов!!!

Глава 3. В РИЖСКОМ ТЕАТРЕ ОПЕРЕТТЫ

Я в Риге в театре

Приняли меня в Рижском театре очень хорошо! Там работали две труппы — одна латышская, другая русская.

В русской труппе, куда я попала, было много прекрасных актеров. Кроме Лени Рымаря, о котором я писала выше, в театре была еще одна выпускница нашей студии — Валентина Серченя, с которой мы очень скоро по-настоящему сдружились.

Город Рига меня очаровал — чистый, аккуратный, много красивых вывесок и реклам. Мне казалось, что я попала за границу — так оно и было на самом деле, несмотря на то что в то время Прибалтика входила в Советский Союз.

Недалеко от театра находился большой магазин «Детский мир» с кафе внизу. В этом кафе в основном я и обедала. Кормили там очень вкусно. Особенно мне нравились взбитые сливки. Да и вообще молочные продукты там всегда были отменные.

Поселили меня с Валечкой Серченей, в двухкомнатной театральной квартире, дав нам по комнате, но, правда, довольно далеко от театра, в новом районе.

Несмотря на то что у меня кроме паспорта никаких других

Здание Рижского театра оперетты

*С Валентиной Серченей
на Рижском взморье*

документов не было, меня оформили приказом на работу, и в дирекции пообещали, что все уладят в Москве, в Министерстве культуры СССР и документы перешлют из Киева в Рижский театр. Так оно потом и случилось!

Меня сразу же взяли в постановку нового спектакля Гладкова «Дамы и гусары», дав главную роль Софьи.

Как я сейчас понимаю, роль «голубая», не очень интересная, но репетировала я с большим увлечением.

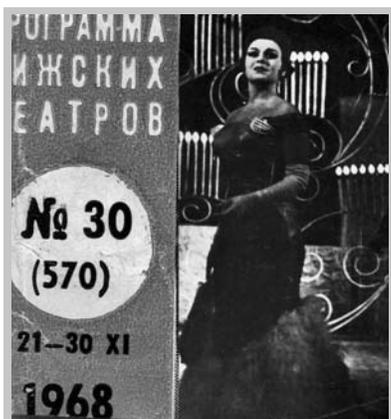
Несмотря на то что на премьеру вышла более опытная, титулованная актриса, я была очень довольна своей работой и пела этот спектакль с удовольствием.

Зато вторая роль — роль Сильвы в оперетте И. Кальмана «Сильва» была, что называется, моей.

*В роли Софьи из спектакля
«Дамы и гусары»*

«Сильва» в Рижском театре оперетты

Обложка программы Рижских театров. Сцена из спектакля «Сильва». Сильва — В. Юзвенко

Режиссером-постановщиком этого спектакля был назначен приглашенный режиссер из Ленинграда, к сожалению, не помню его фамилии. А надо было бы запомнить, и вот почему. Дело в том, что моя первая главная, очень знаковая для меня роль Сильвы начиналась в несколько необычной для театральной обстановки атмосфере. На эту роль было назначено ни больше ни меньше пять солисток! Среди них были опытные, достойные, титулованные актрисы. Пока шла читка пьесы, все было как будто в норме. Но

*Сцена Сильвы и Эдвина.
В. Юзвенко и В. Линкевич*

вызывало большое недоумение в актерской среде. А именно — он заставлял артистов ходить по сцене, непременно поднимая одно плечо, объясняя это тем, что зритель в то время, когда актер движется вдоль сцены, должен непременно видеть оба плеча героев спектакля. Были еще в его задачах и тре-

*Сцена Сильвы и Бони. Сильва —
В. Юзвенко, Бони — Е.Хромов*

затем, когда режиссер стал разводить спектакль на сцене по мизансценам, для многих актеров, если не сказать для всех, начались неожиданности, что касается режиссерских требований. Он оказался режиссером новых веяний, и одно из самых его важных требований

*Сцена Сильвы и Юлианы.
В. Юзвенко и А. Киселева*

бованиями некоторые на первый взгляд особенности, которые вызывали чувство противоречия у исполнителей. Помню, что шли отчаянные споры и препирательства у актеров с этим режиссером. На какие-то мелкие уступки он шел. Но вот что касается демонстрации обоих плеч зрителям, тут постановщик был непреклонен и всех заставлял ходить так, как он этого требовал. Разумеется, артисты этого делать не хотели. А он их заставлял, а непослушных снимал с репетиции. Но то же самое повторялось и с другим составом, и с третьим. Актеры, в свою очередь, на него обижались и уже сами старались под разными предложениями не приходиться на

работу к «ненавистному» режиссеру. Кто брал больничный, кто отпрашивался по семейным обстоятельствам... Так мало-помалу все четыре опытные Сильвы перестали бывать на репетициях. От безвыходного положения режиссер был вынужден брать в работу и меня — что называется, дошла очередь... Несмотря на то что я тоже очень и очень некомфортно чувствовала себя с приподнятым плечом, капризничать как начинающая и очень молодая актриса, мне казалось, не имею права. И вот я репетировала и репетировала... Мне кажется, что, увлекшись работой, я уже забывала про это приподнятое плечо, но, не встречая сопротивления с моей стороны, постановщик уже практически не делал мне замечаний на этот счет, а может быть, тоже об этом забывал. Как бы там ни было, но поскольку я репетировала одна, то в материал и вокальный и литературный вошла довольно крепко. У меня была возможность почувствовать

ВЕЧНО ЖИВАЯ КЛАССИКА

эту роль по-настоящему, особенно музыкальную драматургию. Пока мы репетировали, актеры, которые не хотели с этим режиссером работать, устроили в дирекции настоящий «бум» против него и в результате добились отстранения его от спектакля. Мне, по правде говоря, было его немножко жаль. Я представила себе — каково это быть отставленным от постановки.

Газетная вырезка из рецензии на спектакль «Сильва» в Рижском театре

возможность почувствовать эту роль по-настоящему, особенно музыкальную драматургию. Пока мы репетировали, актеры, которые не хотели с этим режиссером работать, устроили в дирекции настоящий «бум» против него и в результате добились отстранения его от спектакля. Мне, по правде говоря, было его немножко жаль. Я представила себе — каково это быть отставленным от постановки.

Перед своим отъездом из Риги он мне сказал:

— Никого не слушай, они ничего не понимают! Ты еще только начинаешь в театре. Делай так, как я тебя учил, и не пропадешь!

А далее этот спектакль передали для постановки опытной актрисе Алле Киселевой, которая также была занята в этом спектакле в роли Юлианы, матери Эдвина. Все наши актрисы сразу

же бросились репетировать роль Сильвы. Спектакль надо было выпускать быстро, так как время было потеряно. Но для себя я так не считала. Мне казалось, что время репетиций с прежним режиссером для меня не прошло даром. Я почувствовала в себе силы и стала наравне с опытными и титулованными актрисами «сражаться» за эту роль. А «борьба» шла серьезная. Напомню, что на партию Сильвы было назначено пять солисток...

Честь и хвала режиссеру этого спектакля Алле Киселевой, а также ее мужу (он был дирижером) за то, что они не побоялись моей молодости, моей еще не до конца вокальной зрелости и выпустили меня на премьеру этой чудесной оперетты.

Впоследствии роль Сильвы сопровождала меня всю мою творческую жизнь в жанре оперетты. Мне казалось, да и все так говорили, что я очень подхожу для этой роли. А те театры, в которых я работала, если не имели в репертуаре этого спектакля, специально ставили его на меня.

Свою первую премьеру в роли Сильвы я спела в двадцать лет!

Итак, спектакль удался, моя роль тоже, и я готова была работать, работать и работать...

Дальше были такие спектакли, как «Великолепная тройка» Цабадзе, а также работа над серьезной вокальной ролью Зорики в оперетте Легара «Цыганская любовь».

Обложка программки Театральной Рига. Сцена из сп. «Великолепная тройка». В. Юзвенко и В. Линкевич

Я была счастлива, что работаю с такими замечательными актерами, как Озеров (к сожалению, не помню его имени), Леонид Рымарь,

На сцене В. Серченя и Л. Рымарь

Михаил Бакеркин, Валентина Серченя, Владимир Пельше, Ефим Хромов, Алла Киселева и многие другие.

Мороженое и «корзиночки»

На протяжении всего времени работы в Рижском театре оперетты я не переставала восхищаться молочными продуктами местного производства, особенно взбитыми сливками и мороженым.

Прямо во дворе театра был киоск, где продавали отличное мороженое.

В Риге в своей комнате от театра. Мне 20 лет

В перерывах во время репетиций, шокируя своих коллег вокалистов, я отъедалась этим мороженым, выказывая чудеса смелости, иногда съедая по две порции подряд. Мои коллеги не знали, что около Киевского театра, при котором была наша студия, тоже продавали мороженое.

А какие в Рижском театре были театральные банкеты! Назывались они «корзиночки». Наверное, потому, что на эти мероприятия каждая хозяйка приносила из закуски то, что считала нужным и что хорошо готовила. Это совсем не значит, что все это приносилось в

корзинках. Но почему-то это так называлось.

Особенно вкусную еду приносили актрисы-латышки, которые работали в русском секторе театра, а латышкой по национальности было в русской труппе предостаточно.

Вдруг неожиданно для меня самой мне пришло приглашение на работу из Бакинского театра оперетты. Я недоумевала — откуда в Бакинском театре знают о моем существовании? Оказалось все просто. Режиссер, который только что принял пост главного режиссера Бакинского театра, в свое время, будучи в Киеве, присутствовал на наших выпускных экзаменах в студии. Ему очень понравилось мое выступление в спектакле «Принцесса цирка» и он хотел, чтобы мне дали направление на работу в его театр. Но ему сказали, что меня оставляют в Киевском театре оперетты, и он оставил эту мысль и даже не стал ко мне подходить. А вот после

того как узнал, что я теперь работаю в Риге, решил все же меня заполучить в свой театр.

В приглашении сулилась довольно большая зарплата и много хороших главных ролей. Все было очень заманчиво...

Проработав в Риге полтора года, я окрепла как актриса, подросла как вокалистка, вышла замуж за спортсмена, мастера спорта по штанге Василия Чуркина, и готова была к дальнейшим подвигам.

Глава 4. В Бакинском театре

Здравствуй, Баку

Город Баку, в то время столица Азербайджанской Советской Республики, произвел на меня, как и Рига, большое впечатление.

Но после строгой, холодноватой, даже несколько чопорной Риги мне казалось, что тут все совсем по-другому. Было много солнца, теплое море, много темперамента и много кавказцев в больших кепках.

Двери магазинов были распахнуты (оттого, что жарко), на улицах много лотков — продавали все и по-всякому!

Помню один забавный случай. Я купила на лотке стиральный порошок. Дала продавцу-азербайджанцу в кепке денежную купюру (деньги тогда по всему Союзу были одни — рубли) и стою, жду сдачи. Он на меня не реагирует. Я ему говорю:

— А можно мне получить сдачу?

— Э! Слушай! Какой сдачу? — говорит он. — Я же тебе завернул порошок, да!..

Но зато в гостеприимстве им не откажешь.

Прилетели мы в Баку поздно вечером. В театр идти уже бесполезно — никого из руководителей нет. Вышло какое-то недоразумение, и нас не встретили.

Мы с мужем Василием расстроились, но делать нечего — решили до утра просидеть в аэропорту. Но нам не дали этого сделать.

Заметив, что мы долго сидим, к нам подошел мужчина (он тоже долго сидел и ждал запоздавший самолет — встречал сестру). Познакомившись с нами и узнав о наших проблемах, сразу же предложил поехать к нему домой переночевать. Мы с этой семьей потом очень подружились. Они жили недалеко от театра и потому мы имели возможность часто общаться. Но это было потом.

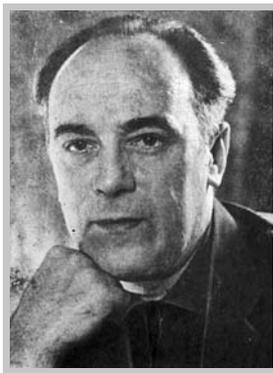
А вначале я приезжала в Баку одна для прослушивания и переговоров относительно условий работы и перспективы на будущее. Вот тогда я и познакомилась с режиссером Марком

Режиссер — Марк Исаакович Кларисов

Исааковичем Кларисовым, который был инициатором моего приглашения в Бакинский театр, и дирижером Сергеем Гусевым.

Эти люди сыграли большую роль в моей творческой жизни. Они многое сделали для того, чтобы я, будучи еще очень молодой, «на-

Дирижер — Сергей Александрович Гусев

бирала» и «набирала» как актриса и как певица и чтобы у меня было прекраснейшее, заслуженное самочувствие «примадонны» театра.

На квартире с тигренком

Именно тогда, когда я приехала в Баку первый раз, меня поселили на квартире недалеко от театра к милым людям. Он азербайджанец, занимающийся наукой, а она, его жена, украинка по национальности, домохозяйка. Было у них двое детей, еще довольно маленьких — мальчик и девочка. Квартира у них была огромная и, что меня поразило, с большим количеством живности.

Помимо собаки, кошки, петуха, попугая, разных морских свинок у них жил маленький тигренок. Он был такой забавный, как большой котенок. У него была своя клетка, как «место», но он свободно расхаживал по квартире, и с ним все играли. Я тоже забавлялась с ним и гладила его.

Хозяева меня очень радушно принимали, угощали и всячески пытались оказать мне как актрисе особенное внимание, несколько даже смущая меня.

Позже, когда я уже работала в этом театре, была заметка в местной газете об этой семье, о том, что у них в квартире живет тигр, и большая фотография, где жена этого профессора и его дети лежали на уже взрослом тигре.

А вскоре была и другая заметка, уже в центральной газете, о несчастном случае произошедшей в этой семье. Тигр напал

на домочадцев в то время, когда хозяин был на работе, и все, кроме отца погибли.

Мне было безумно жаль этих людей, таких добрых, отзывчивых и так любящих животных. Особенно было жаль детей-подростков. Это была шумевшая история на весь Союз в 70-е годы. Может быть, кто-то ее и вспомнит.

А в то время, когда я жила у них на квартире, в этой семье было все хорошо. Мои же переговоры касательно работы в театре проходили весьма и весьма успешно.

Не пела? Так споешь!

В кабинете директора театра Марк Исаакович Кларисов, главный режиссер театра, убеждал директора в необходимости сразу же дать мне большую зарплату (170 рублей), квартиру, так как я, несмотря на молодость, уже артистка в репертуаре и т. д. Директор театра тут же предложил:

— А может ли она спеть через три недели главную партию в оперетте Кальмана «Марица»?

— Конечно, сможет, — сказал Марк Исаакович. — Она ее пела в Риге.

Когда мы вышли из кабинета директора, я растерянно пробормотала.

— Марк Исаакович, но я ведь никогда и нигде не пела Марицу.

— Так значит, споешь! — спокойно сказал режиссер.

Это была авантюра чистой воды. Но мне уж очень хотелось получить довольно высокий оклад и хорошее положение в театре.

Времени у меня оставалось три недели. За это время я должна была вернуться в Ригу для того, чтобы уволиться из Рижского театра, перебраться в Баку, выучить и отрепетировать партию Марицы.

По приезде в Баку нас с мужем поселили в театре на втором этаже. Одна дверь из нашей квартиры выходила во двор, на крутую пожарную лестницу, а вторая прямо в театр, в фойе первого яруса.

Квартира у нас была странная. Раньше это был театральный туалет с курительной комнатой. Потом театральный склад, а теперь наша временная квартира.

Итак, у нас было довольно большое помещение с двумя туалетами, где муж устроил себе турник, коридорчик, где мы соорудили кухню, и комната, где у нас было все остальное.

Жить прямо в театре было очень удобно. Не надо тратить время на дорогу, не надо надевать верхнюю одежду, а главное можно было репетировать по вечерам, что я и делала.

Когда в театре заканчивался спектакль и никого кроме дежурных не было, мы с мужем Василием спускались со своего яруса на сцену и репетировали. Он, как мог, изображал мне тех персонажей, с которыми у меня была сцена, и подавал мне текст. Таким образом, я выучила свою роль на память и хорошо ориентировалась на сцене.

Но за полторы недели до премьеры я попала в больницу. Меня должны были вот-вот выписать, но попадало это на выходные дни. И вот, не дожидаясь выписки, зная, что уже выпущены афиши, сообщающие о моем дебюте, договорившись с подругой о том, что она принесет мне одежду и будет ждать на улице, у туалетного окна больницы на первом этаже, я благополучно сбежала на свободу. Я чувствовала себя здоровой, впереди меня ждал спектакль «Марица» Кальмана. Мне было 22 года! Премьера удалась!!

«Что же вы — стрекоза и стрекозел»

Мое появление в Бакинском театре было событием!

Главный режиссер вместе с главным дирижером сделал все от них зависящее, чтобы оно не осталось незамеченным. Им нужно было обновить, омолодить труппу, влить свежую струю. Так в театр попал и мой партнер Юрий Руденко, с которым меня связывала творческая дружба долгие годы, и в разных театрах.

Выступает
Юзвенко.

Валентина

В творческом коллективе Бакинского театра широко представлена молодежь. Молодые солисты все увереннее занимают ведущее место в спектаклях, исполняют труднейшие партии репертуара.

С удовольствием познакомилась присутствующая Валентиной Юзвенко. Двадцатитрехлетняя артистка за небольшой срок работы в театре завоевала любовь и признательность публики. После окончания студии при Киевском театре оперетты она несколько лет выступала на сцене, исполняет роли Марицы, Сильвы, Одетты де Римонт («Баядера»). На встрече с журналистами Севастополя Валентина Юзвенко темпераментно исполнила также арию Одарки из оперы Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем».

Заметка из Бакинской газеты

С большой любовью я вспоминаю о нем, красавце, с прекрасным голосом очаровательного тембра, очень порядочного во взаимоотношениях, а также его милейшую супругу Танюшу — артистку балета. Они были творческими людьми (наверное, есть) и настоящими друзьями. Юра в то время еще учился в консерватории. Он был старше меня всего на один год.

В паре с ним нас стали очень быстро вводить в классический репертуар. На нас «пошел» зритель. Мы не были обделены рецензиями, с нашими именами стали выпускать афиши.

Вводили нас в текущий репертуар настолько быстро, что мы даже порой, несмотря на свою работоспособность, не успевали толком выучить текст роли.

Помню наш очень быстрый ввод в спектакль Легара «Веселая вдова».

Пьеса этой оперетты прекрасная, очень остроумная, особенно у героев в сцене их первой встречи, встречи Данило и Ганны Главари. Фразы в их диалоге логически цепляются одна за другую, и если один из партнеров забывает какую-либо реплику, сцену

дальше не выстроить, она заходит в тупик. Так и получилось.

Кто-то из нас не сказал последующей смысловой фразы, и сцена... остановилась.

Мы с Юрой, уже не зная, что делать, дальше стали все рассказывать, что знали по пьесе друг другу своими словами. Дошли до того, что уже стали играть финал спектакля, объясняясь друг другу в любви — «я тебя люблю!» и «я тебя люблю!», и никак не можем выйти на реплику, которая послужила бы сигналом дирижеру для начала музыки. Ведь за сценой сразу же идет дуэт.

Дирижер смотрит на нас, реплики своей не слышит и тоже не

знает, что ему делать, начинать играть или нет! Суфлера в театре в то время не было.

Закончилось все тем, что помощник режиссера, понимая все, что происходит на сцене, дал занавес, и когда его снова подняли, пошла другая сцена.

Состояние в этот момент на сцене у нас было ужасное! Нам казалось, что это полнейший провал...

Как ни странно, спектакль в результате закончился благополучно, но мы с Юрой в этот раз, думаю, разочаровали своих поклонников.

В букете, который мне вынесли после спектакля, я нашла за-

Афиша Бакинского театра

Афиша Бакинского театра

писку от зрителя, написанную в сердцах: «Что же вы, Юзвенко и Руденко, прыгаете как стрекоза и стрекозел, а текста не знаете!».

Вот так зритель нам отомстил за нашу поспешность с вводом в спектакль.

С новыми спектаклями дела обстояли лучше. Пока сцену за сценой репетируешь, текст, как правило, запоминается сам довольно быстро, и литературный и музыкальный.

О! Баядера!

Одной из нашей с Юрой удач была постановка оперетты И. Кальмана «Баядера»! Мне кажется, мы как нельзя лучше подходили к нашим персонажам, особенно Юра.

Он прекрасно смотрелся в восточном костюме и чалме. Было такое ощущение, что ему эта тема по жизни знакома.

Аллегров — постановщик этого спектакля, отец нынешней эстрадной звезды Ирины Аллегровой, прекраснейший, любимейший актер и режиссер русской трупп-

В роли Одетты

Очаровательная Валентина Степановна!

Я еще раз /который раз!/ смотрел и слушал Вас в "Баядере".
Сколько у Вас грации, изящества, красоты в движениях.

Природа воистину наделила Вас тонким и строгим соответствием
соразмерностью во всём, —отвечающими требованиям изысканности и
художественного вкуса.

Хочу, чтобы мои искренние благодарственные послания к Вам не
были ^{для Вас} предметом злой иронии. Верьте в сердечность моих высказываний
Будьте великодушны и не взыщите.

Впрочем, доходят ли мои письма до адресата вообще? И как мне
это установить? О, эти нелепые условности...

Записка от театрального поклонника

пы в театре, очень хорошо поставил главную сцену в спектакле, сцену обольщения.

А если еще учесть, что в то время я была очень молода, недурна собой и одета практически в купальник с прозрачными шароварчиками, да ко всему неплохо танцевала, то читателю не трудно догадаться, что именно эта сцена имела у Азербайджанской публички, особенно у мужской ее половины, самый большой успех.

Многоуважаемая ВАЛЕНТИНА СТЕПАНОВНА!

Независящие от меня обстоятельства вынуждают быть "инкогнито". Но не писать Вам, не высказать свой восторг ^{им пения} и от Вашего пения и не выразить Вам свою сердечную благодарность за очаровательную Баядеру/4окт./ и за восхитительную Сильву /10кт./, -- я не в силах.

Хочется особо отметить, что голос у Вас в этом сезоне звучит куда сильнее и красивее /изумительный тембр+ идеальная дикция/ нежели в прошлом году. Я уже не говорю об интонационной чистоте звучания, ибо и в прошлом сезоне, лично мне не приходилось замечать в Вашем пении моменты детонирования.

Запомните раз и навсегда: ни какой партнёр и ни какой хор не сумеют заглушить Ваш голос, разве только оркестр, если дирижёр увлекшись в эпизодах тутти даст три форте. Вы всегда слышны и гегемония звучания всегда принадлежит Вам, да и хорошая акустика вашего театра тоже немаловажный фактор.

И пусть Ваш благоверный /как ему должны все завидовать, -- ведь Вы одна из самых интересных, привлекательных женщин нашего города/ не вздумает проревновать ^к автору этих строк, ибо это послание написано уже не молодым человеком.

Желаю Вам бодрого здоровья, личного счастья и дальнейших успехов в Вашей артистической деятельности.

Я же остаюсь верным и постоянным поклонником Вашего таланта, Вашим обожателем и вдохнителем.

А.Б.

Записка от моего театрального поклонника в Баку

Премьерные спектакли прошли на аншлагах с большим успехом! А дальше...

Начинается спектакль, и что мы видим — зрителей половина зала. Не совсем приятно, но что делать? Не всегда же зал должен быть полным.

И каково же было наше удивление, когда перед началом второго акта, в котором была сцена «обольщения», зал переполнен, и даже некоторые зрители стоят в проходе.

Это пополнение произошло за счет мужского населения, как уже догадался читатель. Принимали сцену бурно, хлопали, топали ногами и т. д. Зато третий акт мы начинали опять в том же составе, что и первый, с половиной зала театрального зрителя.

Так было почти на всех последующих спектаклях.

Для меня всегда оставалось загадкой, как они, эти мужчины, попадали на второе действие в театр? Может быть, они брали билеты и ждали это действие, покуривая на улице? Это так и осталось без ответа...

Как-то на одном из спектаклей, в антракте, билетерша принесла и подарила мне собранный в гармошку буклетик. Он состоял из моих фотографий в костюме обольщения — почти неглиже, в разных позах. Оказывается, кто-то из находчивых зрителей сфотографировал меня во время танца на сцене, и соорудив такой буклетик, продавал прямо в театре. Ну, что же! Вроде бы это было и плохо по тем временам, но мне почему-то было приятно!..

В сари

Репетировали мы достаточно долго, особенно финал второго акта.

После сцены обольщения идет как бы помолвка героя с героиней. Одетту одевают в сари во время пения, но она в последний

Сцена обольщения

момент, по сюжету, разрывает эту церемонию и заявляет Раджами и всем присутствующим о том, что все это было шуткой, что она хочет остаться свободной, независимой актрисой, и гордо уходит со сцены, взяв очень высокую, «пиковую» ноту.

Репетировать-то эту сцену мы репетировали, а как дело доходило до облачения в сари, режиссер говорил:

— Ну, тут девочки возьмут кусок материи и обернут его вокруг Вали, а конец перебросят ей через плечо.

Так продолжалось до самой сдачи спектакля. Девочки жестами обозначали это мое облачение в сари.

Наконец, на сдаче спектакля, то есть на последней генеральной репетиции, когда зал уже заполнен приглашенными и родственниками, принесли нам кусок материи для сари. На сцене, в нужном месте по музыке, балетные девочки меня лихо завернули в этот кусок материи. Они сделали все от них зависящее очень здорово, как им казалось.

С нужным для этой сцены пафосом я спела сцену разрыва с Раджами, гордо ему в пении сообщила, что я остаюсь свободной, и эмоционально, наполненно взяв верхнюю ноту и с удовольствием ее подержав, гордо двинулась из замка прочь! И о ужас! Я чуть не шлепнулась!

Еле удержавшись на ногах, я поняла, что не могу сделать ни одного шага! А мне нужно пройти через всю сцену наверх по лестнице к выходу. Какой там по лестнице!.. Девочки от усердия замотали меня в ткань так, что мои ноги, особенно колени, были плотно стянуты.... И мне ничего не оставалось, как, чуть присев, засеменить, как японочка, мелкими шажочками за кулисы.

Идти пришлось долго, еле удерживаясь на ногах. Ни о какой лестнице и гордом уходе не могло быть и речи!

*Одетта — В. Юзвенко,
Раджами — Ю. Руденко*

Мне казалось, что это позор, и действительно, в эмоциональном плане завершающая часть финала второго акта была сорвана. Вот так мы все были посрамлены за то, что не отрепетировали это одевание на более ранней стадии репетиций. Хорошо, что это была еще не премьера, а только сдача!

А я-то думала

Однажды, когда была премьера спектакля в азербайджанской труппе, директор театра, очень уважаемый мной человек Шамси Бадалович Бадалбейли, пригласил меня на премьеру.

Я ответила, что мне это будет неинтересно, так как я не знаю азербайджанского языка и ничего не буду понимать. Тем не менее перед самым началом спектакля ко мне постучался администратор и сообщил, что директор очень просит меня прийти в его директорскую ложу и присутствовать на спектакле. Отказать ему в просьбе я не могла, мне было это сделать неудобно.

В директорской ложе мы были вдвоем.

Во время спектакля на виду у всех Шамси Бадалович очень активно со мной общался, спрашивал, нравится ли мне спектакль. Вкратце объяснял сюжет. Такое внимание мне льстило. Я подумала: а почему бы и нет? Ведь я примадонна русской труппы! Уже почти великая артистка! Но все же мне такая подчеркнутость его внимания казалась несколько нарочитой, но что за этим стоит, понять не могла.

Оказывается, как потом объяснил мне режиссер, ему было важно, чтобы в ложе был кто-то из русской труппы, чтобы все видели, что русская труппа интересуется азербайджанской труппой, что в его театре между азербайджанцами и русскими дружба и т. д.

Из русской труппы специально никто бы не пришел на спектакль, а меня «достать» было проще простого, так как я жила на том же ярусе, где и была директорская ложа!

А я-то думала!!!

Ш. Б. Бадалбейли. На фото надпись «Дорогая Валя! Желаю многих творческих радостей на Бакинской сцене»

Слуга из фильма «Аршин-мал-алан»

Что до дружбы между актерами в театре, то она действительно существовала, так как азербайджанцы больше интересовались русскими спектаклями, потому что знали наш язык. Ведь в те времена был Советский Союз, в состав которого входил и Азербайджан, и русский язык был языком государственным.

Однажды, во время спектакля «Баядера» ко мне в гримерную комнату пришел довольно пожилой, полный, небольшого роста азербайджанец. Представился актером из азербайджанской труппы.

Его фамилию с первого раза я, конечно, не запомнила, имя — тоже, но лицо его мне показалось несколько знакомым.

*Артист Бакинского
театра Л. Абдуллаев
в роли слуги из фильма
«Аршин-мал-алан»*

Разговаривал он по-русски, но с очень большим акцентом. Поздравив меня и поблагодарив за спектакль он сказал:

— Вообще-то ты хороший героинь (героиня по амплуа имеется в виду), очень хороший! Но больно худой!

Я была удивлена, так как совсем не считала себя худой. Но потом, побывав неоднократно на спектаклях их труппы, поняла, в чем дело...

Все их героини были ну с очень пышными формами! Это был их вкус, что касается женской комплекции.

Каково же было мое удивление и какой восторг, когда я узнала, что ко мне, оказывается, заходил знаменитый на весь

Азербайджан, да и на весь Союз, прекрасный комический актер по имени Лютфяли Абдуллаев, который сыграл слугу в фильме «Аршин-мал-алан». Вот поэтому-то мне и показалось его лицо знакомым. Наверное, и читатель вспомнит этого очень обаятельного актера — «Деньги есть?» — «Есть, есть, есть» — «Деньги есть — выйду я» — «Ах, ты козочка моя» — пели они дуэтом со своей возлюбленной в этом фильме.

Мы подружились! Конечно, он уже был совсем не тот молодой слуга. Сейчас это был больной человек, очень сдержанный,

немногословный (у него было больное сердце), но очень обаятельный, приветливый и гостеприимный.

Он нас с мужем возил в своей машине по всему Баку, неоднократно приглашая в разные рестораны. Очень любил угощать. Его все знали в лицо и обожали всюду. Стоило только нам с ним где-то появиться, как словно по волшебству все появлялось на столах, начиная от всяких необычных закусок и кончая шашлыком из осетрины с наршарапом (это такой соус из гранатового сока).

Нигде больше я не ела такого вкусного шашлыка, а Лютфяли его любил и всегда заказывал. А может быть, он хотел сделать нам приятное.

Вообще-то в широких жестах ему не откажешь. Он был истинным кавказцем.

Как-то на такой вечеринке он мне сказал со своим акцентом:

— Ты думаешь, я тебя люблю?! Нет, я его люблю! — и указал на моего мужа Василия, — Он настоящий русский парень!

Моему мужу Василию это было, конечно, приятно слышать. Тем более что театр теперь стал и его профессиональным домом. Еще в Риге его постигла серьезная травма руки. Большой спорт, занятия его любимой штангой остались в прошлом. Теперь Василий Андреевич работал ведущим режиссером у пульты сцены.

Вспоминая нашу дружбу с Лютфяли Абдуллаевым, мы были очень расстроены, узнав спустя несколько лет, когда уже не работали в Баку, что такого обаятельного, приятного человека не стало — он ушел из жизни. У него было больное сердце...

Черная икра!

Время шло. У меня появлялись новые роли, новые партнеры, да и новые поклонники.

Зачастил на мои спектакли некий бывший военный по имени Павел Николаевич. Всегда непременно с цветами и с записочками в этих цветах, где было много приятных слов в мой адрес.

Как-то он решил мне представиться и попросил разрешения навестить меня в нашей театральной квартирке. Я уважительно его приняла, так как человек он был уже немолодой, и мне подумалось, что наша встреча может носить исключительно дружеский характер.

Он пришел с цветами и круглой, довольно большой завернутой коробочкой. Я решила, что это зефир. Раньше в таких жестяных коробочках продавали зефир.

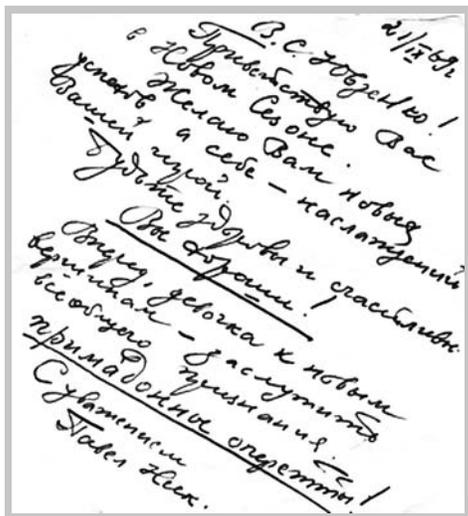
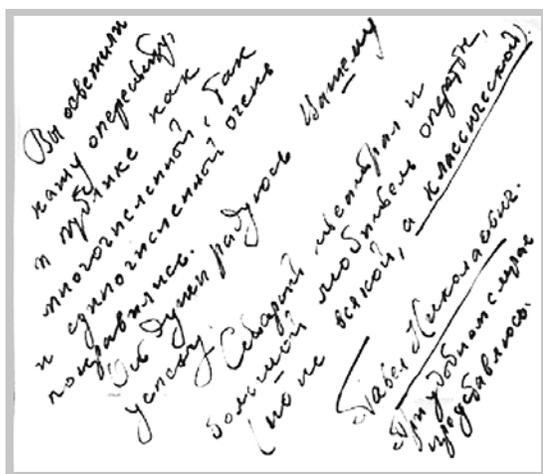
Мой муж в это время тренировался на своем турнике, который он соорудил в нашем огромном бывшем театральном туалете, а мы беседовали о театре, об актерах.

Мой гость с удовольствием стал рассказывать как когда-то, и сам занимался пением.

Напоследок перед уходом он стал откровенно предлагать мне свое мужское внимание и назначать свидание. Мне это не понравилось!

Не найдя со мной общего языка на этот счет, мой поклонник решил уйти через пожарную лестницу во двор театра (у нас было два выхода из квартиры).

Проводив его и закрыв за ним дверь, мой взгляд упал на принесенный им подарок — коробочку, похожую на зефирную.

Я решила выбросить эту коробочку вслед за ним, чтобы он понял, что и его подарки мне не нужны.

Только я собралась это сделать, как вдруг меня осенило — почему она такая тяжелая? Ведь зефир легкий!

Развернув эту коробочку, я увидела синюю двухкилограммовую банку с красивым

большим осетром на рисунке сверху. Это была черная икра! Тут я задумалась, надо ли мне эту банку выбрасывать. «Да, наверное, он уже и ушел» — подумала я.

В этот вечер мы с удовольствием ели эту черную икру. И я, и мой муж Василий, ели ее впервые в жизни, но сразу в каких количествах!

На следующий день мы с моим коллегой Юрой Руденко долго репетировали, театральный буфет уже закрылся, и Юра сетовал, что не успел перекусить, а ему еще нужно было бежать на занятия в консерваторию.

Я предложила ему подняться к нам на второй ярус и пообещала к чаю бутерброд с черной икрой. Но, как назло, хлеба не оказалось — ни кусочка! И мы ели эту черную икру ложкой, но без хлеба. Совсем как Верещагин в фильме «Белое солнце пустыни», помните? «Икра! Опять икра — хоть бы хлеба достала!» Но хлеба доставать было уже нам некогда — Юра торопился!

Ожог

Готовить в нашей кухне, которую мы сымпровизировали в маленьком коридорчике, было неудобно! Электрическая плитка стояла у одной стены, а розетка — у другой, возле самой двери, так что шнур от плитки всегда болтался на полу.

И вот как-то к празднику 1 Мая я решила сварить две курицы в большой кастрюле. В то время, когда они бурно кипели, мы повздорили с мужем, и не без его помощи я зацепила ногой этот шнур, и кастрюля с курами оказалась на полу. Падая, кипящий бульон ошпарил мне бедро и ногу, ко всему я поскользнулась на этом жирном бульоне, упала и оказалась в центре горячей лужи...

Ожог был сильный! Вместе с капроновыми колготками снялась и кожа. Меня отправили в военно-медицинский госпиталь. Все, и я в том числе, переживали, что же будет с ногой. Наверное, будут большие шрамы! Как же теперь выходить в спектакле «Баядера» в сцене обольщения? Особенно переживал брат нашего директора. Он был музыкантом, дирижером. Это был уже пожилой интеллигентнейший человек, обожавший оперетту, хоть сам работал в опере, человек, знакомство с которым у меня состоялось по его письмам ко мне, в которых он меня всячески поддерживал

Это было на последнем спектакле "Баядера" с Вашим участием. Когда Вы появились во 2-м акте, незнакомая женщина, сидевшая рядом со мной в ложе как-то про себя, но вслух промолвила: "Какие у неё красивые стопы..." - имея ввиду нижнюю часть Вашей, действительно красивой, ноги, - "У неё нижняя часть ноги, от щиколотки вниз особенно красива, ровные пальчики, а размер наверное не больше 35-36-ти..."

Я, хотя человек не суеверный, но мне как только стало известно о случившемся с Вами, я невольно подумал о том, что Вас оглазила именно та женщина, которая выразила свой восторг без злоумысла.

Не унывайте, всё пройдёт и всё будет хорошо. Мне очень жаль Вашего супруга, говорят, что он бедняга совершенно убит, сознавая во всём случившемся свою вину.

В морском госпитале мне сказали, что всё с течением времени пройдёт и что Ваши опасения напрасны.

Я только не знаю кто же будет ухаживать за Вами после отъезда Вашего благоверного в Керчь, до Вашего отъезда туда-же?

Желаю Вам быстрого выздоровления и хорошего настроения.

Ваш неизменный поклонник А. Б.

и вдохновлял. Как мне говорили, он не пропускал ни одного спектакля с моим участием.

К большому сожалению, мне так и не довелось с ним увидеться и познакомиться.

Так вот, в своих письмах он искренне беспокоился о моем здоровье.

Но военные медики, поколдовав надо мной, уверили меня в том, что все будет в порядке. И действительно, уже недели через три я пела свою любимую «Баядеру», и никаких следов от ожогов не осталось! А ведь ожог был сильным!

Мои коллеги

Русская труппа была небольшой, но очень дружной, несмотря на конкуренцию между собой в том, что касается ролей. А может

быть, я тогда была молода, очень восторженна и все видела в розовом цвете?

Мне приятно вспомнить моих партнеров и коллег, прекрасных актеров, с которыми меня свела судьба в Бакинском театре оперетты. Это З.А. РСФСР и Аз. ССР А. Аллегров, его жена, добрейшая женщина С. Сосновская — родители нынешней звезды эстрады Ирины Аллегровой.

А. Аллегров

С. Сосновская

Т. Созыкина

Е. Гогоберидзе

И. Подгорная

Серафима Сосновская ко всему была еще и потрясающей кулинаркой. Она готовила такие торты, которых и в ресторане не попробуешь.

Они жили рядом с театром, и я бывала у них в гостях и угощалась этими кондитерскими шедеврами. Ира в то время была школьницей старших классов.

Мне очень хорошо помнится чудная характерная актриса Елизавета Гогоберидзе. С ней, невзирая на разницу в возрасте, мы были дружны. Мне не забыть умную, элегантную З. а. Азербайджана Ирину Подгорную, героиню по амплу, которая в театре пела все. Темпераментную, очень хорошую актрису Татьяну Созыкину также невозможно забыть. Татьяна была одинаково хороша как в классике, так и в современных спектаклях. Не забыть А. Яковлева, обаятельного В. Гониева, разнопланового В. Хованского, героя по амплу Ф. Колина, его жену концертмейстера С. Ганджеян, А. Приходько, С. Маринину, Ю. Гриднева, А. Сагодаева, М. Шевцова, В. Кожевникова, С. Агапова, Н. Зейналову, Б. Графкина, Т. Петрик, И. Шагулину, А. Осмолова, С. Шаулова, В. Васильева. Кстати, Васильев был большим другом Муслима Магомаева, даже, кажется, они вместе учились в консерватории.

Так вот, Муслим довольно часто заходил к своему другу в театр, и я могла за кулисами видеть его! Это было чудо! Ведь, несмотря на молодость, он уже был звездой и очень знаменит!

Мне никогда не забыть актрису театра Ирину Морозову и ее мужа солиста оркестра Алика Лавриченко. Мы дружили с этой семьей. Часто бывали у них дома. Необыкновенно милые, творческие люди. У Ирины всегда были испеченные ею самой пирожные «безе» и горы разнообразных фруктов. И немудрено! В Баку прекрасные восточные базары. Чего там только нет!

И. Морозова

Там я впервые познакомилась с таким фруктом, как хурма. Теперь-то этим никого не удивишь, а тогда...

Помню, я только приехала в Баку и после репетиции, попросила своего коллегу Юру Руденко показать, где находится рынок.

Зная, что на Кавказе я впервые, Юра решил угостить меня хурмой.... То к одному продавцу подойдет, то к другому и все выбирает какие-то подпорченные фрукты, когда рядом лежат такие же фрукты, но только желтые, красивые, гладкие... Я решила — наверное, мой партнер не очень щедрый человек и выбирает, что подешевле. Я ведь тогда не знала, что самый вкусный, спелый фрукт, который с черной верхушкой.

Мне стало неловко, что я о нем так подумала, когда попробовала эту настоящую хурму.

Дни культуры Азербайджана в Казани

Помимо классических спектаклей мне довелось участвовать в спектаклях советского репертуара. Меня назначили на роль Лалы в новой постановке «Кавказская племянница» композитора Р. Гаджиева. Пьеса довольно смешная, а музыка очень приятная, особенно что касается моей партии.

Спектакль получился хорошим. Публика принимала его замечательно! За роль Лалы меня хвалили в театре. В прессе так же отмечался мой успех.

Прошло совсем немного времени после премьеры и я узнаю, что меня от нашего театра посылают в Казань с группой других

мастеров искусств на Дни культуры Азербайджана. Группу возглавлял министр культуры, он же композитор Р. Гаджиев, именно тот Гаджиев, спектакль которого и был поставлен в нашем театре.

Когда я узнала, в какой компании мне предстоит отправиться в Казань, я даже немного растерялась. Это были — Муслим Магомаев от оперного театра, народная певица, которая пела мугамы (это такие национальные песни), и очень тогда популярный эстрадный ансамбль (квартет) «Гая».

В днях культуры должны были участвовать еще и другие коллективы и мастера искусств, но они добирались до Казани другой группой, отдельно от нас.

И вот мы отправились в путь на поезде. Нам предстояла пересадка в Москве. Всего было нас вместе с министром восемь человек. Мы занимали два купе.

Это было для меня просто замечательное путешествие. Ох, как лестно было находиться в такой компании! Мы все вместе ужинали, балагурили, как и все творческие коллективы, отправляющиеся на гастроли.

В Москву, я помню, мы прибыли к вечеру, а в Казань из Москвы должны были отправляться во второй половине следующего дня. Дело в том, что наш министр культуры намеревался попасть в Москве утром на совещание ни больше ни меньше — в Кремль.

Нас всех разместили в шикарном отеле в центре Москвы. Когда я вошла в свой номер, я ахнула и даже испугалась — номер был огромный. Он состоял из двух больших комнат и огромной ванны. В таких хоробах я чувствовала себя неуютно, особенно после нашей квартирки в театре, в туалетных комнатах.

Уставшая, побывав в роскошной ванне, я свернулась в клубочек на огромной кровати, чтобы как-то поуютнее устроиться. Уже стала дремать, как вдруг в номер постучали. Гостиница огромная, где наши — не знаю! Как-то стало страшновато. Я сделала вид, что не слышу. Постучали еще раз. Наконец я встала.

*В роли Лалы
из музыкальной комедии
«Кавказская племянница»*

В дверях был наш министр, а с ним рядом горничная с сервированным столиком, который был накрыт на две персоны. Это было мне уже знакомо... Насторожившись, я сказала, что очень устала и ужинать не хочу. Несмотря на то, что ему очень понравился мой халатик, он все понял, деликатно извинился и удалился ужинать к себе в номер. Уровень культуры я оценила, ведь все-таки министр. И не просто министр, а замечательный композитор.

На следующий день до поезда оставалось довольно много времени. И мы с ребятами из ансамбля «Гая» гуляли по Москве. Нас вовремя доставили на вокзал, с которого мы должны были отъезжать в город Казань. Все были в сборе, кроме нашего министра. Мы заволновались по поводу того, чтобы он не опоздал, ведь поезд не ждет и ему все равно, кто опаздывает, министр или нет! Но Гаджиев не опоздал! Хотя, правда, появился в вагоне в последний момент.

Оказывается, он решил в Кремле взять правительственный паек, который ему был положен, но оказалось, что за ним была очередь. Пошутив по этому поводу, он стал доставать этот правительственный паек. Когда мы увидели, какие это деликатесы, какого качества, причем, по его словам, за мизерные деньги, мы поняли, что он задержался там не зря! В одном из купе мы устроили настоящий банкет!

Спустя годы, вспоминая этот случай, я понимаю, насколько все же Гаджиев был творческим человеком, что, несмотря на свой столь высокий пост, был так демократичен с актерами.

В Казани помимо концертов у нас были разные экскурсии, нас очень хорошо кормили и вообще там все было интересно.

По приезде обратно в Баку нас уже ждали приятные для нас рецензии. Я же в скором времени получила правительственную награду на азербайджанском языке за свои творческие успехи. Так до сих пор не знаю ее точного содержания.

В глазах коллег мой авторитет еще больше вырос — ну надо же! Ее берут на такие мероприятия! Хотя все, наверное, как и я, догадывались, что попала я в эту компанию из-за того, что удачно спела спектакль, композитором которого являлся министр культуры. Но ведь удачно спеть и сыграть тоже надо было уметь!

Правительственная награда Азербайджана

Квартира и крыса

Спустя год мы получили квартиру, настоящую, в только что построенном доме, правда, в спальном районе, довольно далеко от центра.

Все нас от души поздравляли и откровенно завидовали. Это было каким-то чудом. От театра очень давно не давали квартир, а тут актриса проработала чуть больше года, и дали квартиру! Это действительно было событием.

Квартира нам понравилась, правда, там нужно было многое доделывать. Но зато своя, не театральная — двухкомнатная квартира и с интересной планировкой, правда, на первом этаже.

По этому поводу мы решили сделать небольшое новоселье. Позвали самых близких друзей. Я, естественно, готовила целый день, кашеварила. Вечером, когда наши друзья уже пришли, вдруг ни с того ни сего у меня поднялась температура и немаленькая, до 40°.

Вызвали скорую помощь.

Мне сделали укол и уложили в постель. Новоселье было расстроено. На следующий день утром я встала совершенно здоро-

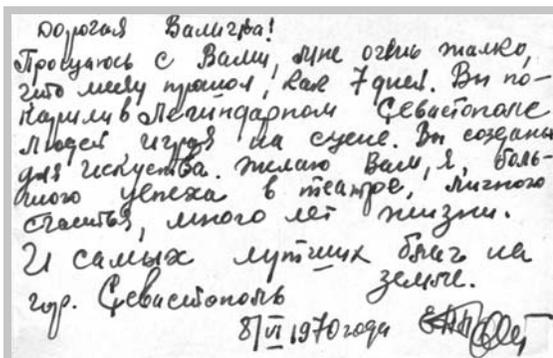
вой, без всяких признаков плохого вчерашнего самочувствия. Температура была в абсолютной норме.

Мои коллеги были немало удивлены, увидев меня на репетиции и, наверное, ни за что бы не поверили в произошедшее со мной накануне, если бы некоторые из них сами не были свидетелями этого. До сих пор для меня остается загадкой: что же все-таки это было?! Хотя, если хорошо подумать, то, наверное, можно предположить, что кто-то вольно или невольно позавидовав, сглазил меня или что-то еще в этом духе... Но, к счастью все обошлось.

После получения квартиры, мы уехали на гастроли в Севастополь. На этих гастролях произошла встреча, после которой мой творческий путь будет лежать в другой театр оперетты.

Там нам давали квартиру, так что, не успев отремонтировать и обжить эту нашу новую Бакинскую квартиру, мы оставляли ее без сожаления, тем более что однажды, я увидела, как по комнате пробежала крыса.... Вот так стоили! А первый этаж от земли недалеко.

Гастроли в Севастополе

Заметка от зрительницы в Севастополе

На гастроли в Севастополь мы поехали в самое подходящее время — конец мая месяца. Красота неопи-суемая! Все цветет, все благоухает! Тепло!

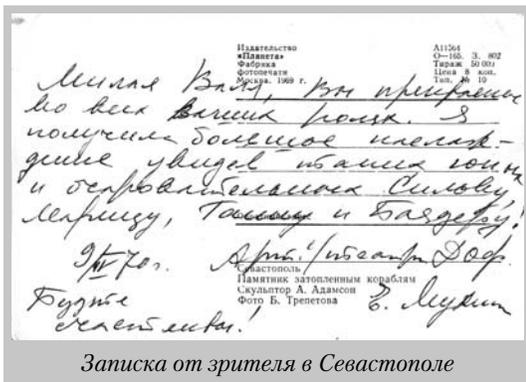
На гастроли мы повезли спектакли «Сильва», «Марица», «Баядера» и «Любовь корсиканки». Работали

в театре Морфлота, по-моему, так называлось это помещение.

Гастроли проходили с большим успехом. У меня появилось много новых театральных поклонников.

Как-то под конец наших гастролей, после очередного спектакля, меня поджидала невысокого роста, полноватая, светловолосая женщина.

Поздоровавшись, она представилась и сказала, что хочет со мной поговорить. Я была заинтригована. Имя этой женщины

Татьяна Карповна предложила мне прогуляться по набережной и начала со мной беседу.

— Что вы делаете в этом театре? Вам нужен большой, хороший театр, а не состоящий из двух трупп.

И Татьяна Карповна стала очень активно предлагать мне поехать работать в Свердловский областной театр!

Она без устали нахваливала свою труппу, директора, свой город, в котором работает со дня основания театра!

Я вообще-то не фаталистка, но словосочетание Свердловский театр каким-то глухим эхо отозвалось у меня внутри.

Дело в том, что у меня уже было приглашение на работу в те края, от которого я не так давно отказалась, но только не из областного театра, а из Свердловского городского театра под руководством главного режиссера театра Курочкина. А получилось это так...

Мой партнер Юра Руденко предложил мне послушаться в Свердловский театр, сказав, что уже послал туда запрос и получил «добро» на прослушивание. Надо сказать, что в то время этот театр очень котировался, так как был одним из лучших театров оперетты в Советском Союзе.

Такое предложение от Юры было для меня неожиданным но тем не менее я поддалась на его уговоры, и мы съездили и спели

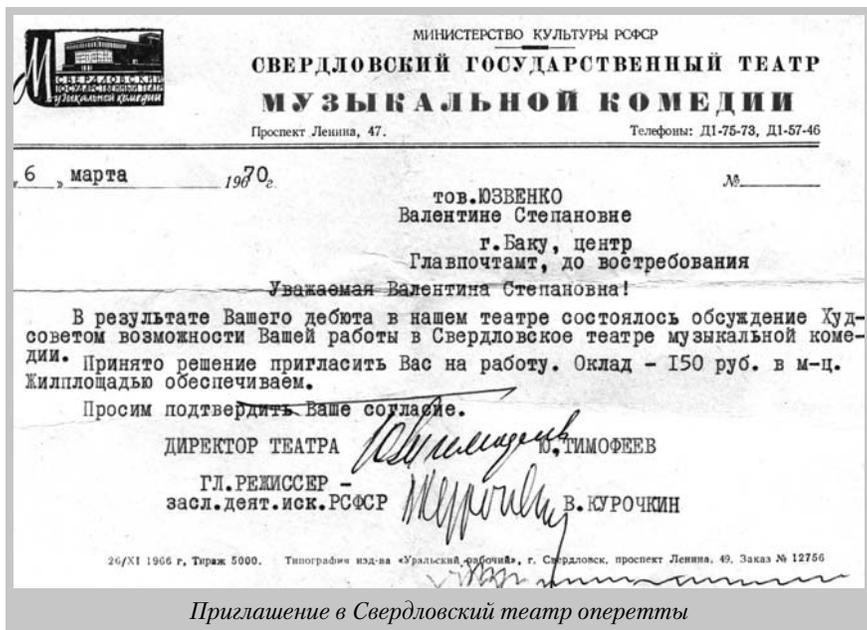
Сиваева Татьяна Карповна — заслуженная артистка РСФСР — солистка Свердловского областного театра оперетты. Она находилась в отпуске и отдыхала в Севастополе.

Побывав на моем спектакле и, по ее словам, оставшись под большим впечатлением,

Сиваева Татьяна Карповна

с Юрой спектакль «Сильва» в этом самом Свердловском театре. Но получилось так, что в результате нашего прослушивания, несмотря на то что Юра очень хотел попасть в этот театр, его не взяли! А вот мне как раз пришло приглашение на работу в этот самый Свердловский театр. Юра был очень и очень расстроен! Чтоб как-то его утешить, я решила из солидарности с ним не принимать это

предложение, и мы по-прежнему остались солистами Бакинского театра оперетты. А тут вдруг эта встреча с Татьяной Карповной и опять разговоры о Свердловске!

Город, по ее словам, закрытый, хорошо снабжается. Помимо зарплаты выплачивают еще проценты, типа «северных».

Все, что она говорила, было очень заманчиво. Татьяна Карповна меня заверила, что сделает все, чтобы директор прислал мне вызов на работу без всяких прослушиваний, а там мне решать!

Я, по правде, не очень поверила во все, что она мне говорила, особенно что касается вызова. «Ведь актриса это не директор театра! Так, находится под впечатлением спектакля, уедет и забудет», — думала я и не очень все это брала в голову!

БАКИНЦЫ В ГОРОДЕ СЛАВЫ

Сегодня в Севастополе начинается свои гастроли Бакинский государственный театр музыкальной комедии им. Шихали Курбанова. Коллектив театра с огромным волнением ждет встречи с севастоподцами. Свои гастроли мы рассматриваем как творческий отчет театра перед трудящимися Крыма.

Открываем гастроль показом мюзикла «Моя прекрасная леди». Наш спектакль вышел за два года до демонстрации картины, и поэтому наша трактовка самостоятельная, отличная от фильма.

9 мая в Севастополе мы покажем премьеру нашего гастрольного сезона. В этот день севастопольцы будут первыми зрителями новой музыкальной комедии композитора народного артиста Азербайджанской ССР Рауфа Гаджиева «Кавказская пленница». Это веселая кинореволюционная комедия наших современников.

Отличительной чертой нашего коллектива является молодость театра. Более 50 процентов труппы — молодые актеры. Зрители увидят

молодежь в самых ответственных ролях. Мы покажем мюзикл композитора ГДР Герда Начинского «Здравствуй, Петер». Это произведение Бакинский театр музыкальной комедии поставил впервые в СССР.

Широко представлен у нас классический репертуар. На гастролях идут три лучшие оперетты Имре Кальмана — «Марица», «Сильва», «Баядера», «Веселая вдова» Легара и малозвестная оперетта Жильберта «Любовь корсиканки». Для детей у нас поставлена оперетта-сказка «Король на четверку с минусом».

Возглавляет театр народный артист Азербайджанской ССР Шамси Бадалбейли, один из видных деятелей азербайджанского искусства. Музыкальной частью руководит дирижер, заслуженный деятель искусств лауреат республиканской премии имени Узеира Гаджибекова Сулейман Алескеров.

В труппе заслуженный артист РСФСР и Азербайджанской ССР Александр Аллегов. Заслуженная ар-

тистка Азербайджанской ССР Ирина Подгорная, артисты Татьяна Сазыкина, Ирина Морозова, Вилен Гониев, Елизавета Югоберидзе, Валентина Юзенко, Юрий Руденко, Наталья Зейналова и др.

М. КЛАРИСОВ,
режиссер.

НА СНИМКЕ: артистка Валентина Юзенко в роли Одетты в оперетте «Баядера». Фото И. Иванова.

Рецензия на гастроль в Севастополе с моим портретом

Но по приезде с гастролей на мое имя в театр действительно пришло письмо с приглашением меня на работу от директора областного театра оперетты (ныне Новоуральский театр оперетты).

Мне предложили очень хорошую зарплату (высшую, 250 рублей), квартиру, а главное много хороших ролей. Репертуар был большой, много классики! Ведь у них спектакли шли каждый день, как и должно быть, а не через день, как в Баку и Риге, где были две труппы, русская и национальная, а мне, если быть честной, уже хотелось в русский театр. Словом, все складывалось в пользу Свердловска!

До свидания, Бакинский театр, и спасибо!

Проработав почти два года в Бакинском театре оперетты, я, как мне кажется, многому научилась. Поняла что такое шарм на сцене, поняла, что значит настоящая музыкальность в пении,

а главное я поняла, что значит быть «примадонной» в театре. Быть по настоящему, а не думать что ты таковая.

В роли Одетты в спектакле «Баядера»

Я специально употребляю этот термин «примадонна» с тем, чтоб зритель ощутил всю негативность этого слова, в которое, как правило, в наши дни вкладывается все самое плохое, что может сопутствовать первой и ведущей актрисе театра. А именно таких качеств, как капризность, чванство, непостоянство характера, зазнайство, кичинье своим положением, влюбленность в себя, надменность, неуважение других, эгоизм и даже злость. Словом, все, что является характеристикой плохой стороны звездной болезни.

В моем понимании роль ведущей актрисы в современном театре, на которую возлагают надежды постановщики спектакля и которой даются большие авансы, заключается совершенно в обратном.

Человек, который занимает это положение, должен быть очень великодушным, добрым, отзывчивым, чрезвычайно внимательным к окружающим, а главное он должен «бежать только по своей дорожке», никому не преграждая путь. И потом авансы это еще не победа. А вот для того чтоб по своей дорожке прийти первым и победить, нужно работать, работать, и еще раз работать! Вот именно этому я и научилась в Бакинском театре оперетты. Этот бесценный опыт много работать, много успеть и по возможности сделать все от тебя зависящее на самом высоком уровне и сослужил мне в дальнейшем очень хорошую службу.

Еще раз хочется вспомнить добрым словом и выразить слова благодарности уже покойным главному режиссеру театра Марку Исааковичу Кларисову, а также главному дирижеру Сергею Гусеву, которые в то время работали в этом театре. Они не побоялись моей молодости, моей недостаточной опытности и, давая мне главные партии в спектаклях, поставив меня совершенно бескорыстно на положение ведущей актрисы театра, дали мне путевку в настоящую творческую жизнь.

Такое доверие обязывает, и поэтому думаю, что все мои роли в то время были окрашены особой увлеченностью, особым энту-

зиазмом и особой эмоциональностью, которые и не оставили равнодушным театрального зрителя к этим моим ролям.

За два театральных сезона в Бакинском театре оперетты мною были спеты и сыграны такие роли как Марица, Сильва в одноименных опереттах Имре Кальмана, Одетта в оперетте того же композитора, Ганна Главари из оперетты

«Веселая Вдова» композитора Ференца Легара, Лала из музыкальной комедии Ра-

«Веселая вдова» —
в роли Ганны

«Сильва» — в роли
Сильвы

«Поцелуй Чаниты»
в роли Чаниты

В роли Сильвы

уфа Гаджиева «Кавказская племянница», Чанита из музыкальной комедии Милютин «Чанита».

Но несмотря на то что было даже как-то жаль покидать театр, где все так удачно для меня складывалось, тем не менее что-то внутри мне подсказывало, что нужно двигаться дальше...

Итак, решение принято — я уезжаю в Россию в Свердловский областной (ныне Новоуральский) театр оперетты. До свидания, Бакинский театр, и большое тебе спасибо за все!

Глава 5.

В СВЕРДЛОВСКОМ ОБЛАСТНОМ

Новый театр, новая труппа

Театральная афиша у театра

По приезде в Свердловск мы жили в гостинице рядом с театром, буквально на этой же площади.

Моего мужа Василия устроили администратором, а меня сразу же взяли в работу.

Труппа во всю репетировала оперетту Штрауса «Летучая мышь». Мне поручили роль Адели, а Розалинду репетировала замечательная героиня, чуть раньше меня появившаяся в этом театре, Ираида Досаева. Она великолепно подходила к этой роли, а я пыталась всячески соответствовать и быть в ансамбле и с ней, и с теми замечательными актерами, с которыми меня свела судьба.

В. Юзвенко в филармоническом концерте от театра

Татьяна Карповна сказала правду. Театр оказался сильным, коллектив сплоченным и высокопрофессиональным. Во главе театра был директор и худрук Анатолий Александрович Яковлев. Человеком он был творческим, умным, деятельным, а главное — любил актеров. На протяжении всего времени моей работы в Свердловском театре я ощущала его поистине отцовскую любовь и заботу.

Его стремление как можно лучше, разнообразнее сделать работу театра, выливалось даже в организацию и проведение концертов филармонического

плана, за что город, мне кажется, был благодарен театру. Помню, с каким увлечением на таком концерте я пела романс Брусиловского «Две ласточки», чувствуя себя настоящей певицей, ведь там был сложный и очень высокий вокализ.

Жена директора, которая работала в театре помощником режиссера, Вера Яковлева с удовольствием слушала этот романс на репетициях и от души хвалила меня за исполнение.

— Ну, совсем как в оперном театре или в филармонии! — восклицала она.

А я была счастлива от такого комплимента.

Мне всегда хотелось походить на настоящую певицу, да, наверное, не только походить, но и быть ею! Но тем не менее я отлич-

Группа актеров и авторы спектакля «Любовь Дарьяняна» у гастрольной афиши театра. Я 2-я справа в верхнем ряду, а на афише 2-я слева в роли Баядеры

но понимала, что вокальной подготовки у меня недостаточно.

Вспомнились слова педагога по вокалу Василия Федоровича Козерацкого, перед выпуском из студии:

— Как же ты, девочка, будешь петь большие партии — ведь ты еще не совсем готова!

Он знал, что меня выпускают, как «венскую героиню», а это обозначает быть хорошей профессиональной певицей что, разумеется, без добротной вокальной подготовки не возможно.

— Ну, что ж, мой тебе совет — держись за слово и выноси его!»

Я ему очень благодарна за его справедливую оценку и за дельный совет.

Помня его наставления, я самостоятельно все время занималась своим голосом.

Перед своими спектаклями, где бы я ни находилась — на стационаре или на гастролях, я обязательно выходила на сцену,

и в пустом зале, под крики рабочих сцены, осветителей, которые готовили сцену к спектаклю, пела либо упражнения, либо куски своей вокальной партии, чтобы непременно слышать себя из зала! Таким образом я добивалась выноса голоса!

Сцена из спектакля «Цыганская любовь». Зорика — В. Юзвенко, Шандор — В. Кравчук

В театре на меня навалился довольно большой классический репертуар.

Особенно сложно и довольно трудно было петь партию Зорики в оперетте Легара «Цыганская любовь». Эту оперетту Легар писал вначале как оперу, и потому там сложные вокальные ходы, высокая тесситура и вообще партия трудная! Чего только стоит выходная ария Зорики «Буря, буря, ветер и гром...».

Со мной в очередь эту партию пела актриса театра Роза Ващенко. Голос у нее был высокий, ровный, красивый. Она очень достойно справлялась с этой партией.

Беда закрытого театра — алкоголики

В гостинице мы жили недолго, но впечатлений осталось в памяти довольно много. В этой же гостинице жили и другие актеры в ожидании квартиры. И довольно часто приходилось слышать в соседних номерах, далеко за полночь, активную жизнь и даже дебоширство.

Оказалось, в театре были актеры, которые любили крепко поддать — то есть выпить. Поскольку это были очень хорошие актеры, даже замечательные, директор театра мирился с этим и продолжал держать их в театре.

Случаи были самые неприглядные, и мы были к этому довольно плотно причастны.

Дело в том, что мой муж Василий работал в театре администратором, и в его обязанности входило в случае запоя нашего соседа по номеру в гостинице, очень популярного, прекрасного артиста (не буду называть его фамилию), доставить его в лечебницу, для того чтобы вывести его из состояния запоя.

Это сделать не всегда удавалось, так как актер «не давался». Зная, что на него «охота», он исчезал из гостиницы и продолжал

пить в других местах, а моему мужу приходилось искать его по всему городу и силой доставлять в клинику за решеткой. Задание было не из приятных, но иначе поступить было нельзя! Дело доходило до белой горячки, и мы, живя в гостинице, были этому свидетелями.

Помнится мне еще один прекрасный актер, необыкновенной органики, мягкости, простак по амплу, которого в прямом смысле этого слова сгубил «зеленый змий». В результате он умер от пьянки в еще достаточно молодом возрасте.

Были случаи, когда мы, отправляясь на выездной спектакль, сидели в автобусе и ждали этого актера, а его буквально выносили под руки в очень пьяном состоянии. Замены на эту роль не было, и администрация как-то умудрялась приводить его в чувства, отпаивая нашатырем, чтобы не сорвался спектакль. При всем моем уважении к этому актеру работать с ним в спектакле было трудно и неприятно, когда он был в таком состоянии.

И вообще мне было непонятно, как можно напиваться до такого состояния! А ведь это серьезная болезнь, которую только врачи, без желания самого пациента, окончательно вылечить вряд ли смогут!

Девушка здоровая, выдержит!

Еще один интересный случай произошел со мной в то время, когда мы еще жили в гостинице.

У меня разболелся зуб, и вот после утреннего спектакля я пошла в поликлинику, которая была недалеко от театра. Посмотрев мой зуб, решили, что надо его удалить. Слышу, один врач говорит другому:

— Ну вот, давай, девушка молодая, здоровая.

На меня надели маску с трубкой и стали заставлять дышать!

Как потом я поняла, на мне пробовали новый метод наркоза — газа какого-то! Помню, что я куда-то «уплыла». Когда сняли с меня маску и стали рвать зуб, я «приплыла», стала орать, поскольку газ не действовал и было очень больно. На меня опять быстро надели маску, решив, что газа-наркоза, мне мало. Я опять «уплыла» и опять, когда сняли маску, «приплыла».

Так было несколько раз, а вырвать зуб так и не удавалось. Со мной началась истерика. На шум прибежал заведующий отделением и стал выяснять, кто я такая и чем занимаюсь.

Выяснив, что я актриса и пришла сразу после спектакля, стал отчитывать своих коллег за то, что они не поинтересовались моей профессией.

Оказалось, что актерам, учителям и людям других профессий, где имеет место эмоциональная возбудимость и нервные нагрузки, этот метод не подходит.

В результате мне вырвали зуб с уколом, как и положено, при этом изрядно меня помучив и добавив в мою жизнь еще один стресс.

Но в молодости быстро все забывается и вот уже через пару дней, я пела свой очередной спектакль.

Мои новые друзья

Как-то после спектакля ко мне подошли две молодые девушки. Мы познакомились — это были Неля и Галя. Оказалось, они были дочерьми Антонины Егоровны — закройщицы, работающей в пошивочном цехе в Бакинском театре оперетты.

Я со своей подругой Нелей Ивановской спустя много лет

Этот цех находился в театре, двумя этажами выше нашей театральной квартиры.

Во время моей работы в Бакинском театре мы очень часто встречались с Антониной Егоровной на примерках и даже сдружились. Подружились мы и с ее дочерьми. Особенно с Нелей. Нашу дружбу с ней мы пронесли почти через всю ее жизнь. К сожалению, не так давно ее не стало.

Вскоре в Свердловске мы с мужем получили квартиру, и нашими гостями почти на все праздники были Галя со своим мужем Леней, который в недавнем времени был мэром Новоуральска, и Неля со своими друзьями.

Мы были молоды, счастливы и совсем не привередливы!

Помнится один забавный случай.

Как всегда, мы собрались на какой-то праздник и стали дружно накрывать на стол.

Мой муж Василий купил себе шикарный по тем временам французский костюм, светло-бежевый. И вот Вася, помогая нам накрывать на стол, столкнулся в суматохе с Нелей в дверях, а у нее в руках был салатник с лечо...

Все это лечо в томатном соусе оказалось на Васином костюме, а костюм, напомним светлый. Можете себе представить, какой вид был у костюма в тот момент...

Костюм сняли и быстро стали застирывать.

Но нам это не испортило настроение. Мы встретили праздник весело, подшучивая над всем случившимся и по-настоящему обмыв новый костюм.

Воры

С новой квартирой в Свердловске-44 с моей подругой Нелей был связан еще один случай.

После премьеры спектакля «Баядера» (в Свердловске тоже поставили этот спектакль) мы с мужем решили пригласить Нелю к нам, чтоб отметить это событие.

Время было позднее. Когда мы входили в подъезд нашего дома, Вася увидел мусорный пакет на полу, весь разорванный, а мусор разбросан. Решив, что это непорядок, он собрал мусор и, сказав, что нас догонит, пошел выбрасывать его на улицу.

Мы с Нелей поднялись на свой пятый этаж (лифта не было) и я стала открывать ключом дверь. Но она открылась настежь сама! Немного удивившись, мы зашли в квартиру, и нашему взору предстала следующая картина: двое молодых людей поспешно собирали какие-то вещи на комод, а один из них заинтересованно рассматривал небольшой стенд над комодом с медалями, значками и спортивными наградами, которые принадлежали мужу. Это их и задержало...

Мы с Нелей ахнули, понимая, что это воры. Они нас увидели, на мгновение тоже растерялись, потом один из них выхватил из кармана нож и, угрожая им, они «прорвались» мимо нас к выходу. Остолбеневшие и перепуганные мы и не думали им помешать. Но Неля успела крикнуть вниз, моему мужу, поднимавшемуся за нами по лестнице:

— Вася, воры!

Все это произошло за считанные секунды.

В это время эти парни стремглав спускались по лестнице. Больше всего мы боялись, чтобы, не дай Бог, они не пырнули Васю ножом.

Мы бросились за ними вниз. Спустившись на два пролета, мы увидели, что Вася держит их двоих за шиворот, как котят, а нож валяется на полу...

Для разбирательства он их потащил в квартиру. Неля тем временем вызвала милицию. Вася решил сделать ревизию и стал силой выворачивать у них карманы. Когда он раскрыл полы их курток и увидел, что они и у одного, и у другого обвешаны моими театральными украшениями, он так расвирепел — как это так! они посягнули на святое! — что мы с Нелей подумали: и милиция не нужна. Вася сам их накажет должным образом.

Это были молодые ребята, почти подростки. По всей видимости, воры решили, что украшения настоящие, а это была, конечно же, бижутерия и всяческая подделка. Один из ребят так перепугался Васиной агрессии, что бросился в окно. Была ранняя осень, и окно было приоткрыто. Испугавшись, что он разобьется, мы с Нелей еле поймали его за полы курточки. Сейчас это вспоминается почти с юмором, а тогда для меня это было очень большим стрессом, особенно впечатление от ножа.

После этого я запиралась на все замки и даже какое-то время боялась оставаться одна дома.

И каково же было мое удивление, когда через пару дней, позвонили в квартиру и я увидела в глазок перед нашей дверью этих двоих молодых людей. Я перепугалась не на шутку, решив, что они сбежали от милиции и пришли отомстить нам за то, что мы их «сдали». Но оказалось, что они оба несовершеннолетние, из очень неблагополучных семей, и милиция их отпустила в расчете на то, что они сами с нами урегулируют отношения, чтобы не заводить на них дело. И вот, как двое побитых понурых котят, эти ребята мямлили о том, чтобы их простили, что они больше не будут и т. д. Конечно же, мы их простили. А муж еще долго читал им нравоучения и «воспитывал» их!

Театральные будни

У меня в театре шли премьеры за премьерой. Перепев всю классику, я вынуждена была браться за советские оперетты, ко-

торые, кстати сказать, петь не любила, поскольку петь их было довольно неудобно — все было написано на средней tessiture, а иногда и на нижней, и очень трудно было добиться вокального «выноса», а в некоторых случаях предполагалось петь и в микрофон.

Но тем не менее критика хвалила меня за советские спектакли. Одним из таких спектаклей был спектакль «Девчонке было 20 лет» композитора Андея Эшпая в постановке режиссера театра Кирилла Васильева. В этом спектакле я играла роль молодой актрисы Веры Черновой. Моим партнером по спектаклю был Слава Сердюк. Актер с красивым голосом и хорошей героической внешностью. Работать с ним было прият-

«Девчонке было 20 лет».
В роли Веры Черновой

4 КЕРЧЕНСКИЙ РАБОЧИЙ

С БОЛЬШИМ успехом проходят в нашем городе гастроли уральских гостей — артистов Свердловского театра оперетты. Они уже показали на сцене театра весь репертуар. И спектакли прошли на высоком уровне, доставив зрителям минуты эстетического наслаждения.

Радует, что театр, помимо классических поназал и произведения наших современников. «Поцелуй Чанита» Ю. Милотина — оперетта, которую по праву можно причислить к советской классике. В исполнении свердловчан она насыщена знаменитым солнцем, яркими красками, большими человеческими эмоциями. Режиссер А. Закс, художник Я. Писецкая и дирижер В. Попов создали спектакль веселый и по-чужому смешной. Оперетта нашла достойных исполнителей Е. Магкая и умная Чанита — В. Юзвенко, отличную сыгранную И. Досаевую, Анжелику, уморительно смешную Кавальнядос — засл. артист РСФСР Ю. Чернов — все это создает отличный ансамбль и оправдывает искания постановщиков.

Легко, просто и интересно поставлена режиссером К. Васильевым оперетта А. Эшпая «Девчонке было 20 лет».

Свердловчане впервые в нашем городе показали «Дюймовочка» композитора М. Вайнберга. Оперетта переносит нас во Францию времен империатора. Но музыка, оригинальное оформление художника

и Сосунова настраивают нас сразу же на современный лад. Девиз мужкетеров — один за всех — все за одного — близок нам и сегодня. Режиссер М. Кларисов, дирижер В. Попов создали глубоко волнующий спектакль, в котором музы-

ка заслуженного деятеля искусств А. Павермана.

Бережное отношение к музыкальному тексту, глубокое проникновение в сущность произведения — таким представляется нам замысел постановщиков. Артист Ф. Калашников созда-

ет в спектакле очень удачные комические персонажи в исполнении мастеров жанра заслуженных артистов РСФСР Чернова (Эстергази), Сивасовой (Божена) и Елугина (Паничек).

Говоря о театре оперетты, невозможно себе представить его репертуар без «Сильвы» и «Чанита». Здесь мы вновь встретились с И. Досаевой — артисткой, сумевшей тонко передать душевную драму певицы из кабака. Мы увидели характер в развитии. Отлично справляется артистка с вокальной партией своей героини. Превосходно играет Бони заслуженный артист РСФСР А. Логинов, наделенный редким, сценическим обаянием.

И СИЛЬВА, И ЧАНИТА...

ка, либретто и замысел постановщиков сливаются в единое целое — праздничное яркое зрелище. Превосходно сыграны роли Д. Артаньяна — В. Гостищевым, Константином — В. Юзвенко, король — Ю. Черновым, Бабетты — Л. Кольтовой. Яркие и отчетливые образы трех бравых мужкетеров в исполнении Г. Автайкина, Н. Ларионова, В. Сердюка.

Театр, поставив этот спектакль, вышел за грани традиционной оперетты, раскрыл свои неограниченные возможности в постановке произведений современных композиторов.

В ОСПИТЫВАЛ коллегтив на современном материале, театр интересно, не пренебрегая хорошими традициями, ставит классику. Примечательна в этом отношении оперетта Ф. Легара «Веселая вдова» в постанов-

КАСПИЯ

ет глубоко человеческий образ графа Даниила Достойного, без опереттонных штампов играет Ганну Главарю одаренная В. Юзвенко. Этой паре вторит весь ансамбль артистов. Очень радует светлое и лаконичное оформление спектакля Я. Писецкой. Отрадное впечатление произвела на нас «Мария» (режиссер И. Анисиев). И Досаева — актриса высокой сценической культуры, отличная вокалистка, с большим тактом проводит сцены с Тассило, которого хорошо играет Ю. Руденко. Актер, обладающий красивым баритоном, прекрасной внешностью, подлинной сценической культурой.

Постановщики спектакля заслуженный артист М. Моисин и художник Г. Давыдов создали спектакль, который смотрится с интересом. Правда, хотелось бы, чтобы в оформлении спектакля было поменьше черных тонов, порой театр несколько засорен старыми каламбурами и не совсем удачными остроумиями. На спектакле чувствовался потапливающий — он нуждается в пересмотре. Нельзя не сказать об отличном балете театра, хорошем оркестре, которые во многом и всегда сопутствуют успеху свердловчан. И, конечно, мы скоро расстанемся с любимицами нам артистами. Конечно всегда будут рады новым встречам с талантливыми коллективами.

С. РОССИНСКАЯ.

но, мы на сцене понимали друг друга и эмоционально друг другу соответствовали.

У НАС НА ГАСТРОЛЯХ

Успехов вам, друзья!

Гастрольное лето юбилейного года в нашем городе оказалось творчески насыщенным. На сцене городского драматического театра демонстрировали свое искусство мастера украинского, латвийского музыкальных театров, и наконец, гости с Урала, артисты Свердловского областного театра оперетты.

В исполнении этого любимейшего великолучанам талантливой коллектива мы увидели советскую оперетту «Поцелуй Чаниты» Ю. Милютина и неувядаемую венскую классику: оперетты «Цыганская любовь» и «Веселая вдова» Ф. Легара, «Сильва» и «Баядера» И. Кальмана. Основное достоинство театра оперетты — в высокой театральной культуре. Просмотренные великолучанами спектакли убеждают в наличии собственного творческого почерка при решении сложных сценических задач, позволяют отметить идейную целенаправленность театра посредством глубокого раскрытия человеческих характеров и взаимоотношений действующих лиц.

В коллективе целый ряд одаренных артистов. Гословные данные, внешность, актерская одаренность, обаяние, легкость и непосредственность позволяют большинству артистов решать музыкальные и драматические характери-

сти своих образов с наибольшей полнотой и доходчивостью.

Надолго запомнятся нам обаятельная В. Юзвенко (Чанита, Ганна Главари), И. Досьева (Анжела, Илона), Р. Ващенко (Зорина), великолепные знатоки тоностей опереточного жанра заслуженные артисты республики Ю. Чернов, Т. Сиваева, М. Мосин. Зрители успели запомнить также артистов В. Гостищева, А. Кравчука, В. Фадиева, А. Марасанова, Л. Копылову, И. Чернову и многих других. Выступающий в амплуа опереточного простака артист А. Логинов по праву носит высокое звание заслуженного артиста республики.

Высокое мастерство артистов балета А. Рудной, В. Бош, В. Цыбиной, Т. Азырьянц, В. Тзапашвили и всех танцоров (во главе с балетмейстером заслуженным артистом РСФСР А. Хорст) служит подлинным украшением и вносит весьма значительный вклад в успех спектаклей театра.

За десять дней гастролей уралцы уверенно установили дружественные взаимоотношения с нашим взыскательным зрителем.

В понедельник мы расстаемся. Впереди у театра гастролы в Крыму. Больших вам творческих успехов, дорогие гости с Урала!

Ф. МОРОЗОВ.

В сцене, когда он спасал Веру из воды и выносил ее в кулакнике на руках, я чувствовала себя в его мужских руках достаточно защищенной.

Он работал в театре вместе с женой, прекрасной балериной, Тамарой Азорянц. На сегодняшний день Тамара является балетмейстером в этом театре. Мне нравилась эта творческая и супружеская пара. Я никогда не забуду впечатлений, которые производила Тамара на сцене, танцую восточный танец в спектакле Кальмана «Баядера». Этот номер всегда проходил на «ура». И критика его тоже всегда отмечала. Кстати, о критике.

Мне очень импонировала традиция проведения открытых художественных советов в театре. Это были действительно открытые заседания, как правило, после премьерных спектаклей в зрительном зале.

На этих заседаниях кроме профессиональных критиков, приглашенных даже из Моск-

вы, присутствовали представители рабочих и интеллигенции города, входившие в состав худсовета.

На таких заседаниях, вернее собраниях, можно было получить объективную оценку исполнения своей роли, да и вообще своего творчества, своего вокального и актерского мастерства. Нередко были получены и критические замечания. Мне кажется, что все

Керчане имеют уже представление о вашем театре. Тем интереснее большие знания о тех, кого они видели на сцене. Расскажите об этом творческом коллективе.

— Свердловский театр оперетты имеет многолетнюю историю и успел доложить за это время довольно широкую известность. В нем поставлены десятки произведений советских и зарубежных авторов, которые показаны не только на Урале, но и во многих других городах страны. К числу этих произведений относятся и «Ющелуй Чаниты» композитора Ю. Милотина, которое по праву относится к советской классике, и «Девочка было 20 лет» А. Эшпа, и такие шедевры, как «Сильва», «Баядера», «Марница» И. Кальмана, и многие другие.

Следует, однако, заметить, что любая оперетта, сколько бы лет не жила на сцене, должна быть близка духом времени. Только в этом случае она близка и понятна людям, только тогда она должным образом воздействует на их чувства. Как справляется с этим наш коллектив — судить, прежде всего, зрителю.

Это, конечно, так. Но что можете все-таки сказать Вы, режиссер?

— Скажу одно: мне приятно определенное удовлетворение творческие поиски наших актеров. Обо всех, к сожалению, не скажешь. Назову только некоторых из нашей многочисленной труппы, находящейся сейчас в Керчи. Это такие мастера, как заслуженные артисты РСФСР Юрий Чернов, Алексей Логилев, Татьяна Сиваева и целый ряд других.

Мы видели в составе труппы значительное число молодых актеров, очевидно, совсем недавно начавших свой путь в искусстве. Что можно сказать о них?

Наши интервью

ВЕЧЕРНИЕ МЕЛОДИИ

Уже неделю гастролирует в нашем городе Свердловский театр оперетты. И каждый из минувших дней принес массу удовольствия тем, кто побывал на показанных за это время спектаклях. Керчане горячо applauded артистам, сумевшим донести до них свое искомное, веселое искусство.

Наш корреспондент встретился с главным режиссером театра М. И. Кларисовым и попросил его рассказать о театре. Вот запись этой беседы:

— Совершенно верно, коллектив у нас молодежный. И надо отметить, это талантливая молодежь. Зрители, по всей вероятности, уже обратили внимание на Валентину Юзенко и Иранду Досаеву, исполняющих ведущие роли в «Веселой вдове», «Марнице» и других спектаклях. Весьма одаренные актрисы. Радуют своими успехами и Геннадий Аваткин, Федор Калашников, Ирина Чернова, Людмила Копылова, Вячеслав Сердюк, Вячеслав Гостищев, Розалия Ващенко. Да и не только они. Это достойная смена ветеранам сцены.

Говоря о молодежи, нужно сказать, что в театре хорошая балетная труппа, возглавляемая заслуженным артистом РСФСР А. Хорстом.

— **Что нового появилось в театре за последнее время?**

— Нового много. Как и любой жанр оперетты в постоянном поиске. Она обретает новые формы, в определенной степени видоизменяется. Приведу всего

спены из спектаклей, ария, дуэты из оперетт композиторов братских республик страны Советов.

И последний вопрос. Каково Ваше мнение о керченском зрителе. Достигнут ли тот контакт между ним и артистами, который определяет успех каждого спектакля?

— Откровенно говоря, мы очень волновались, когда готовились к поездке сюда. Да оно и понятно: ведь наш театр впервые направился в Крым. К тому же нам было известно, что керченский зритель весьма взыскателен и предъявляет немалые требования.

Теперь эти волнения позади. И мы рады, что наши прогнозы оправдались: зрители здесь действительно взыскательны. И настолько же доброжелательны. Это чувствуется всякий вечер, когда впервые раздвигается занавес. И еще больше чувствуется тогда, когда раздаются аплодисменты после последнего акта.

В таком городе приятно работать. И мы решили изменить свой персональный план: по просьбе керчан гастроли продлены до 16 октября. В этот день дадим заключительный концерт, в котором примут участие все ведущие актеры, балет и оркестр.

Помимо основных спектаклей, намечены творческие встречи наших ведущих мастеров с коллективами предприятий города.

В заключение хочется пожелать жителям индустриальной Керчи новых успехов в подготовке к знаменательному юбилею — 50-летию образования в г. Керчи СССР. И, конечно, новых встреч на наших спектаклях.

СНОВА ПРИДЕТ ВЕЧЕР. СНОВА ВСПЫХНЕТ ОГНЯМИ ТЕАТР. ОПЯТЬ ЗАЗВУЧАТ ВЕСЕЛЫЕ МЕЛОДИИ И ПЕСНИ. В ВИХРЕ ТАНА ЗАКРУЖИТСЯ СЦЕНА. НАМ И НА ЭТОТ РАЗ ПОДАРИТ РАДОСТЬ, РОЖДЕННУЮ ИСКУССТВОМ. И ВОЛШИСИМ, ВДОХНОВЕННЫМ ТРУДОМ.

Беседу вел Г. ГРИГОРЬЕВ.

были в результате благодарны за эти моменты критики, хотя, конечно же, переживали, но зато это давало возможность как-то расти творчески, а не «вариться в собственном соку». Очень часто такие заседания проводились и на гастролях. Гастролей было много, все их ждали! Это был выезд на «большую землю», ведь Свердловск-44 был закрытым городом! Гастроли были и в Кирове, и в Керчи, и в Севастополе, и в Великих Луках, и в Ярославле, и в Калинин (ныне Тверь), и во многих других городах.

Помнится мне, что на одном из таких выездов у наших друзей, прекрасной театральной пары Автайкиных, оценилась собака, очень красивая французская болонка белого окраса. Хозяева рассказывали, что предки этой собаки были из цирковых собак. Поскольку дело было на гастролях, ребята не знали, что же им делать со щенятами, и всех просили, чтобы этих щенят разбирали. Недолго думая, мы тоже взяли себе щеночка, выкормили молоком и вырастили себе на радость веселого, хорошего кобелька. Назвали его «Булька»

*Муж Василий с нашим песиком
Булькой*

Булька и Атосик

На Булечке, нашей собачке, сказалась цирковая родословная. Он умел по просьбе зевать. Делал это очень забавно и по-настоящему. Любил «музицировать»! Как только я садилась за инструмент распеваться, пел со мной, а также умел стоять в углу, когда провинится.

Стоял в углу на вытянутых задних лапах, но когда видел, что на него не обращают внимания, и, подустав, он постепенно, как бы незаметно садился на задние лапы в надежде, что никто этого не заметит. Но стоило только подойти и сказать: «Булечка, это что такое?» — как он тут же вытягивался в струнку, как бы говоря: «А в чем, собственно, дело? Вот видите, я же стою!»

Это было очень забавно, и его тут же прощали.

А что касается пения, он не пропускал ни одной моей распевки. И что самое интересное — стоило мне подниматься голосом по тесситуре все выше и выше, и он тоже завывал все выше и выше.

Булечка жил у нас достаточно долго. А до этого, тоже на гастролях, к нам прибился котенок.... В это время мы репетировали спектакль М. Вайнберга «Любовь Д'Артаньяна», где я играла роль Констанции. И вот, как-то после вечерней репетиции мы шли к себе в гостиницу и заметили, что за нами всю дорогу бежит что-то с очень пышным хвостом, как у белки. Вначале мы и решили, что это белка, но потом, приглядевшись, увидели, что это маленький котенок. Мы стали

Милая Валяш!

Сегодня — в последний вечер,
вечер прощания перлам с артистами
или Свердловского театра оперетты.
Ты, я не могу не написать
Вам. Может эта записка бестакт-
на, но что делать? Чувства
трудно изменить!

В Ваши театры отличной
кампетив. Наверно, каждый актер
влюблен в оперетту, в искусство
и эта любовь объединила всех
вас в прекрасный сплоченный коллектив.

Нас в Свердловском театре, так и
у вас, у свердловчан есть люди,
на кого игру смотреть не так
приятно, но и необходимо.
Первый раз я увидела Вас
в Вашем Константинополе.

Тех пор хочу почти на кафо-
дую оперетту не только, чтоб
улыбаться милому Константину или
Андрею, но чтоб увидеть Ваше
лицо, услышать Ваш голос и
еще раз порадоваться и восхититься
игрой, насильственной выразитель-
ностью, вдохновенным и ослепи-
тельным красотой.

Пока мне приходится видеть,
Вам, Вас только на сцене,
да и то — уже последний раз.

Как узнать, может я буду иметь
возможность узнать Вас лучше.

Но сейчас... сейчас мне остается
поздравить Вас на будущее
идти грантовыми шагами
Вам в творческой труде.
Чтоб Вас степями цветами
благодарности.

Будьте счастливы!

16. X. 72.

Ирина-И.И.

Затиска от поклонницы

отгонять его от нас, ведь не брать же его в гостиницу, и потом, может быть, он чей-то! Но нам так и не удалось это сделать. Он бежал за нами всю дорогу до самой гостиницы. Нам стало его жалко, и ничего не оставалось, как взять его с собой. Но репетиции были в разгаре, а еще и спектакли — ведь гастроль! Нас в номере почти не было, да и потом, мы переезжали из города в город. Словом, Атосику (так мы назвали котенка в честь Атоса — одного из мушкетеров) было, видимо, в гостиницах не по себе. Он даже как-то однажды выпрыгнул с балкона. И вот в одной из гостиниц, дежурная посоветовала нам отдать ей нашего котенка, так как кошки (она это знает) привыкают не столько к хозяевам, сколько к дому. Получив заверения от дежурной, что нашему котенку Атосику будет у нее хорошо, мы его отдали!

Сиваева Татьяна Карповна

Хочется добрым словом вспомнить прекрасную женщину, чудесную характерную актрису, ту самую Татьяну Карповну Сиваеву, которая меня переманила в Свердловский театр оперетты. Мы

Сиваева Т. К.

с ней были очень дружны. Я считала ее своей творческой крестной. Прислушивалась к ее советам в том, что касается моих ролей. Да и не прислушиваться к ее мнению было бы просто невежественно. Помимо огромного опыта в амплуа, сначала субретки, а потом и характерной, даже острохарактерной актрисы, у нее еще был опыт танцовщицы.

Татьяна Карповна закончила в свое время Вагановское балетное училище в Ленинграде и какое-то время танцевала.

Читателю нетрудно себе представить, какое подспорье такое образование может оказать опереточной актрисе, особенно субретке.

В то время, когда мы с ней познакомились, она была уже в возрасте и блистала в возрастных ролях. Я всегда поражалась ее органике, непосредственности, не говоря уже об актерском мастерстве.

Будучи ведущей характерной актрисой театра, имея звание, всегда она была собранной, скромной, дисциплинированной. Ко мне же Татьяна Карповна относилась с большой нежностью и любовью. Может быть, это было так оттого, что она была причастна к моему появлению в театре, а может, еще и потому, что она была одинокой: детей у нее не было и ей хотелось о ком-то заботиться.

Когда мы были на гастролях, да еще если я была на них одна, без мужа, она проявляла ко мне поистине материнскую заботу. Часто при такой кочующей жизни актерской (было много гастролей) она прямо в гостинице умудрялась на плитке маленькой готовить вкусные

Сцена из музыкальной комедии Сандлера «На рассвете». Т. Сиваева (слева), Мосин, Г. Рослова

домашние обеды, всякие супчики. Конечно же, на такие обеды приглашала и меня.

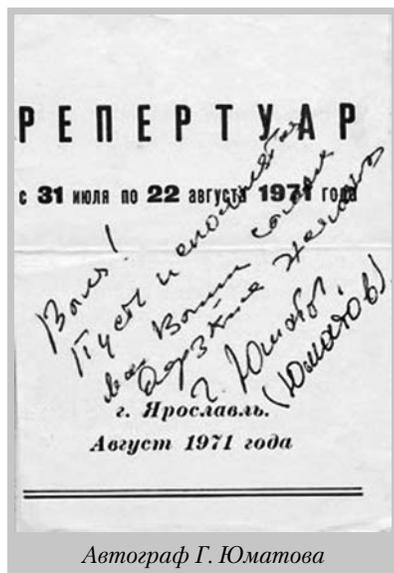

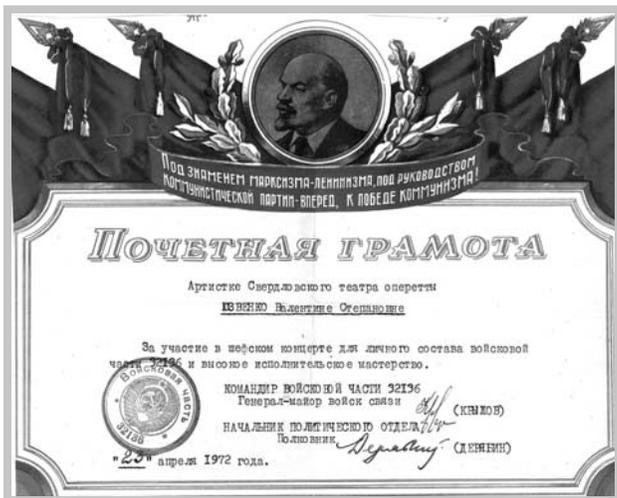
Я была горда тем, что познакомилась с такими знаменитыми и видными творческими людьми, и тем, что им понравилась моя игра и мое вокальное исполнение партии Марицы.

Мужчины предложили продолжить наше знакомство и творческую беседу за ужином в ресторане нашей гостиницы.

Недолго думая, я согласилась и поднялась к себе в номер, чтобы оставить свои вещи, переодеться и привести себя в порядок. А Татьяна Карповна уже ждала меня к

Однажды, когда я была на гастролях с театром без мужа, там же на творческой встрече со зрителем были создатели и участники нашумевшего в то время замечательного фильма «Офицеры». И вот как-то после спектакля в фойе гостиницы, где жили и мосфильмовцы, и актеры нашего театра, меня поджидали двое мужчин. Поздоровавшись и поздравив меня с понравившимся им спектаклем «Марица», в котором я пела главную партию, мужчины представились. Это были Георгий Юматов, исполнитель главной роли в фильме «Офицеры», и Владимир Роговой — режиссер этого фильма.

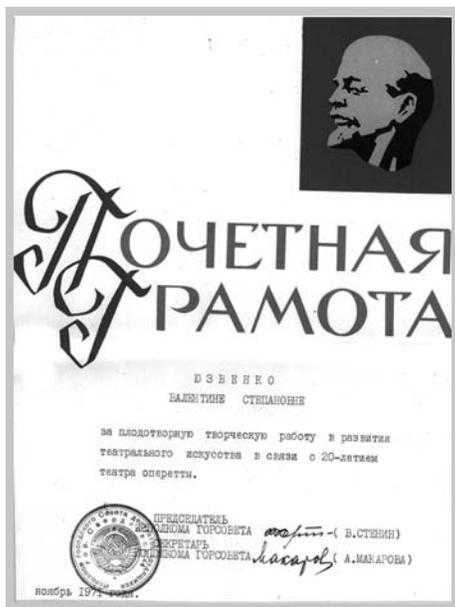

ужину (наши номера в гостинице были рядом).

Узнав, что я ужинаю в такой именитой компании, она не столько обрадовалась за меня, сколько расстроилась и даже, как мне показалось, обиделась! Но я ведь взрослая! Самостоятельная!

Ужин наш удался на славу. Мы прекрасно пообщались, обменялись автографами. Когда же после ужина я вышла из ресторана, то была немало удивлена, увидев Татьяну Карповну сидящей в фойе гостиницы рядом с рестораном. Она явно меня поджидала!.. И как настоящая, строгая мать, чувствующая ответственность, успокоилась только тогда, когда проводила меня до моего номера и пожелала спокойной ночи! Милая Татьяна Карповна! Сейчас, когда уже довольно давно нет ее в живых, я вспоминаю о ней с большой нежностью и любовью!

Наша с ней дружба продолжалась еще долгие годы. После моей работы в Свердловском театре она бывала у меня в гостях и в Москве, и в Ленинграде. А мы, в свою очередь, тоже по возможности, всей семьей навещали ее в Обнинске, куда она выехала на постоянное место житель-

ства после выхода на пенсию. Хочется добрым словом вспомнить не только Татьяну Карповну, но и всех актеров, с которыми меня свела судьба в этом любимом мной театре. Это и Ю. Чернов, Заслуженный артист России, ныне уже народный, и М. Мосин, и З. а. В. Гостищев, А. Кравчук, О. Фадиев, А. Марасанов, Л. Копылова, И. Чернова, З. а. А. Логинов, В. Цыбина из балета, А. Хорст — главный балетмейстер, Г. Автайкин, И. Досаева, В. Сердюк, Ф. Калашников, Едугин, Г. Рослова, Р. Ващенко, художница Я. Пясецкая, режиссер И. Аншелес и др.

Мой юбилей (25 лет)

К концу наших гастролей в Ярославле я встретила свой первый юбилей. Мне исполнилось 25 лет! Мы с мужем, который к тому времени подъехал на гастроли, решили отметить мой день рождения всем нашим актерским коллективом. Поскольку материально все наши актеры и мы в том числе жили довольно скромно, мой муж Василий, для того чтобы всех нормально угостить, готовился к этому событию заранее и с особой тщательностью.

Мне 25 лет

Когда мы незадолго до гастролей были в гостях у моей сестры Ларисы в Трускавце, на Украине, родственники ее мужа угощали нас прекрасной самогонкой, которая ничем не пахла благодаря тщательной очистке. Дело в том, что хозяин этой самогонки был химиком по образованию и делал это лихо.

Моего мужа это заинтересовало, особенно когда он попробовал самогон, в точности по вкусу и цвету напоминающий водку «Старку». Не обнаружив на следующее утро никакого дискомфорта от этого напитка, он взял рецепт его приготовления себе на вооружение.

И вот, вдоволь наготовив «старки», настоящей на чае, раздобыв где-то пустых бутылок от этой водки, он приготовил «горючее» на всю компанию работников театра. После спектакля прямо в фойе театра были накрыты столы, и весь коллектив шумно и весело отпраздновал мое 25-летие. «Гудели» долго, но на следующий день все были в порядке и работали своей очередной гастрольный спектакль.

Все нахваливали мужа за то, что он достал такую чудесную водку «Старку». Конечно, он же администратор! Самое интересное, что когда Вася уже после всего рассказывал всем, что это был за напиток, ему мало кто верил.

Мои роли в Свердловском областном театре

В Свердловском областном театре я проработала два года. За это время спела ряд оперетт, названия которых уже значились в моем театральном послужном списке, а также оперетты и музыкальные комедии, которые до этого никогда не исполняла.

Из партий, которые были уже исполнены мною в других театрах, были такие, как Чанита в музыкальной комедии Юрия Милютина «Поцелуй Чаниты», Марица в оперетте «Марица» И. Кальмана, Ганны в оперетте Ф. Легара «Веселая Вдова», а затем и Одетта в оперетте все того же Кальмана «Баядера».

Но хотя названия и были мне знакомы, все же это были совсем другие спектакли.

Они были с другим режиссерским решением, с несколько другими актерскими задачами и требовали зачастую к себе и другого, более осмысленного музыкального отношения. И это естественно, ведь над музыкальным материалом в другом театре работают и другие дирижеры. С одной стороны, это было интересно, с другой стороны, нужно было отказаться от того, что было уже спето и было привычным.

*«Принцесса цирка»,
в роли Теодоры Вердые*

В роли Чаниты

Сцена из сп. «Дамы и гусары»

убедить музыкальных руководителей спектаклей в правильности и моей уже ставшей для меня органичной трактовки. Надо сказать, мне это удавалось. Думаю, что такой подход только обогащал мое представление о музыкальной палитре спектакля, делая еще более эмоциональной, утонченной и интересной для художественного восприятия в моем исполнении.

Чем чаще затем в других театрах встречались уже знакомые мне названия произведений, тем в конечном счете они для меня интересней выглядели. А для

*Сцена из сп. «Марица»
Марица — В. Юзвенко,
Тассило — А. Кравчук*

себя я воспринимала это как необходимый мне творческий рост.

В Свердловском театре мне пришлось спеть и совсем новые для меня партии. Это такие партии, как

Констанция в музыкальной комедии «Любовь Д'Артаньяна», Зорика в оперетте И. Штрауса «Цыганская любовь», Глория в музыкальной комедии Ю. Милютин «Цирк зажигает огни», Вера в музыкальной комедии «Девчонке было

Довольно быстро я в этой ситуации нашла для себя компромисс, который использовала всю свою вокально-театральную жизнь. Я с большим удовольствием принимала все, что мне предлагали новые дирижеры, но при воспроизведении музыкального материала в пении старалась, исподволь включая все свое актерское отношение, всю свою эмоциональность,

*Сцена из сп. «Чанита».
Чанита — В. Юзвенко,
Чезаре — С. Захаров*

20 лет», Теодора в оперетте И. Кальмана «Мистер Икс», или «Принцесса цирка». Правда, если помнит читатель, мне удалось исполнить партию Теодоры в оперетте «Принцесса цирка» и в моем дипломном спектакле, но, к сожалению, это было всего один раз. Также в моем списке ролей появилась роль Анели в музыкальном спектакле «Дамы и гусары». В постановке этого спектакля мне уже приходилось участвовать в Рижском театре оперетты, но там я исполняла роль молоденькой

Сцена из спектакля «Марицца»

девушки Софьи. По правде, говоря, роль мне

эта не очень нравилась, потому что она была из серии так называемых «голубых ролей»

то есть лишенных некой ха-

«Цирк зажигает огни», в роли Глории

«Чанита», в роли Чаниты

«Дамы и гусары» в роли Анели

«Цыганская любовь» в роли Зорики

актерности

а следовательно-

но, и не очень интересной для

исполнения. Вокальная пар-

тия там, прямо скажем, для певицы никакая.

Поэтому когда я увидела при распределении ролей в этом спектакле себя, назначенную на

эту роль, я упростила режиссера дать мне острохарактерную роль Анели, с тем чтоб попробовать себя еще и в этом амплуа. Мне пошли навстречу, и я с большим удовольствием играла эту роль.

Глава 6.

ПРИГЛАШЕНИЕ В ВОЛГОГРАДСКИЙ ТЕАТР

Что делать?

После гастролей, где праздновался мой юбилей, мы с мужем отправились отдыхать к морю. Мне дали бесплатную путевку в санаторий в Евпатории, а Васе пришлось жить в частном секторе.

Но хорошего отдыха у нас не получилось. Я себя стала там очень плохо чувствовать — то ли жара, то ли грязь, которыми славился этот курорт. Словом, начались у меня сильные головные боли, к тому же мой муж Василий, питаюсь в столовой, отравился! И мы, не дожидаясь конца заезда, уехали восвояси.

А там меня ждал сюрприз. На мое имя неожиданно для меня пришло приглашение на работу в Волгоградский театр оперетты. Условия предлагались завидные. Самый высокий оклад (250 рублей), квартира в центре, «лучшие» роли и всякое такое. Было над чем подумать!

Конечно, жаль бросать театр, где все так удачно складывалось, но я прекрасно понимала, что закрытый город, отсутствие других театров, филармонии, «варение в собственном соку» отрицательно скажутся на моем дальнейшем творческом развитии. Я ведь была еще молода, и мне хотелось расти и расти. Словом, предложение было принято и мы переехали в город Волгоград. Здание театра, где мне предстояло работать, я нашла

Здание театра музыкальной комедии

*Скульптура
«Родина-Мать»*

очень красивым, а главное оно находится на видном месте и выглядит впечатляюще.

Сам же город Волгоград помню смутно, но мемориальный комплекс, посвященный героям, павшим в Великой Отечественной войне, на Мамаевом кургане, забыть невозможно. Особенно меня впечатлила огромная скульптура «Родина-Мать». Кстати, изображение этой скульптуры в то время, когда я работала там, было частью эмблемы театра, и эмблема эта, как правило, обозначалась и на афишах. Читатель может ее увидеть и на репертуарной афише с моим портретом, которая находится ниже.

Туда же из Баку по моей рекомендации был приглашен и мой любимый партнер Юра Руденко со своей женой Таней и их маленьким сыном Димой.

Квартиру мне дали сразу же. Она была недалеко от театра — обычная двухкомнатная квартира со смежными комнатами. Но что было красивого в этой квартире, так это полы! Они были из какого-то очень качественного светлого паркета, покрытого прозрачным лаком.

Мой муж Василий в этот раз устроился на работу по специальности — тренером по тяжелой атлетике, так как к этому времени моими стараниями уже

Управление культуры и искусства Волгоградского областного СМ
документ 174/100/100

РЕПЕРТУАР
с 1 по 15 декабря 1972 г.

С участием артистки
Валентины
ЮЗВЕННО

Среда 22 ноября
Вторник 28 ноября
Понедельник 4 декабря

СИЛЬВА
Оперетта в 3-х действиях
В роли Сильвы — В. Юзвенко.

И. Кальман

Суббота 25 ноября
Пятница 1 декабря

МАРИЦА
Оперетта в 3-х действиях
В роли Марицы — В. Юзвенко.

И. Кальман

Посредине 3 декабря
Среда 13 декабря

ВЕСЕЛАЯ ВДОВА
Оперетта в 3-х действиях
В роли Ганши Галави — В. Юзвенко.

Ф. Легар

Начало спектаклей в 19 час. 30 мин.

Афиша Волгоградского театра

был студентом заочного отделения Омского института физического воспитания. Почему моими стараниями, да потому что у Васи, так получилось, к моменту нашего знакомства было всего 8 классов. И в том, что он окончил вечернюю школу и поступил в институт, была чуть ли не полностью моя заслуга. Понимая, что театр вовсе не является его стихией, я все время настаивала на этом. К тому же дирижер Свердловского театра был ближайшим родственником ректора этого института. Вот по моей просьбе он-то и помог Васе туда поступить.

К нам в Волгоград из Джамбула приехала и моя мама, которая к тому времени вышла на пенсию.

Я с головой ринулась в новый для себя репертуар и, конечно, опять пела свою любимую классику. Правда, у меня начались проблемы с костюмами. Они были очень старыми. Что-то было коротко, что-то нужно было ушивать. Меня, избалованную прекрасными костюмами, которые делались в Свердловском театре чудесной художницей Ядвигой Писецкой специально для моей персоны, такой подход к театральной одежде совсем не устраивал. А сшить мне новые костюмы на уже идущие спектакли театр не мог из-за отсутствия материалов в театре и средств.

Я попросила разрешение у художника по костюмам не использовать старые костюмы для данных спектаклей, а подобрать по своему вкусу из актерского и балетного гардероба не идущих спектаклей то, что я считаю для себя нужным. Мне разрешили...

НА ДНЯХ уфимцы познакомил и с еще с одним спектаклем Волгоградского музыкального театра — опереттой И. Кальмана «Марица» в постановке режиссера Ю. Бура, балетмейстера К. Ставского, хормейстера С. Алексимова.

Оперетта прошла с большим успехом. Тепло встретили артисты игру заслуженного артиста РСФСР М. Таубе, исполнившего роль князя Эстерхази, артистки З. Сялкиной (княгиня Божена), артиста А. Кузьмина (барон Зутан). Надолго останутся в памяти образы Марицы и Тассало в исполнении артистов В. Юзвенко и Ю. Руденко.

НА СНИМКЕ: артистка В. Юзвенко в роли графини Марицы. Фото В. Журавлева.

Заметка и фото из газеты. В. Юзвенко в роли Марицы

Костюмы я подобрала и скомбинировала отменные, правда, изрядно помучив костюмершу, заставив ее перетряхнуть чуть ли не весь запасной театральный гардероб.

Помнится даже, что когда, проработав всего год, я собралась уходить из театра, директор, недовольный моим решением и не хотевший меня отпускать, взывал к моей совести.

— Видите, как нехорошо получается, мы вам даже костюмы новые пошили, а вы от нас уходите.

И был изрядно удивлен, что, оказывается, это я сама их себе сварганила. Но это было потом, а пока... Мы с Юрой Руденко в паре много работали: пели и даже выезжали на свои личные гастроли, что в то время (70-е годы) было не принято!

Личная гастроль

Врезался в память один случай, который был связан как раз с нашими личными гастролями, уже не помню в какой город, но довольно далеко от Волгограда. Туда мы летели самолетом!

Благополучно спев наш любимый спектакль «Сильва» И. Кальмана и получив за это неплохой гонорар, нужно было немедленно вернуться, так как на другой день нам предстояло петь главные партии в спектакле «Веселая вдова» Легара.

Но с самолетом не повезло. Погода оказалась нелетной и сколько еще будет таковой — неизвестно!

Просидев без толку несколько часов в аэропорту, мы решили добираться домой поездом. Хотя ехать нужно будет всю ночь, но зато утром в день спектакля мы будем точно на месте. С большим трудом взяв билеты и получив свои две верхние полки в купе, наконец решили отдохнуть и поспать, так как было уже поздно, а назавтра петь! Но не тут-то было!

Двое мужчин, которые ехали на нижних полках, до того, как мы к ним подсели, видимо, сильно поддали. Об

Сцена из спектакля «Сильва» Волгоградского театра. Сильва — В. Юзвенко, Эдвин — Ю. Руденко

ПРЕМЬЕРЫ ВАЛЕНТИНЫ ЮЗВЕНКО

Недавно любители оперетты встретились на спектакле Ледгара «Веселая вдова» с новой исполнительницей главной роли Ганны Главари Валентиной Юзвенко. Приятный чистый голос певицы, высокая сценическая культура, пластичность и обаяние — все это принесло заслуженный успех молодой артистке.

Валентина Юзвенко — выпускница студии Киевского театра оперетты. В ее репертуаре ряд главных партий в классических и современных опереттах — Сильва, Розалинда, Марица, Алиса («Дочь океана»), Чанита и другие.

В нашем театре В. Юзвенко так же успешно выступила в роли Сильвы. В ближайшее время ее очередная премьера — Марица.

НА СНИМКЕ: Валентина Юзвенко в роли Сильвы.

Фото А. БГ ИЩЕВА.

этом красноречиво говорили пустые бутылки на столике. И вот всю ночь в купе стоял жуткий храп! Вместо того чтобы выспаться, как и мечтали, нам пришлось всю ночь «цыкать», чтобы хоть на время прекратился этот страшный храп!

Уставшие и измученные бессонной ночью, утром добравшись до Волгограда, мы отправились по домам. Дома у меня, как назло, никого не оказалось, а ключ я забыла дома, в другой сумочке. Мечтая отоспаться и понимая, что время идет, а вечером спектакль (ведь чтобы хорошо спеть, выспаться это главное), где мне предстоит петь партию Ганны Главари, я отправилась к Юре, с которым мы и были на гастролях. Настроение было ужасное. В поисках ключа у закрытой двери моей квартиры я ко всему обнаружила, что мой гонорар за спектакль исчез! Видно, его вытащили вместе с кошельком на вокзале.

Фото из газеты. В. Юзвенко и Ю. Руденко в спектакле «Сильва»

Добравшись до гостиницы, где пока жили в ожидании квартиры Юра со своей женой и сыном, мы решили, что мне нужно поспать в их номере. Танюши, его жены, не оказалось, она была в это время на репетиции. Позавтракав и помывшись, мы с ним очень уставшие рухнули в одну большую кровать, другого места не было, да и было не до этикета. Проснулась я оттого, что кто-то вошел в номер. Это были Таня с Димочкой. Пятилетний Дима громко, по-детски воскликнул:

— Мама, смотри, тетя Валя спит с нашим папой!

Хорошо, что мы дружили семьями. Таня, все поняв, попросила Димочку не шуметь, но мы уже проснулись, да и пора было готовиться к спектаклю. Вот так и грустно (украли все, что заработала), и смешно закончились наши личные гастроли.

В новой труппе

Труппа, в которую мы с Юрой влились, оказалась достаточно сильной. Была целая плеяда замечательных актеров: это М. Таубе — прекрасный комический актер, В. Вжесинский, Громовой, Т. Подберезкина, Н. Куралесина, В. Живаго, Т. Панина и др. К сожалению, далеко не всех я помню по фамилиям, да простят мне актеры, которых я не назвала, но зрительные образы почти всех врезались мне в память. Моим партнером в ряде спектаклей помимо Юрия Руденко был замечательный певец и актер В. Вжесинский. Он помимо прекрасного голоса обладал отличной сценической внешностью. Высокий, статный, знающий себе цену Вжесинский, так же как и Юра, был любимцем женщин и кумиром большого количества поклонниц. Здесь же в театре я познакомилась и подружилась с замечательным танцовщиком

Сцена из спектакля «Веселая вдова». Ганна — В. Юзвенко, Данило — В. Вжесинский

*Сцена из спектакля
«Южный крест»*

спектакли, такие как «Сильва», «Марица» — Кальмана, «Веселая вдова» — Легара, «Летучая мышь» — Штрауса, в спектакль «Чанита» — Милютина. На меня поставили спектакль «Роз-Мари» Фримля и Стотгарда. Но пришлось участвовать и в советских опереттах. В этот же сезон был поставлен спектакль «Южный крест» Баснера, где мне пришлось спеть героиню. В это время Волгоградский театр музыкальной комедии, как и большинство театров этого жанра в Советском Союзе, в своей репертуарной политике в основном брал курс на спектакли современных советских композиторов. Но меня большое количество советских

Анатолием Герасимовым, общение с которым подтолкнуло меня к тому, чтобы внимательнее относиться к своему духовному «Я».

От него я впервые услышала молитву «Отче наш», с которой не расстаюсь и по сей день. Знаю не понаслышке, что очень и очень многие актеры перед спектаклем или во время него обязательно читают молитвы и у многих на гримировальных столиках лежат во время спектакля иконки.

Сезон в новом для меня театре прошел довольно быстро и плодотворно. Я ввелась в классические

Театр открывает сезон

ВЧЕРА Волгоградский театр музыкальной комедии открыл новый, сороковой сезон. Состоялся премьера спектакля «Роз-Мари» (музыка Г. Стотгарда и Р. Фримля). Режиссер новой постановки Ю. Бурз, дирижер Л. Балабайченко, художник В. Аксенов, балетмейстер заслуженный деятель искусств РСФСР К. Ставский, хормейстер С. Алексимова.

В спектакле заняты заслуженный артист РСФСР М. Таубз, заслуженный артист УССР В. Вжесинский, артисты В. Юзвенко, Т. Подберезкина, А. Фаликова, З. Силкина, А. Кузьмин и другие.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля. Артистка В. Юзвенко в роли Роз-Мари и артист В. Вжесинский в роли Дыма Кериона.
Фото А. ВРИНЦЕВА.

*Заметка из газеты о сп. «Роз-Мари».
На фото В. Юзвенко и В. Вжесинский*

*«Веселая вдова».
Ганна — В. Юзвенко.
Песня о Вилье*

спектаклей в репертуаре, по правде сказать, настораживало, и я понимала, что мне их тоже придется петь.

Принципиально я ничего против советских музыкальных комедий не имела, наоборот, многие из них мне очень нравились, так как написаны интересно и талантливо. Некоторые из них, такие как вышеназванный спектакль «Поцелуй

*Со зрителем после спектакля
«Поцелуй Чаниты»*

Чаниты» Милютина и «Цирк зажигает огни», исполнялись мною с большим удовольствием, но все же большинство современных спектаклей я как-то с собой совсем не соотносила. Мне хотелось больше петь музыкального материала с широким диапазоном, а современные оперетты по диапазону певческому довольно скромны, и часто их

После спектакля «Поцелуй Чаниты»

нужно было петь в микрофон, а это я совсем не умела делать. Голос на микрофон у меня ложился неважно. Часто все фонило! И потому мне их петь не очень-то хотелось. Но в театре больно

не покапризничаешь, даже если ты и ведущая актриса. Есть такое понятие, как производственная необходимость. Это понятие существует и в театре, поэтому очень часто приходится делать не то, что хочешь, а то, что нужно. Главное сделать так, чтоб это «то, что нужно» полюбить, иначе работать на сцене просто будет невозможно.

Опять цыгане

Помню еще один случай из нашей семейной жизни в городе Волгограде.

Как-то прихожу вечером после спектакля домой и ничего не понимаю. В нашей большой проходной комнате, прямо на полу спит много людей — человек семь. Оказывается, моя мама проводжала на вокзал свою подругу и познакомилась там с семьей цыган с маленькими детьми. Им негде было ночевать. Они тоже куда-то ехали, но поезд у них был на другое утро. Пожалев детей, недолго думая, мама совершенно бескорыстно пригласила их к нам на ночлег. Признаюсь честно, я немного расстроилась и даже рассердилась — ночевать в такой компании было не по себе. Мне все время казалось, что кто-то из них, когда мы заснем, войдет к нам в комнату, чтобы что-нибудь утащить. Ведь у меня уже была печально закончившаяся встреча с цыганами, и я их побаивалась. Но к их чести, на другое утро они вели себя очень скромно и, поблагодарив, довольно быстро ушли. В доме ничего не пропало!

Мой самый авантурный спектакль

В конце сезона, на время моего отпуска, меня пригласил на гастроли со Свердловским театром директор театра Яковлев Анатолий. Его устраивало то, что я помню репертуар (ведь я работала в этом театре до Волгограда), и вообще он хотел несколько укрепить труппу для гастролей.

Вместе со мной по моей просьбе были приглашены и некоторые мои коллеги из Волгоградского театра, а именно Михаил Таубе и Анатолий Герасимов из балета. Гастроли были в Севастополе.

Как всегда, в этом городе они проходили с большим успехом, а мы одновременно и зарабатывали, и отдыхали. После моего последнего спектакля, мы решили отметить в гостинице это со-

бытие и прокутили всю ночь, а на утро решили, вместо того чтобы лечь спать, пойти «освежиться» к морю. На пляже купались, загорали от души! И только к обеду вернулись в гостиницу. Приняв душ и помыв голову, я наконец решила чуть поспать. Не успела я добраться до кровати и чуть задремать, как меня разбудили.

Оказалось, что администрация Симферопольского музыкально-драматического театра срочно ищет на сегодняшний премьерный спектакль «Марицы» Кальмана замену заболевшей певице. Я стала упорно отказываться, мотивируя тем, что совсем не в форме — только отпела спектакль, не спала, загорала, да еще голову помыла, чего нельзя делать перед пением. Но они готовы были на колени умолять, ведь до спектакля оставалось несколько часов, а героини нет! Еще долго отпираясь, я все-таки, не выдержав напора просьбы, согласилась на эту авантюру.

Ехать до Симферополя было довольно далеко. Пока мы заехали в наш театр за моими костюмами, пока взяли парик, прошло время. По дороге начался дождь! Ехали не быстро! Словом, мы начали опаздывать. Я стала гримироваться прямо в машине. Что это был за грим, можно себе представить — все качается и шатается. Мой коллега Толик из балета, о котором я писала выше, поехал от нечего делать, со мной за компанию. Так вот, он стал надевать мне парик. И все равно на начало спектакля мы были еще в дороге. Как я потом узнала, спектакль стали задерживать и объявили залу, что исполнительница роли Марицы, гастролерша из Волгограда летит на спектакль и вот-вот будет!

Публика была несколько взбудоражена, в зале не раз звучали аплодисменты, призывающие к началу спектакля. Опоздав минут на 20–30, мы влетели в театр. Меня стали чуть ли не на ходу одевать, одновременно представляя мне моих партнеров по сцене, чтобы я не перепутала, кто есть кто из персонажей! Что за вариант пьесы, я не знала — у администратора пьесы с собой не было, с тем чтобы почитать в машине. Словом, я вообще уже ничего не

В роли Марицы

соображала от волнения и просто себе не представляла, как я из всего этого выкручусь.

И вот меня вытолкнули на сцену в нужном месте, ведь своей реплики на выход я тоже не знала. Оркестр заиграл вступление к моей выходной арии. Не успела я появиться на сцене, как грянули долгие, бурные аплодисменты. Хлопали так долго, что я не смогла начать свою арию, дирижеру пришлось начать проигрыш снова. Но когда я начала петь, я поняла, что акустика в этом зале замечательная! Петь было очень легко!

Спев свою очень сложную выходную арию и получив в награду еще более бурные аплодисменты, я успокоилась и начала самую сложную в своей жизни импровизацию... То ли от излишнего волнения, то ли оттого, что меня так принимала публика, мой коллега, который просидел в зрительном зале весь спектакль, сказал, что это было мое лучшее выступление.

Спектакль прошел прекрасно! Премьера удалась! Все были довольны и счастливы. Меня очень активно стали приглашать остаться там работать, но муздрамтеатр это не совсем то, что мне было нужно.

В мою честь после премьеры устроили большой банкет, и мы опять ночь не спали. Несмотря на то, что гонорар мне заплатили совсем маленький (такие были тарифные расценки в музыкально-драматическом театре), настроение у меня было самое приподнятое! Я была счастлива! Мне казалось, что я уже суперзвезда!!! Как я заблуждалась..

Вот так номер!

Ко мне в гримкомнату зачастила с поздравлениями администратор нашего театра — довольно молодая, интересная женщина. Всякий раз это были цветы, приятные слова и т. д. Словом, она стала моей поклонницей. Поначалу я это восприняла абсолютно нормально, ведь среди моих поклонниц довольно много было девушек, особенно молодых. Большинство из них собирались стать актрисами.

Вскоре наша администратор (не будем называть ее имени) решила организовать нам театральные досуги и довольно часто собирала молодежные компании то в театре, то у себя дома. И вот именно на этих вечеринках ее поведение показалось мне довольно странным.

*Я в гримкомнате в антракте
во время спектакля «Веселая
вдова»*

Прилично подвыпив, она начинала танцевать передо мной, да так, что я понимала — эти танцы исключительно для меня. Движения ее напоминали движения мужских танцев. Это были присядки, разухабистые всевозможные «па» и т. д. Причем она так увлеклась этим, что незаметно для всех и для меня чуть ли не прижимала меня в угол, и признаться, я чувствовала себя очень и очень некомфортно. Такое ее поведение я считала некоторым чудачеством.

Постепенно ей все больше и больше хотелось со мной общения. Она стала поджидать меня после спектакля, провожать домой. Я же, наоборот, стала избегать с ней всяческих встреч, так как действительно чувствовала себя с ней «не в своей тарелке». На наших театральных вечеринках я старалась быть в кругу своих партнеров-мужчин.

Как-то, после одной из таких вечеринок, меня решил проводить домой мой партнер Юра Руденко. Наша администратор также пошла с нами, сказав, что ей по дороге. За нами не спеша, группками, шли наши актеры. Помню, мы шли по мосту через реку. Я шла под ручку с Юрой, а наша администратор шла рядом. Вдруг она стала просить Юру оставить нас одних:

— Ну, неужели тебе интересны бабьи разговоры? Ну, иди вон к мужикам! — вопрошала она.

А мне никак не хотелось оставаться с ней вдвоем, так как я уже стала считать ее несколько неадекватной.

Я тихо шепнула Юре:

В роли Сильвы

— Не уходи! Не оставляй меня, с ней мне это неприятно!

Юра понял меня и стал отнекиваться, ссылаясь на то, что ему тоже есть о чем со мной поговорить.

На следующий день в театре Юра у меня спрашивает:

— У тебя что, с ней — отношения?

Я не совсем поняла его и спрашиваю:

— С чего ты взял? Просто она назойливо себя ведет!

На что Юра мне ответил:

— Ты что, не понимаешь, что нравишься ей как женщина!

— То есть как? — спросила я.

— Валька! Ты что, притворяешься, что ли? Или действительно ничего не знаешь о лесбиянках?

Тут только до меня дошло, что все действительно похоже на «это».

— Да тут даже двух мнений не может быть! — сказал Юра. — У меня глаз наметанный. Ведь вчера она меня так «отшивала» от тебя, что я думал, она столкнет меня в реку!

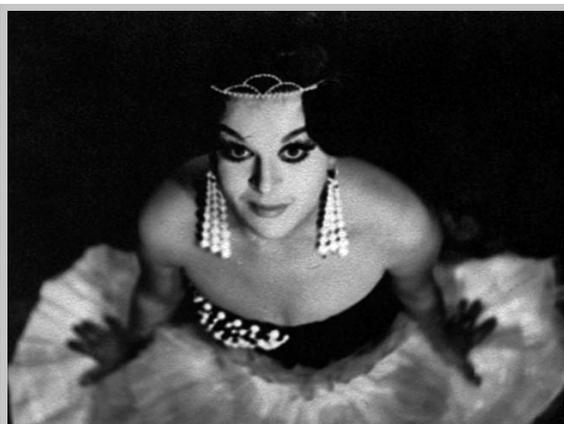
После этого я действительно стала очень сильно сторониться ее, хотя мне часто приходилось встречаться с ней в театре. Внутренне я никак не осуждала ее, тем более что про «это» мало что знала, но тем не менее мне было неприятно и немножко страшно, что я каким-то образом к этому причастна. Но несмотря на то, что я всячески избегала общения с ней, она не оставляла меня в покое. Начались ночные звонки домой, после спектакля. Каким-то на-

тужным и утробным голосом она взывала ко мне:

— Ну, прошу тебя, подари мне хоть одну ночь!

Это было похоже то ли на жуткое актерское переигрывание, то ли на какое-то безумие.

Эти звонки выводили меня из себя. Я не знала, что мне

В роли Сильвы

делать. Все мои доводы «против» в ответ на ее воззвания по телефону не приносили результатов. Звонки все повторялись и повторялись! Это было в то время, когда меня пригласили в Одесский театр оперетты, и закончилось с моим быстрым и решительным отъездом в город Одессу! А получилось это так...

Глава 7.

ОДЕССКИЙ ТЕАТР ОПЕРЕТТЫ – ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ ТЕАТРОВ СТРАНЫ!

Приглашение в Одесский театр

Не успела я начать новый сезон, как раздался звонок по телефону. Мне позвонили из Одессы. Голос в трубке сказал: «Сейчас с Вами будет разговаривать режиссер из Иркутского театра оперетты».

Это было очередное приглашение в новый театр. Режиссер, объяснил мне, что только что получил назначение в Иркутский театр, что меня он видел на сцене, знает и очень хочет, чтобы я у него работала. Предлагались отличные условия: квартира, самый высший оклад и, конечно, большое количество хороших ролей.

Приглашение в Иркутский театр оперетты

Но ехать так далеко, мне совсем не хотелось, да и зачем? Репертуар, который он мне назвал, меня не прельщал. Перспектив творческого роста там для себя я не видела. Словом, я категорически отказалась!

На следующий день опять звонок. На этот раз звонил мне зам. директора Одесского театра оперетты, тов. Лившиц. Оказывается, он слышал весь наш разговор с режиссером из Иркутска, который мне звонил из его же кабинета, поскольку они были друзья. Этот разговор Лившица заинтриговал: что же это за героиня такая, которую приглашают на прекрасные условия в театр, а она отказывается и не хочет ли она приехать показаться в Одесский театр!

Прямо скажу, что вот звонок из Одесского театра меня заинтересовал, ведь этот театр считался одним из лучших театров Советского Союза. Дорогу и гостиницу мне оплачивали, и я, недолго думая, поехала на прослушивание.

Одесса на меня произвела большое впечатление. Очень красивый город, много солнца, море, специфический акцент — чисто одесский.

Приехав поездом из Волгограда, я села в троллейбус, с тем чтобы добраться до театра оперетты. Это было старое здание театра, которое находилось на Красноармейской улице. Я не знала, на какой остановке мне сойти. Спросила сидящую рядом со мной даму.

— О! Это очень просто! — сказала она с сильным одесским акцентом. — Выйдете через три остановки, пройдете чуть вперед и пойдете налево.

— Да шо вы такое говорите! — отозвался мужчина на сиденье напротив. — Надо проехать четыре остановки и потом пойти немного назад!

Дама, сидящая со мной, сказала:

— Она так не найдет, там копают яму, и она заблудится!

— Не морочьте девочке голову! — отозвался голос сзади. — Путь она едет до Дерибасовской, а там чуть сделает полукруг и через площадь выйдет прямо на театр!

— Вы, наверное, никогда не были в театре оперетты, шо посылаете ее туда! Ей надо, как увидит сквер, где играют в шахматы, выйти и сразу чуть спуститься вниз.

Вскоре чуть ли не весь троллейбус был втянут в этот спор! Где мне выйти! И где находится театр! Если еще учесть одесский акцент и темперамент

одесситов, зрелище было очень колоритное! Про меня уже все забыли и выясняли отношения между собой! Я подошла к водителю, и он мне сказал, где выйти и как пройти к театру.

В театре и директор, и зам. директора встретили меня прекрасно. Я спела дуэт из «Сильвы» с замечательным героем театра Юрой Осиповым, у которого был профессиональный сильный баритон красивого тембра, прекрасная фигура, внешность. Словом, наш дуэт удался, и мне сразу же предложили в театре работу.

Репертуар был большой, много классики и вообще блестящая перспектива.

Дело в том, что незадолго до моего прослушивания из театра ушла прекрасная героиня, любимица одесской публики Светлана Никитенко, и место «венской героини» было свободно, но и налагало на меня большую ответственность.

Очень быстро распроставшись с Волгоградским театром, собрав свои небогатые пожитки, я приехала на постоянную работу в Одессу.

И каково же было мое удивление, что, оказывается, главный режиссер театра Матвей Абрамович Ошаровский,

*Сцена из спектакля
«Принцесса цирка».
Теодора — В. Юзвенко,
Люсьен — Ю. Осипов*

С партнером С. Пеньковым

как передали мне потом мои коллеги, был крайне недоволен тем, что за время его отсутствия взяли героиню на классический репертуар.

Ориентир у этого режиссера был на современный репертуар. А дирекция театра по-своему решила этот вопрос, понимая, что нужно кому-то петь и классику! Вот так, еще не видя и не слыша меня, главный режиссер театра был против меня настроен.

Одна актриса говорила мне, что когда он приехал из командировки и узнал, что взяли героиню на «венский» репер-

туар, он воскликнул: «Зачем мне этот нафталин!» На что мои коллеги ему ответили: «Да ведь девчонке-то всего 26 лет!»

А классический репертуар в Одесском театре в то время действительно был не особо внушительный: это были спектакли «Принцесса цирка» Кальмана и «Цыганский барон» Штрауса. И вот постепенно я стала в эти спектакли входить. А вот некоторые спектакли из классики уже поставили при мне.

Поселили меня вначале в гостиницу, которая была рядом с театром. Я приехала пока одна, без мужа и без мамы.

В гримкомнате с коллегами. Слева направо — В. Юзвенко, Л. Сатосова, одевальщица баба Шура, снизу В. Фролова

Афиша Одесского театра. На верхнем фото В. Юзвенко и Ю. Осипов

Прожила я в гостинице недолго, всего месяц или два, и мне дали прекрасную трехкомнатную квартиру на Молдаванке (старое название района Одессы) в новом, только что отстроенном доме на седьмом этаже.

Квартира по тем временам была роскошная! Все три комнаты отдельные, большая кухня, огромная, с комнату лоджия, на одну сторону угловая, и небольшая лоджия на другую сторону. Место тихое, но добираться до театра приходилось по меркам Одессы довольно долго — минут 30 трамваем.

Вскоре в Одессу переехали и мои домочадцы.

Меня буквально впрягли в работу. Вводь, вводь, постановки и концерты. Отлично помню концерты, которые проходили на набережной, в летнем театре.

Рядом со знаменитыми коллегами

Концерты были частыми, обязательными, особенно летом, когда в городе было много гостей и отдыхающих! Народу на концертах было много. Еще бы! Ведь в этих концертах принимали участие все ведущие, очень популярные актеры! И, конечно же, Михаил Водяной со своей партнершей и женой Маргаритой Деминой. Тот самый Водяной, именем которого в наше время называется театр оперетты в Одессе. В этих концертах пела и я.

Кальман. Номер Нинон «Карамболина» из сп. «Фиалка Монмартра» в концерте. В. Юзвенко в роли Нинон и артисты балета

Вспоминаю, когда я впервые увидела и узнала Водяного (а это было в фойе театра), со мной случился почти шок! Ведь я обожала этого актера! Я была влюблена в него по фильму «Белая акация», где его герой постоянно предлагал Тоне конфеты! Его образ был по-настоящему комичен! Этот фильм я видела подростком! И не один раз!

И. Иванова С. Крупник М. Водяной и М. Демина Л. Сатосова Е. Демская

Конечно, я не знала, что он работает в Одесском театре оперетты, и потому встреча с ним в театре меня так поразила. А потом произошла еще одна встреча!

Оказывается, моя партнерша по спектаклю «Цыганский барон» (я играла Саффи, а она старую цыганку Чипру) и была той самой актрисой, которая снималась в роли Тони — главной геро-

ини фильма «Белая акация» по оперетте Дунаевского «Белая акация». Это была Ляля Иванова. Вспомните, как Тоня пела песню: «На приморской улице акация цветет...»

Вот такие чудесные встречи и знакомства! А сколько прият-

Мои коллеги слева направо — Б. Боровский, Э. Силин, А. Капустин, В. Алоин, В. Барда-Скляренко, Е. Демская

ных слов можно сказать в адрес Людмилы Сатосовой. Она могла сыграть все! Яркая, красивая, живая! Очень эмоциональная! Безумно талантливая! С хорошим вокальным голосом.

Она создала ряд блестящих ролей на сцене Одесского театра оперетты. Я горда тем, что работала с ней бок о бок. А как же она чудесно пела в концертах детские песенки! Голосом ребенка! Органично! Задорно! Это было превосходно!

А замечательный актер Семен Крупник, с которым я встречалась почти в каждом спектакле! Он создавал запоминающиеся образы. Он мог из маленькой роли сделать ролице! Они у него всегда были умны, многозначительны, даже философичны, несмотря на то, что оперетта вроде бы легкий жанр! Мне очень нравилось его отношение к ролям, может быть, еще и потому, что я сама относилась к этому жанру с большим серьезом. Роли у меня были большие, в них настоящие чувства, конфликты и страдания!

А какой интересной актрисой была Демская! И сколько рассказывали коллеги о том, какой замечательной героиней она была в свое время. Демская тоже играла в фильме «Белая акация». Она играла роль взбалмошной Ларисы. Зритель наверняка вспомнит дуэт Ларисы и Яшки: — Посмотрите, ветер тучи нагоняет. Ну и что же? Значит, дождь пойдет сейчас... — и т. д.

А как не вспомнить Бориса Боровского! Смешной, небольшого роста, полненький, очень обаятельный — настоящий комик. И как все комики, мне казалось, в душе он совсем не комик. Мне кажется, он прекрасно бы сыграл и трагедийную роль!

А мои партнеры! Кроме Юры Осипова, о котором я писала выше, со мной работали такие замечательные актеры и певцы, как Алешина, Станислав Пеньков, Толя Капустин, Володя Костюков, Светлана Пославская, Всеволод Применко, Зоя Вотинцова, Светлана Майорова, Сергей Силин, Виктор Алоин, Галина Смирнова и многие другие.

По приезде в Одессу я сразу же подружилась с молодыми ребятами, моими ровесниками — это Володя Гольдат (ныне Фролов) и Вика Фролова, Катя Мельникова. С Володей и Викой, которые затем стали супругами, нас еще долгие годы связывала и до сих пор связывает настоящая дружба, несмотря на то что я уже давно не живу в Одессе. Но это все было потом, а пока я с большим удовольствием входила в новые для себя спектакли и знакомилась поближе с моими сослуживцами.

*«Сильва» в Одесском театре.
Сцена с Бони — В. Гольдат (Фролов)*

*С Викой Фроловой
на гастролях в Баку*

*С Викой Фроловой на гастролях
в Тбилиси*

Может быть, в консерваторию...

Так прошел год! Несмотря на то, что я пела вокальные партии и считалась в театре певицей номер один, я понимала, что как вокалистка еще очень далека от совершенства. Меня тянуло поучиться пению, тем более я знала, что в Одессе есть консерватория. А с консерваторией, как помнит читатель, в Киеве мне не повезло...

Мои друзья-коллеги, узнав о моей мечте, недоумевали:

— Зачем тебе это нужно: у тебя и так высшее положение, высший оклад! Чего тебе еще?!!

*Артисты театра на праздновании юбилея театра. Слева направо Л. Сатосова
Г. Грачева, Э. Вотинцева, В. Юзвенко*

Но верно говорят, что если чего-то очень хочешь, это к тебе обязательно придет! Я действительно была по-настоящему озабочена вокалом. Помог случай!

Сразу после консерватории к нам в театр пришла певица Тамара Устюжанина. И вот как-то однажды она пригласила своего педагога по вокалу, профессора Ольгу Николаевну Благовидову на спектакль «Цыганский барон», где она, как и я, пела главную партию, партию Саффи. Но в последний момент Тамара заболела и пришлось мне петь за нее.

На следующий день после спектакля Тамара подошла ко мне и говорит:

— Знаешь, Благовидова была на спектакле и очень тобой заинтересовалась. Спрашивала, что ты закончила, а еще сказала, что у тебя большие вокальные возможности.

Я сделала вид, что это в порядке вещей, ведь я здесь прима! Но в душе ликовала

Труппа театра на юбилее театра

от счастья, что была замечена и отмечена такой важной персоной. Ведь Ольга Николаевна Благовидова прекрасный педагог, заведующая кафедрой сольного пения в консерватории, а в прошлом еще и большая певица. В свое время Ольга Николаевна была партнершей такого знаменитого и всем известного певца, как Федор Шаляпин.

С того времени я ходила сама не своя и все думала о консерватории...

М. Ошаровский меня «принял»

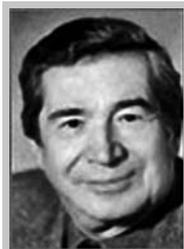
А тем временем у нас в театре началась новая постановка оперетты Кальмана «Сильва». Ставил этот спектакль очередной режиссер. Но проверить, как идут репетиции, часто заходил и главный режиссер театра М. Ошаровский, с которым мы к этому времени так и не познакомились толком, поскольку я не была занята в советском репертуаре, который он в основном ставил.

Роль Сильвы я очень любила и репетировала ее с особым рвением. Особенно мне нравилось, как в этой постановке ставились венгерские танцы и подтанцовки после музыкальных номеров. Поэтому, мне кажется, я репетировала с большим увлечением и достаточно эмоционально.

Однажды на одной из таких репетиций Ошаровский, недовольный тем, как проходит репетиция, стал отчитывать ряд актеров за штампы и вялое отношение к ролям и вдруг всем в пример поставил меня.

— Вот так надо работать, как Юзвенко! До пота танцевать и петь, ведь Сильва, как и Юзвенко, настоящая актриса, а не манерная барышня! — заключил он.

Мне, конечно, очень приятно было это слышать! Я поняла, что он меня «принял»!

М. А. Ошаровский

Оффенбах. «Прекрасная Елена» В. Юзвенко

После этого в его постановке была «Прекрасная Елена» Оффенбаха, где я пела главную партию Елены.

Работать с Матвеем Ошаровским было интересно! Он, безусловно, режиссер крупного масштаба и посему спектакль «Прекрасная Елена» получился интересным, своеобразным, оригинально решенным.

К сожалению, вскоре его сняли с поста главного режиссера. Говорили, что именно те актеры, которые больше всего перед ним в свое время заискивали, которым он больше всего доверял, и помогли это сделать. Так частенько бывает в театре...

В то время я не очень вникала в эту ситуацию, но все же какой-то осадок некоего предательства ряда актеров по отношению к нему ощущала.

Помню, уже после того как его сняли, мы с ним при встрече, случайной разговорившись, перешли на доверительный тон беседы, в котором я это и почувствовала.

Стараясь его как-то успокоить, не зная толком в силу молодости своей, как это делается, я принялась рассказывать ему о своем видении жанра оперетты, о своих представлениях, о том, каким должен быть современный театр и так далее. На все мои пылкие, эмоциональные, увлеченные, даже несколько идеалистические выступления Ошаровский мне сказал:

— Знаете, Валя, с вашими взглядами на ситуацию в жанре музыкального театра вы в дальнейшем или уйдете в оперный театр, или создадите свой театр!

Почему-то этот разговор запал мне в душу, и я, видимо, на подсознательном уровне восприняла эту его фразу, как руководство к действию. Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что он почти напророчил мне мою творческую судьбу, возможно, сам того не

*Сцена из спектакля
«Прекрасная Елена»*

осознавая — огромное ему за это спасибо! Зерно, брошенное им, упало на благодатную почву, ведь первую часть его пророчества я уже выполнила, сменив опереточный жанр на оперный и проработав в нем почти тридцать лет.

Но вернусь к спектаклю «Сильва». Выпуск спектакля затягивался. Долго не могли найти хорошего балетмейстера. Наконец пригласили из Большого театра. Именно о его постановках танцев я и писала выше.

Время шло, я по этому поводу очень волновалась, так как готовилась стать матерью и боялась, что мой живот скоро будет замечен всем! Шились костюмы. От примерки до примерки портные констатировали, что я чуть-чуть поправилась. И все время чуть-чуть перешивали костюмы. Я действительно очень поправлялась в талии. И вот наконец премьера! У меня уже беременность под семь месяцев...

Все прошло замечательно!!!

Но помнится, после премьеры, поздравляя меня, балетмейстер, а это был уже очень пожилой человек, несколько смешной, но очень обаятельный (к сожалению, не помню его фамилии), сказал своим несколько манерным голосом:

— Все хорошо, деточка! Умница! Но только веером надо вот здесь махать! — и показал на лицо. — А не здесь! — и показал на живот.

Очевидно, чтобы скрыть свою полную талию, я действительно веером прикрывала живот!.. Но он этого не знал, и на следующий сезон, когда мы стали сразу после отпуска ставить «Марицу», этот же балетмейстер, узнав, что моему сыну Андрею уже почти три месяца, от души меня поздравлял.

Я в том платье, которое мне перед премьерой все время расшивали

С сыном Андрюшей

— Как хорошо, Валя, что у вас мальчик! Вот у меня три дочери, все уже взрослые, и жена! Так вот куда ни сунусь, всюду сумочки и шляпки, сумочки и шляпки!..

После премьеры спектакля «Сильва» я сразу же ушла в декретный отпуск. На гастроли не поехала, было уже нельзя. Оказалось свободным лето, и я решилась поступать в консерваторию.

С мужем Василием и сыном Андреем

Консерватория и мои педагоги

Нужно было идти на прослушивание в консерваторию, чтобы допустили до вступительных экзаменов, такое тогда было положение. Как же напомнить о себе Благовидовой? Да еще я в таком интересном положении! Словом, боялась! И вот кто-то из абитуриентов, из тех, которые все всё знают, указал мне на высокую, статную, красивую женщину и сказал, что это концертмейстер и секретарь Ольги Николаевны. Я решилась и подошла к ней!

Наталья Степановна Корсун (так звали эту очаровательную даму) сразу, чуть ли не взяв меня за руку, ничуть не смущаясь моим животом, сказала:

— Так в чем дело, пойдемте прямо сейчас к ней! — И мы встали «пред очи» профессора Благовидовой.

Ольга Николаевна сразу вспомнила меня, очень одобрительно отнеслась к моему решению, и я стала готовиться к первому туру. Стоял вопрос, что спеть на экзаменах. Я была склонна

С однокурсниками у здания оперной студии консерватории. Я первая справа

исполнить что-то из того, что было у меня хорошо впето, то есть арии из оперетт. Но меня все вокруг пугали:

— Ни в коем случае, комиссия этого не любит! Оперетту не жалуют!

Но я, помня свое поступление в Киевскую консерваторию и то, как я пошла на поводу у концертмейстера, все же решила спеть то, что считала нужным.

Итак, я спела на экзаменах выходную арию Марицы из оперетты И. Кальмана «Марица» и песню о Вилье из оперетты Легара «Веселая вдова». А дальше все было, как в сказке!

На экзаменах я получила пять баллов, что было для поступления фантастической оценкой, так как высшую оценку старались никому не ставить, и меня сразу взяли на второй курс вечернего отделения. Я была на седьмом небе от счастья! А трудности начались потом...

Родив в сентябре сына Андрюшу, в конце октября, сразу после законного послеродового декрета (в то время полагалось 56 рабочих дней), я вышла на работу в театр и на занятия в консерваторию! Это было самым трудным временем в моей жизни. Занятость сумасшедшая! Огромное спасибо моему мужу Василию и моей маме, которые во всем мне помогли.

В консерватории, к моему большому изумлению, я узнала, что, оказывается, мне нужно было сдать все зачеты и экзамены за первый курс! О, ужас! Это нужно было садиться за учебники и все наверстывать.

А тем временем в театре началась постановка «Марицы», где расчет велся на меня. Я отлично понимала, что никому нет дела до моей личной жизни, до моего ребенка, и если уж ты вышла на работу, то держись! А как можно было не работать?! Ведь оплачивали только 56 рабочих дней декрета и все, а жили мы материаль-

Сцена из спектакля «Марица». Марица — В. Юзвенко, Лиза — С. Пославская

После удачного экзамена. Я в центре

но, как и все, от зарплаты до зарплаты. Муж получал как детский тренер немного, мама на пенсии... Приходилось буквально разрываться между кормлениями, каждодневными репетициями и занятиями. Ко всему, я почувствовала, что петь после родов мне намного труднее. Дыхание не держит! Голос

стал покачиваться и вообще все как-то проблемно.

После нескольких занятий с Ольгой Николаевной она мне сказала, что больна и, наверное, надолго ляжет в больницу, но чтобы я ни волновалась, она меня отдаст хорошему педагогу, своей преемнице Галине Поливановой.

После этого мы Ольгу Николаевну уже не увидели, ее не стало.... Мне хочется сказать о ней самые светлые, самые добрые слова. Даже те несколько уроков, которые мне удалось от нее получить, дали мне настоящую путевку в жизнь! Всегда спокойная, величественная, строгая, при этом очень эмоциональная, она умела найти общий язык с учениками — ее обожали, ее уважали, ее боялись! Помнится, что она заставляла меня двигаться, ходить по классу, с тем чтобы не быть зажатой в вокале. И вообще ряд ее профессиональных наставлений я запомнила на всю жизнь... Моя новая педагог не проявила ко мне должного интереса. После родов, да еще из оперетты! — и мотивируя тем, что у нее очень большой класс, отдала меня другому педагогу. Там мне не понравилось...

И вот, сменив несколько педагогов, я попала к Наталье Федоровне Войцеховской. Ей я бесконечно благодарна за все, что она для меня сделала. Увлекаясь психологией, она удивительно умела найти подход к каждому студенту. За все время обучения я только и слышала от нее, какая я талантливая, какая я красавица, какая у меня чудесная фигура, какая же я умница. И даже тогда, когда я приходила на уроки уставшая, после репетиций и домашних дел, у меня все получалось благодаря ее очень хорошему ко мне отношению. Я думаю, она знала, что делает! Совсем недавно я узнала,

что Наталья Федоровна Войцеховская ушла из жизни. Светлая ей память...

С особой любовью, хочется еще написать о Наталье Степановне Корсун. На последних курсах она была у меня концертмейстером. Это удивительная женщина. Очень прямая в своих высказываниях, честная, величественная, всем заинтересованная и, конечно, очень творческая. Человек сильный духом, никогда не унывающий (во всяком случае, такой я ее не знаю), умеющий тебя подбодрить. И даже когда тебя «зашкаливает» от эмоций, быстро может тебя вернуть на круги своя.

*Наталья Степановна
Корсун*

У нее все естественно и все просто! Так и слышу ее слова:

— Валя! Да что вы волнуетесь? Вы все можете!

От нее всегда веяло такой фундаментальностью, что действительно, казалось, все осуществимо и просто. А какой это добрейшей души человек! Сколько у нее на квартире (сейчас она живет в Санкт-Петербурге) останавливалось ее бывших студентов и друзей!

Когда мы с мужем приехали в Ленинград, для того чтоб показаться в оперу, а она, уйдя на пенсию, уже жила в этом городе, мы тоже остановились у нее, в ее небольшой однокомнатной квартире. Нам отдали лучшее спальное место, а как сами они устроились, я так и не помню. Помню ее очаровательную маму, тоже Валентину, которая до последних дней сохраняла светлый ум и здравую память!

Каждый раз, когда я спрашивала ее по телефону, как она себя чувствует, получала ответ по пятибалльной системе — на три с минусом или на четыре... Светлая ей память! Но вернемся в Одесский театр оперетты.

За «Марицей» в театре последовала постановка «Прекрасной Елены» Оффенбаха в постановке нашего главного режиссера М. Ошаровского, где мне была поручена роль Елены. Партию Париса поручили помимо наших ведущих актеров молодому певцу, которого в то время только что взяли в театр, Юрию Дрожняку — замечательному актеру и очень хорошему певцу. Юрочка впоследствии стал одним из самых моих любимых партнеров!

У нас образовалась хорошая молодежная компания: Дрожняк Юра, Володя Гольдат, Вика Фролова и др. Мы довольно весело проводили время. Ходили в гости друг к другу и на гастролях были неразлучны. А гастролей в театре было предостаточно. Мы были и в Киеве, и в Николаеве, и даже в Тбилиси. А после гастролей театральных я умудрялась еще отправиться в личные гастроли!

Ну, я и хватанула!

Меня опять пригласили на гастроли со Свердловским театром оперетты. После окончания этих гастролей труппа Свердловского театра должна была отправиться через Москву поездом домой, а я к себе в Одессу. Но мне не хотелось разлучаться с друзьями, и я решила поехать с ними в Москву. Ехать нужно было до Москвы всего ночь. Решение было внезапным, билета у меня не было и решено было моими друзьями провести меня «зайцем». Свое место мне уступил Володя Пухарев, в то время новый артист театра, с которым мы на этих гастролях подружились, а сам он спал в проходе, в купе, на полу, на коврик. Но спать нам пришлось мало, так как мы почти всю ночь бодрствовали, выпивали, шумели, как и все наши в вагоне, и делились своими впечатлениями от гастролей.

В Москве мы почти целый день гуляли — поезд отправлялся только вечером. Проходя мимо столичного театра оперетты, я неожиданно для себя самой хвастливым тоном заявила Володе Пухареву, который составил мне компанию в экскурсии по Москве:

— А знаешь, вот в этом театре я буду работать! — Опомнившись про себя, подумала: — ну ты и хватанула!

— А почему бы и нет? — ответила сама себе...

В новом сезоне в Одесском театре нашу труппу ждало пополнение. В театр взяли несколько актеров и среди них Юру Алексева, очень хорошего актера, выпускника ГИТИСа, однокашника Юры Дрожняка. Его почему-то звали «Рыня». Эта кличка была у него со студенческой скамьи. Приход «Рыни» в наш театр, сыграл свою интересную роль в моей дальнейшей творческой жизни... Но об этом потом.

А пока все шло своим чередом. В консерватории зачеты, экзамены, академконцерты. В театре спектакли, на которых почти всегда была моя мама со своими приятельницами.

*С мамой на побережье в Юрмале
(Латвия)*

Очень часто после спектакля, у служебного входа, она меня поджидала, а с ней еще группа зрителей, с которыми моя мама меня знакомила. Я сердилась за это на нее:

— Ну, зачем делать так, чтобы зритель меня видел без грима, уставшую, бытовую... Зачем, мама, ты всем рассказываешь, что я твоя дочка?

— Это произошло случайно, — отвечала мама. — Они меня сами спросили, когда ты вышла на сцену, это, случайно не ваша дочка?

Бедная моя мамочка! Ей так хотелось в тот момент похвастаться мной!

Практика в консерватории. «Кролики»

На третьем курсе консерватории одной из дисциплин была практика по профилирующему предмету. Мы должны были взять себе ученика или ученицу из «кроликов». «Кроликами» назывались ученики, которые хотели, чтобы с ними занимались пением по этой самой педпрактике. Через полгода занятий мы должны были сдать по этому предмету зачет.

Мне попалась ученица одиннадцатого класса средней школы. Люда (так звали эту девушку) была обладательницей очень тихого, но чистенького голоса и очень полной комплекции. Из-за этого, к сожалению, она была несколько зажатой. Тем не менее с первых же наших с ней уроков она проявила ко мне доверие и готова была сделать все, чтобы я не попросила, лишь бы запеть!

Понимая, что нужно прежде всего «поставить» на дыхание ее маленький, но приятного тембра голос, я сразу, что называется, взяла быка за рога. Стала просить Люду активно петь интервалы сверху, чтобы она смогла ощутить дыхательный столб, а также эмоциональность, связанную с высокой вокальной тесситурой.

Она на это легко пошла. У нее начало получаться, и вдохновенная успехами Люда стала вокально серьезно продвигаться вперед.

Распевала я ее так, как было ей удобно, как лучше получалось с позиции активного, эмоционального выноса. Люда стала очень быстро овладевать высокими нотами. К зачету по педпрактике мы решили приготовить арию Одарки из оперы Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем». Люда очень неплохо пела эту арию.

И вот наступил зачет. Мы должны были распеть своих «кроликов», а затем им нужно было спеть произведение. Настал мой черед. Я стала распевать Люду так, как обычно, на «ди-ре-ди», с тем чтобы она ощутила гортанную опору и чувствовала себя состоятельной.

Но педагог, которому мы сдавали зачет, остановив нас, сказала, что распеваю я Люду неправильно. Она считает, что нужно распевать ученика на гласную «а» в гамме по восходящей. И сама сев за рояль, стала распевать мою ученицу.

Люда на гласную «а» совсем не могла удерживать дыхание, у нее для этого еще недостаточно крепкой была гортань и дыхательная опора. Словом, моя Люда «расширилась», петь ей стало трудно и верхние ноты она взять не смогла. Со слезами на глазах, она выбежала из класса. Я последовала за ней. Расплакавшись, Люда сказала мне, что не сможет спеть произведение после такой неудобной для нее распевки.

Вернувшись в класс, я стала спорить с педагогом, доказывая ей, что на первых порах с учеником, который пока не имеет понятия о дыхании с гласной «а», нужно быть очень осторожным и лучше по возможности ее избегать.

В общем, с большим трудом мне все же удалось уговорить Люду кое-как спеть, чтобы мне поставили зачет.

В оперной студии консерватории на репетиции с педагогами и однокурсниками. Я третья справа

Моя же педагог по специальности Наталья Федоровна Войцеховская, которая присутствовала на зачете, сказала, что вела себя не совсем верно. Что сама в классе, со своим учеником я могу заниматься, как хочу, как считаю нужным, лишь бы был результат. Ну а на открытом уроке, тем более на зачете, все нужно делать как «положено» и уж, конечно, ни в коем случае не спорить с педагогом.

Дальше я так и поступала — никому не раскрывая свою «кухню», занималась так, как считала нужным. А моя Люда очень скоро стала настолько прилично петь, что поступила в музыкальное училище на вокальный отдел, а затем стала работать в хоре оперного театра Одессы.

Эта педпрактика мне много дала. По сути, там было начало моей методики работы с начинающими вокалистами.

Землетрясение

Помнится мне еще один очень интересный случай с присутствием моей мамы в театре. Шел спектакль «Цыганский барон» Штрауса. Моя мама со своей подругой были в зале.

И вот уже ближе к концу спектакля, когда по мизансцене я должна опуститься на колено перед своим отцом, я чувствую, что меня как-то непонятно качнуло. Я решила, что неловко выполнила мизансцену. Дальше происходит что-то непонятное. Мы с актером Виктором Алоиным, который играл моего папу, находимся на одном конце сцены, а на другом все стали выбегать в запасный выход со сцены во двор. Сверху между нами стали сыпаться какие-то предметы, щепки, пыль...

Мы с Алоиным оказались отрезанными от выхода со сцены. Решив, что рушится театр (здание театра было старым), выбрав момент, мы кое-как добрались до другого конца сцены, а затем, как и все наши актеры, выбежали во двор. Коллеги нам объяснили, что это землетрясение.

В зрительном зале началась паника. Народ стал соскакивать со своих мест и ломиться к выходу. Во дворе театра мы несколько пришли в себя. Конечно, были убеждены, что спектакль окончен, так как зритель, испугавшись, разбежался. Прошло пару минут, толчки не повторялись.

Актеры уже собрались идти разгримировываться, и вдруг мы слышим в зале аплодисменты, довольно настойчивые, приглашающие нас закончить спектакль.

Делать было нечего, мы вышли на сцену, и я увидела, что моя мама с подругой и не думали покидать зал. Они-то и стали зачинщиками этих призывающих нас занять свои места на сцене аплодисментов. Вскоре к ним присоединилась еще группа смельчаков-зрителей, и мы вынуждены были доиграть спектакль до конца, хотя настроение у всех было несколько паническое и волнительное.

Я волновалась, как там дома. Муж потом рассказал, что потрянуло очень сильно. Он ощутил, что дом как бы повело, а мы жили на восьмом этаже. Недолго думая, он схватил грудного Андрюшу и быстро спустился во двор. Там уже было много народа. Люди боялись оставаться в своих квартирах.

Здание театра несколько пострадало, где-то осыпалась штукатурка, были трещины, но мы знали, что строится новый, современный театр, хотя не очень себе представляли, как можно привыкнуть к другому помещению после такого удобного, довольно уютного, с очень хорошей акустикой театра. Строительство нового театра шло полным ходом. Мы же выступали с шефскими концертами перед строителями прямо там, на стройке театра.

«Вы меня обманываете!»

*В. Юзвенко и дирижер И. Кильберг
на сцене после премьеры
«Прекрасной Елены»*

Акустика в старом помещении была действительно замечательной. Даже легкое напевание неслось в зал, не говоря уже о форте. В своем пении я часто пользовалась нюансировкой. Любила, затаив дыхание, спеть два, а то и три пиано. Всем это очень нравилось. Но зато наш главный дирижер Иван Кильберг, который был опытным настоящим музыкантом (он в свое время работал дири-

жером в Московском музыкальном театре Станиславского и Немировича-Данченко), как-то после спектакля мне сказал:

— Валечка! Вы меня обманываете, вы не пиано поете, а напевае. Пиано поется на дыхании! — он был старый человек и знал, что говорит.

Теперь-то я понимаю, что он имел в виду, ну а тогда я недоумевала и решила, что он ко мне придирается. Тем не менее это не помешало мне его фразу запомнить на всю жизнь и впоследствии серьезно заняться дыханием, тем более что я уже училась в консерватории. И время, и место для совершенствования своего голоса у меня было, несмотря на то, что в театре я была занята много.

Ну, что взять с баяниста!

Помимо спектаклей были еще так называемые «халтуры», то есть концерты за плату. Их в Одессе было не очень много, но были. Работали мы эти концерты от филармонии. У нас были специальные концертные ставки. В 70-е годы даже было принято такие концерты проводить на предприятиях, во время обеденного перерыва.

Как-то на одном из таких концертов нас с Юрой Дрожняком, моим партнером по театру, попросили спеть дуэт из «Сильвы» — «Помнишь ли ты...». На этом предприятии фортепиано не было, и нам предложили спеть с баянистом.

Перед концертом мы немного пропетировали с аккомпаниатором и, дав ему ноты, вышли на сцену. Начали петь, и вдруг я с ужасом констатирую, что баянист, несмотря на то, что у него есть наши ноты, взял совсем другую тональность — намного ниже. Баянист тоже понял, что в этой тональности нам петь низко, и перед припевом, который должен спеть Эдвин — Юра, взял тональность значительно выше. Во фразе «Помнишь ли ты...» Юра почувствовал, что это ему очень высоко, и часть своего припева откровенно спел на октаву ниже. Баянист понял, что теперь для нас это очень высоко, и опять взял тональность низкую, еще ниже, чем прежде. Когда дошел черед до моего припева, я подумала, что если я буду продол-

*Мой партнер
Юрий Дрожняк*

жать петь в этой тональности, то у меня нижние ноты (а там действительно есть очень низкие ноты) не то что не будут звучать, а их просто не будет, связки голосовые не сомкнутся. В доли секунды я принимаю решение петь на октаву выше. Спев первую часть припева и подойдя к высоким нотам, я поняла, что если я сейчас не перейду на октаву ниже, то могу сорвать голос. Но как перейти и где?

Словом, от волнения я не знала, что мне делать, а пение идет, и я думаю, будь что будет. Буду петь, как есть. И вот фразы «...пусть это был только сон, но какой дивный сон...» я спела так высоко, как еще не пела никогда! Как я выдержала такую высокую тесситуру — не знаю! Это можно было сделать, только перепугавшись и от большого волнения! Как хорошо, что в юности я думала, что я колоратура (то есть очень высокий женский голос), и пыталась так и петь.

Кое-как уже в какой-то другой тональности мы закончили этот дуэт. Выйдя за кулисы, мы набросились на этого несчастного баяниста. Оказывается, он забыл за кулисами наши ноты и взял тональность, удобную ему по пальцам!!! Ну что с него взять!

Гастроли с М. Водяным

*М. Водяной и В. Юзвенко в фойе
Одесского театра оперетты.*

Нас, несколько человек, всегда занимали в гастрольные поездки с концертами с участием Михаила Водяного и его супруги, тоже артистки Одесского театра оперетты, Маргариты Деминой. Это были как бы их творческие вечера. Принимались зрителем они очень хорошо! Города были, как правило, крупные. И несмотря на то, что нам совсем не оплачивали эти концерты (они были от театра и платили только суточные), все равно участвовать в них было интересно!

Однажды после такого концерта в городе Баку, где я рань-

ше работала, мне предложили спеть пару спектаклей в театре оперетты, в том самом театре, где я когда-то работала.

Предложение было принято с условием, что и мои коллеги Юра Осипов, Вика Фролова и Владимир Гольдат будут

«Валяем дурака» в гостях у И. Морозовой

участвовать в этих спектаклях. И так мы все вместе, спели нашу любимую «Сильву». Эти гастролы нам, конечно же, оплатили, и мы имели воз-

В гостях у Ирины Морозовой и Алика Лавриченко в Баку. Я в центре

можность чуть-чуть отдохнуть в Баку и навестить некоторых моих старых друзей.

Помнится, мы прекрасно провели время у Ирины Морозовой и Алика Лавриченко, вдоволь надурачившись.

С гастрольями Михаила Водяного мы были и в Риге. Я также навещала там своих старых друзей. Особенно ждала встречи с моей подругой Камой, которая была журналисткой. В то время, когда я работала в Рижском театре, мы были с ней очень близкими друзьями. Я часто бывала у нее дома.

Они жили вдвоем с мамой. Это была очень приветливая, дружная семья. В этот раз, попав к ней в гости, мне было грустно видеть, как все круто изменилось. Мамы моей подруги уже не было в живых, а компания, которую моя подруга собрала для встречи со мной и которая была ее обычной «тусовкой», была весьма странной. Оказалось, что они все уже давно алкоголики, и ко всему еще и наркоманы. Было неприятно и больно за подругу, а еще больней оттого, что ты не можешь ничего сделать и, наверное, никак ничего уже не исправить!

Глава 8.

КАК? УЖЕ МОСКВА?

Далее мой путь лежал в Москву

В Одесском театре оперетты я проработала четыре года. Далее мой путь лежал в Москву... А получилось все как бы само собой.

Однажды, после спектакля «Марица» Кальмана, подошел ко мне Юра Алексеев, о котором я писала выше, и сказал, что на спектакле был его студенческий друг Слава Войнаровский из Москвы. Ему очень понравился спектакль и я в роли Марицы, и если я хочу, то в Москве вот-вот будет конкурс на замещение вакантных должностей, и как ему кажется, мне стоит побывать на этом конкурсе. Тем более что театру нужна молодая, крепкая героиня.

Предложение меня очень заинтересовало, но как вырваться на этот конкурс? Занята я была в репертуаре довольно много. Пришлось воспользоваться правом молодой матери и взять больничный лист по уходу за ребенком. Надо же было хоть один раз дать театру почувствовать, что у меня маленький ребенок! Словом, я вырвалась на конкурс.

Конкурсантов было предостаточно. Это были ведущие актеры из других театров, довольно крупных. Прослушивание было с оркестром. Как назло, в день прослушивания я чувствовала себя скверно — меня мутило, тошнило, но нужно было петь. В зале было полно артистов театра. Всем было интересно, кого же прослушивают в театр. Как потом мне рассказывали: вышла девица в красном платье, чуть ли не строевым шагом (это так мне нужно было побороть свое недомогание), и как выдала!.. А спела я выходную арию Марицы из оперетты Кальмана «Марица» и песню о Вилье из оперетты Легара «Веселая вдова».

Приняли меня на аплодисменты, хотя в такого рода прослушиваниях это делать не совсем правильно. Ко мне подходили актеры, поздравляли и говорили, что все будет хорошо. Но официально результаты конкурса не объявлялись. Было сказано, что решение комиссии нам будет выслано по почте.

Сразу после прослушивания я торопилась на поезд, обратно в Одессу и очень волновалась, чтобы мой «липовый» больничный

не обратил на себя взоров нашей театральной администрации, и волновалась не зря...

Не успела я выйти из служебного входа, Московского театра оперетты как лоб в лоб встретилась с очередным режиссером Одесского театра. Зная, что здесь проходит конкурс, а также зная, что у меня взят больничный лист, он был немало удивлен встрече со мной! А дальше все началось...

Не успела я вернуться в Одессу, как в театре уже все знали, что я была на конкурсе в Москве. Меня решили наказать за то, что я попробовала бросить театр. А повод был — мой больничный! Мне устроили чуть ли не суд. Меня вызывали на профсоюзное собрание, меня вызывали на художественный совет театра, на беседу с директором и т. д. Особенно негодовал Михаил Водяной... Как это так, дали прекрасную квартиру, носились с ней, а она так поступила. Мне говорили, что заявление от меня об увольнении по собственному желанию не примут, а если так дело обернется, то меня уволят по статье за прогулы и «липовый» больничный.

Я же, в свою очередь, заявление об увольнении вовсе не торопилась подавать, так как официального решения конкурса, а также приглашения на работу в Москву у меня не было. Ко всем моим волнениям на художественном совете тот режиссер, с которым я столкнулась в Москве, сказал, что конкурс я не прошла, он это точно знает, ибо у него есть связи в Московском театре.

Я расстроилась очень сильно. Отношения в Одесском театре испортила, а приглашения в Москву все нет и нет. Но волнения мои оказались напрасными. Наконец долгожданное приглашение пришло! Я с ним пошла к директору театра, и по-человечески поговорив, он все же отпустил меня. Напоследок сказал, что на самом деле гордится тем, что именно актриса его театра прошла этот конкурс.

Мое концертное выступление в редакции журнала «Музыкальная жизнь»

Вместе со мной взяли еще одну героиню из Ленинграда Наталью Зейналову, с которой мы когда-то начинали работать в Баку. Итак, мы артистки лучшего опереточного театра страны.

Поселили нас в старом общежитии на Чистых прудах. Правда, прожили мы там совсем недолго, всего месяц или два. Затем нам дали новое театральное общежитие. Это была большая четырехкомнатная квартира, где помимо нас с Наташей жила еще девушка — солистка балета. Большой комнаты мне вполне хватало, так как я приехала в Москву пока одна. Вся моя семья осталась в Одессе.

Директор же театра пообещал мне не далее чем через год дать отдельную квартиру. Началась новая московская полоса в моей жизни и в моем творчестве.

Первой моей ролью в этом театре была роль Розалинды в оперетте Иоганна Штрауса «Летучая мышь». В это же время в театр из оперы пришла новая концертмейстер Ирина Николаева — жена артиста Московского театра оперетты Володи Николаева. Вскоре и Ира, и Володя стали моими большими друзьями. Я очень благодарна Ирочке за все, что она сделала для меня.

Когда мы с ней встретились впервые на уроке по «Летучей мыши», она мне сказала:

— Валя! Вы достаточно крупная женщина, что вы там «питюкаете», как птичка, где ваше дыхание?

Я была немало удивлена. Ведь я была уверена, что пою на дыхании! Но ничуть не обиделась на Иру, наоборот, постаралась понять, что в моем пении ее не устраивает.

И вот мы с ней стали заниматься как ненормальные. Это была и ее, и моя первая работа в театре. Она мне показала несколько дыхательных приемов, которые они с ее мужем Володей разработали, и я с большим усердием выпевала все пассажи в сложной партии Розалинды из оперетты «Летучая мышь».

Ира считала, что нужно как следует весь вокальный материал «втоптать» дыханием, и, конечно же, она была права. Такая работа

Ирина Николаева

на слух другим актерам была непривычной и после наших уроков многие подходили ко мне и считали своим долгом предостеречь — нельзя так все «грузить» при впеvании в оперетте, ведь на сцене ты ничего не споешь!

Но мне нравилась наша работа над дыханием на уроках «до пота». Я интуитивно чувствовала, что надо взять это на вооружение на всю свою вокальную жизнь.

Спела я свой первый спектакль в новом для себя театре, не побоюсь так выразиться, блестяще! Мы с Ирой Николаевой победили и победили основательно. Обо мне заговорили как о хорошей певице!

Моими партнерами в этом спектакле были такие уже на сегодняшний день известные артисты театра, как Юрий Веденеев, Лилия Амарфий. Юра пел в этом спектакле партию Айзенштайна, а Лилия — партию Адель.

Не так давно я узнала, что Лилия не стало. А ведь она была еще достаточно молода и полна творческих сил. Мы с Валентином не раз видели в нашем городе афиши концертов и спектаклей с ее участием. Лилия была красива, элегантна, с хорошим вкусом. Обладательница лирико-колоратурного сопрано, она делала свои партии очень музыкальными и даже ажурными.

Лилия училась в ГИТИСе в одно время с Валентином, и по его рассказам, уже в то время не имела никаких проблем с высокими нотами и на экзамене по вокалу даже пела «Соловья» Алябьева в интерпретации с самыми высокими нотами.

Партию Адели в последующих спектаклях со мной пела и такая замечательная артистка, ныне очень популярная Светлана Варгузова. К тому времени помимо партии Адели она пела и партию Розалинды. Светлана и по сей день является ведущей актрисой в Московском театре оперетты и блистает в спектаклях классического репертуара. Ее постоянный партнер вот уже много лет Юра Веденеев, тот самый Юра, с которым мне посчастливилось петь спектакли «Летучая мышь».

*Л. Амарфий в роли Адели
в спектакле «Летучая мышь»*

Юра замечательный вокалист. Обладатель очень крепкого баритона, он на сегодняшний день поет не только в театре оперетты, но и в Большом театре! С его участием в 84 году даже вышел фильм «Веселая вдова» по оперетте Франца Легара режиссеров Г. Анисимова и Т. Карпова, где его партнершей была наша очень известная певица Елена Образцова.

В этом фильме все исполнители сами озвучивают и свои вокальные партии. Помимо Юры в фильме снимались и пели и другие актеры моего бывшего театра. Это Светлана Варгузова, исполнившая партию Валентины, Владимир Богачев — партию Росильона, также снимались такие актеры, с которыми я работала в Москве, как Слава Шляхтов, Саша Маркелов, Эльвира Ряховская.

Что касается моего спектакля, впоследствии мне приходилось петь этот спектакль и с другим партнером, Владимиром Родиным,

который также был ведущим актером театра и пел практически партии всех героев как классического, так и современного репертуара.

Приходилось петь и играть сцену «вранья» и трио из этого спектакля и на концертах, так как ни один

С. Варгузова и Ю. Веденеев на сцене. Фото из театрального буклета

Концертное исполнение трио из оперетты «Летучая мышь». Розалинда — В. Юзвенко, Айзенштайн — Г. Гринер, Фальк — Н. Коршилов

концерт без этой сцены был немислим. Сцена действительна очень смешная, а вокальный номер «За что, о боже мой» является по праву мировым музыкальным шедевром.

Буквально на днях мы с моим мужем Валентином узнали о кончине нашей бывшей коллеги по Московскому театру, известнейшей и любимой всеми замечательной актрисы и певицы настоящей примадонны театра Татьяны Ивановны Шмыги. В память о ней хочется писать только в восторженных выражениях. Неутомимая труженица, обладательница безупречного вкуса, как вокального, так и сценического, Татьяна Ивановна была для всех нас, в то время совсем еще молодых, большим авторитетом и достойнейшим примером во всем!

В эту певицу и актрису я была влюблена еще со студенческих лет в театральной студии. Показы тогда по телевидению ее вокальных и танцевальных номеров никого не оставляли равнодушным. А ее исполнение номера «Карамболина» из оперетты «Фиалка Монмартра», на мой взгляд, вершина мастерства во всех смыслах.

Еще в те годы, я не помню как, но мне удалось раздобыть ее фотографию, которая хранится у меня и по сей день. Эта фотография мне очень нравится. Я ее храню, так же как и дорогие для меня вещи.

Несмотря на то, что ее уже нет, я думаю, что память о ней будет долго, долго жить в сердцах ее зрителей и ее коллег!

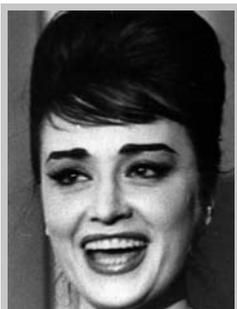

Фото Т. И. Шмыги, которое у меня хранится со студенческих лет

Сцена из спектакля «Любовь Яровая». Любовь Яровая — Т. Шмыга, Яровой — Г. Васильев

Следующим спектаклем в Московском театре оперетты, в который я ввелась, был спектакль «Марица» Кальмана. Этот ввод был, что называется, «наскоком».

Спектакль должны были везти на гастроли в го-

род Ярославль. Случилось так, что из-за болезни актриса, которая должна была петь партию Марицы, отказалась от поездки. Спектакль петь было некому. Вот тут-то и пригодился мой довольно большой опыт по вводам. Хорошее знание вокальной партии и роли позволило мне практически без репетиций спеть этот спектакль. Надеюсь, читатель помнит, как мне пришлось спеть этот спектакль в Симферополе, опоздав на него!

После «Марицы» обо мне заговорили не только как о хорошей певице, но и как о хорошей актрисе.

За год моей работы в театре я познакомилась с коллективом и обрела немало друзей.

Валентин Шевелев и наша поездка на Восток

Помимо спектаклей «Летучая мышь», «Марица» и концертов, в которых меня стали активно занимать, я должна была вводиться и в другие роли уже идущих спектаклей. Чтобы иметь представление об этих спектаклях, в которые мне нужно будет вводиться, да и не только об этих, я с большим удовольствием просиживала в актерской ложе и смотрела спектакли театра. Как-то раз на одном из таких спектаклей в ложу вошел молодой человек и, сев рядом со мной, тоже стал смотреть спектакль. Кроме нас на тот момент в ложе никого не было. Сидеть не общаясь было неловко, тем более что было ясно — никого из посторонних в актерской ложе быть не могло. Значит, это кто-то из труппы. Мы разговорились и познакомились. Молодой человек оказался артистом театра, только что отслужившим в армии. Это был мой тезка, тоже Валентин, по фамилии Шевелев.

Так получилось, что я, работая уже почти полгода в театре, ни разу не встречалась с ним на репетициях и спектаклях. Правда,

Сцена из спектакля «Василий Теркин» в правительственном концерте с автографом композитора спектакля А. Г. Новикова — В. Шевелев, Дед — С. Богачев, Баба — А. Котова

однажды увидев его на сцене в репетиции концерта, где он пел эстрадную песенку «Кристинка» (пел, надо сказать, очень хорошо, но как-то по-эстраднему, в микрофон, очень напоминая Льва Лещенко), я подумала — какой интересный молодой человек. Но вряд ли он будет в театре моим партнером. Ведь до этого моими партнерами были мужчины совсем другого типа.

Но жизнь распорядилась по-своему, и через год Валентин Шевелев стал не только моим партнером, но и... мужем. А произошло это так!

Под конец моего первого сезона работы в театре меня стали вводить в спектакль «Любовь Яровая», где мне нужно было петь и играть роль Любы.

Поручика Ярового же со мной репетировал Валентин Шевелев. На последней репетиции мы решили всей небольшой компанией, которая репетировала, пойти пообедать в ресторан, недалеко от театра, с тем, чтобы отметить окончание сезона! Как назло, сразу после репетиции меня вызвал к себе зам. директора по поводу квартиры, которую мне должны были вот-вот дать. Так получилось, что задержалась я у него надолго! Выйдя из кабинета, я была в полной уверенности, что меня уже никто не ждет! Но я ошиблась. Несмотря на то, что компания действительно распалась (ряд актеров разошлись по домам), меня ожидали двое. Это был Валентин Шевелев и еще один «рыцарь» театра, уже в возрасте. Мы втроем отправились в ресторан!

Пообедав, а заодно и поужинав, мы неплохо провели время. Жора должен был отправляться на вечерний спектакль, а мы с Валентином еще остались.... Домой меня провожал уже один кавалер! Но мы расстались друзьями.

С первых дней нашего отпуска небольшая группа актеров театра, в состав которой входила и я, отправилась на гастрольные заработки на Дальний Восток.

Таких групп в театре было достаточно. Концерты в отпуск, да и просто в свободные дни, практиковались часто, оплачивали их по концертным ставками от филармонии. В поездке концертов, как правило, было много, иногда в день по два и называлось это «чесом». Группы были сформированы по амплуа. Это была пара героев, пара простаков, пара комиков, ведущий, концертмейстер.

Я впервые была в такой поездке, поэтому запомнила ее надолго. Руководителем нашей группы был Борис Поваляев. Из актеров туда входили: Валерий Барынин, Валерий Бутейко, Валентин Шевелев, Александр Ткаченко. Из женщин помимо меня была Людмила Смарагдова. Концертмейстером был Николай Ермаков.

Гастроли проходили по городам и населенным пунктам Дальнего Востока. Из Москвы самолетом летели до Хабаровска, а оттуда уже добирались до нужных точек автобусами и самолетом и даже катером.

До сих пор помню, как мы на «АН-2» (такой небольшой «кукурузник») летели до местечка в горах, которое называлось «Арка». Никакого другого пути, кроме как воздушного, туда не было. Разместили нас в детском интернате, в огромной комнате, всех вместе. Но самое интересное, что кровати оказались маленькими, короткими, и чтобы как-то уместиться, нужно было их сдвигать и ложиться поперек, иначе вытянуться во весь рост просто бы не удалось! Готовили обед на маленьких плиточках из своих собственных запасов!

Перед концертом к нам приходили оленеводы и за бесценок продавали шкуры оленей, медведей и самодельные изделия из всевозможного меха. Но лучшим вариантом для них был обмен

ВЕСЕЛЫЙ

БЕНЕФИС

КОНЦЕРТ
в программе сцены и дуэты,
арии и куплеты из советской
и зарубежной музыкальной
комедии и оперетты

АРТИСТЫ
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕАТРА ОПЕРЕТТЫ

Любовь Петрикова
Ирина Сицова
Валентина Юзвенко
Борис Евсюков
Ефим Кациров
Дмитрий Твердохлебов
Валентин Шевелев

Концертмейстер
Наталья Филиппова
Концерт ведет
Ефим Кациров

Начало в... часов

Билеты продюлетс

Одна из афиш для концертной поездки от театра. Слева сверху — мы с Валентином в сцене из «Сильвы», слева внизу — в сцене из «Левши»

этих шкур на спиртное! Те актеры, у которых было спиртное, довольно много набрали всякой всячины из меха. Я тоже купила оленью шкуру и шапку.

Несмотря на трудности в этой поездке, концерты проходили на достаточно высоком профессиональном уровне, а к концу гастролей мы втянулись в этот режим настолько, что казалось, могли работать еще и еще.

Я пела соло и с Валерием Барыниным, замечательным, настоящим опереточным героем, очень хорошим вокалистом, дуэт из «Сильвы» Кальмана «Помнишь ли ты...». А еще мы пели и играли сцену «вранья» из оперетты Штрауса «Летучая мышь». В состав нашего трио помимо нас с Валерой Барыниным входил еще и Валерий Бутейко, исполнявший роль Фалька.

Потом-то на этих гастролях работать было действительно легко, а вначале... я вспоминаю наш самый первый концерт. Долгий перелет в Хабаровск (8 часов), потом добирались куда-то поездом, потом долго ехали автобусом. По приезде отдохнуть нам не пришлось, мы опаздывали. Нас привезли прямо в небольшой клуб, где мы должны были тут же начинать наш концерт. Распеться негде! Народ уже в зале! Мы устали смертельно, но нужно было взбодриться, сделать вид, что все хорошо, и выйти на сцену.

Помню свой ужас, когда я в красивом платье бодренько вышла на сцену и после эмоционального вступления на фортепиано, открыв рот, обнаружила, что голоса у меня совсем нет!.. Конечно же, сказалась дорога! Кое-как допев медленную лирическую часть из выходной арии Сильвы, перейдя на быструю танцевальную часть, я включила всю свою эмоциональность, яркое слово, чтобы достойно выйти из своего неловкого положения. Видно, мне это удалось! А дальше было проще. Довольно лихо мне удалось спеть арию Одарки из оперы Гулака-Артемовского «Запорожец за Дунаем», а уже последний номер, «сцена опьянения» из оперетты «Перикола» Оффенбаха, вообще прошел на ура! Ведь там не столько пения, сколько смеха и игры! Хотя и смеяться после такого долгого и нелегкого пути было тоже тяжело! Но зато эмоционально весь этот период непростых для меня гастролей я была на подъеме.

У нас с Шевелевым начался роман! После нашего похода в ресторан, узнав, что Валентин тоже едет в той же концертной бригаде

на гастроли, я была немало удивлена такой случайности, но, наверное, как теперь понимаю, ничего в этой жизни не бывает случайно.

Поклонников у меня было достаточно, причем таких, которые хотели бы со мной построить более серьезные отношения, нежели легкий флирт. Но поклонники поклонниками, а семья семьей, тем более что у меня уже есть ребенок. Но Валентин Шевелев так, наверное, не думал.... Не успели начаться наши гастроли, как Шевелев принялся активно искать моего расположения к нему...

Прилетели мы в Хабаровск днем, и до дальнейшего отъезда поездом у нас оставалось довольно много времени. Пригласив меня погулять по Хабаровску, Валентин захватил с собой гитару. Мы забрели в какой-то не то сквер, не то парк, сели на лавочку и Валентин стал мне петь романсы. Я, признаться, не знала, что он играет на гитаре, да еще и поет романсы.

Более того, в этой поездке помимо опереточных номеров он должен был их петь и в концертах. Пел романсы он замечательно! А с годами стал это делать просто превосходно! Я до сих пор с большим наслаждением слушаю его талантливое исполнение! Тогда же он старался особенно! Много говорил (что ему не свойственно). Его признания носили почти мистический характер. Говорил, что ему послано свыше, что мы должны быть вместе, что я должна стать его женой и т. д. и т. п. Такой напор был для меня несколько неожиданным. И хотя я отнекивалась, ссылаясь на то, что у меня муж и ребенок, и пыталась превратить все это в шутку, но его очень эмоциональные признания и его еще более эмоциональное исполнение романсов сделали свое дело!

После гастрольной поездки я отправилась провести остаток отпуска в Одессу с тем, чтобы навестить больную маму и забрать с собой в Москву сына. Как и обещали, мне дали в Москве двухкомнатную квартиру.

Валентин же приехал в Одессу вслед за мной. Из Одессы мы уезжали втроем с Андрюшей! Это было нашим окончательным

Валентин Шевелев

решением! Я вступила в новую, другую полосу своей семейной жизни...

Мою маму, серьезно больную, забрала к себе в Трускавец старшая сестра (она по образованию медсестра, а маме требовался уход), а мой бывший муж Вася, которому я благодарна за все годы нашей совместной с ним жизни, остался в Одессе. Мы разошлись...

Новая жизнь

Начался новый сезон. Квартира, которую я получила, была в районе метро «Октябрьское поле», на улице Глаголева. Из мебели не было ничего, кроме кушетки для сына Андрюши, которую на время дали из театрального общежития, и большой оленьей шкуры, на которой мы, расстелив ее на полу, и спали, и принимали гостей.

Стола у нас тоже пока не было. Нашу скромную свадьбу с Валентином, мы вместе с гостями отпраздновали за большим импровизированным столом, который соорудили из межкомнатной двери, сняв ее с петель и водрузив на спинки двух стульев! Но жизнь нам казалась интересной, удивительной и

Регистрация брака В. Юзвенко и В. Шевелева

полной всяческих событий. Мы активно работали в театре, готовили новые концертные номера! Мне удалось съездить вместе с дирижером Московского, уже ставшего моим театра на гастроли в Бакинский театр оперетты, где я раньше работала и где, как и я, трудился до меня и наш дирижер Эльмар Аббусалимов. Бакинский зритель нас не забыл и принимал очень тепло. Не оставили нас без

Искусство хорошего настроения

Отлично выступила в гастрольных спектаклях В. Юзвенко. Красивый голос, ровно звучащий во всех регистрах, с выразительными верхами, прекрасная внешность и актерские данные позволяли актрисе создать емкие сценические образы Сильвы, Марицы, чуждые опереточных штампов.

Вырезка из газетной рецензии на гастрольные спектакли с моим участием в Баку

внимания и театральные критики в газетных рецензиях. Но главное я должна была еще закончить консерваторию, в которой мне разрешили доучиться заочно.

Валентин, хорошо владеющий фортепиано, очень помог мне в подготовке госпрограммы. Мне нужен был советский романс. Недолго думая, я попросила Валентина, зная, что он пишет музыку, написать мне этот самый советский романс на мой стих «Ромашка». Романс удался! На государственном экзамене я его, как и всю свою программу, спела на «отлично»!

С большой благодарностью вспоминаю своих преподавателей из консерватории, которые хорошо понимали, что нам необходимо знать и чего нам знать совсем не обязательно! Помню свой экзамен по научному коммунизму. Взяв билет и сев за парту, я нашла на полке под партой всю необходимую мне литературу, с которой беспрепятственно списала ответы, так как педагог с удовольствием «забаррикадировался» цветами. Подготовившись, я собралась отвечать на билет, делая вид, что все хорошо знаю, но педагог остановил меня, пробежал глазами по моему черновику и вдруг спрашивает:

— Нет ли у вас, Валя, фотографии из какого-нибудь вашего спектакля? Мы с семьей любили ходить на спектакли с вашим участием!

Как раз по пути в консерваторию я зашла в фотоателье, где работала моя приятельница, и та дала мне целую кипу моих фото в разных ролях. Я с большим удовольствием подарила учителю не одну фотографию со своим автографом и получила в зачетку свою «заслуженную» пятерку! Так что я неплохо знаю научный коммунизм....

Гастроли в Башкирии

Во время текущего сезона меня пригласили еще на одни гастроли в Уфимский оперный театр, спеть только что выпущенный премьерный спектакль И. Кальмана «Марица». Гастроли прошли с большим успехом, и тут же было получено еще одно приглашение для повторных гастролей в партии Марицы. Но чтобы побольше заработать, было договорено с дирекцией Уфимского театра сделать еще и большой концерт оперетты с участием Валентина Шевелева и нашего коллеги по Московскому театру Ефима Кацирова.

Мы с Валентином должны были петь в этом концерте свои сольные произведения, а также дуэты из оперетт, а нагрузка по ведению концерта должна была лечь на плечи Ефима Кацирова, очень хорошего комического актера. С Фимой и я, и Валентин должны были еще делать ряд смешных характерных дуэтов. Все было хорошо распределено, продумано. Мы без суеты успевали переодеться перед номерами. Я поехала в Уфу раньше для участия в спектаклях «Марица».

*Сцена из спектакля Кальмана
«Марица» в Уфе*

Мне удалось в этот приезд еще более удачно спеть все свои спектакли и получить массу комплиментов и поздравлений в свой адрес. После первого спектакля в газете была опубликована очень лестная для меня статья под заголовком «Прима Московского театра оперетты». И хоть я вовсе не считала себя примой столичного театра и не претендовала на это звание хотя бы в силу того, что к этому времени просто еще мало проработала в театре, да и настоящей примой Московского театра была Татьяна Шмыга, все же мне было безумно лестно увидеть о себе статью под таким заголовком. Писали, что, оказывается, спектакля раньше не было, потому что не было Марицы, а вот теперь с Валентиной Юзвенко в роли Марицы все стало на свои места, и весь актерский ансамбль «зазвучал» по-другому. Было в этой статье написано еще много прекрасных, даже возвышенных слов и в адрес моего вокала, и в адрес моей игры. Очень жаль, что эта рецензия у меня не сохранилась, я ее сама испортила, желая сохранить и наклеив на картон. Но пусть читатель мне поверит на слово, что эта рецензия была для меня замечательной. Там даже были строки, где писали, что если и возможна Марица, то она должна быть такой, какой создала ее Валентина Юзвенко. Понятно, что после этой рецензии остальные спектакли прошли для меня с особым настроением и

подъемом. Словом, все было прекрасно.

Вечером на второй день после спектаклей должны были прилететь в Уфу Валентин с Фимой, и назавтра у нас концерт. По всему городу уже висят афиши.

Я поехала в аэропорт с администратором театра встречать своих партнеров и о, ужас! Прилетел только один Валентин! Оказывается, Ефима Кацирова в последний момент задержали в театре — он должен был петь спектакль в Москве. Я была

в панике! Видя, как я расстроена, Валя стал меня утешать, сказав, что он уже все продумал в самолете и сделает на концерте все не только за себя, но и за Фиму. В качестве комического актера, да еще и ведущего, я Валентина совсем не знала и, конечно, очень волновалась!

Сцена Марицы и Зулана в сп. Уфимского оперного театра

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ БАССР
**БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР
ОПЕРЫ И БАЛЕТА**

ГАСТРОЛИ
В помещении ДК металлургов
солистов Московского государственного театра оперетты

ВАЛЕНТИНЫ ЮЗВЕНКО
ЕФИМА КАЦЫРОВА
ВАЛЕНТИНА ШЕВЕЛЕВА

МАРИЦА И. Калман
Музыка — В. Кюммель

ВЕЧЕРА ОПЕРЕТТЫ
с участием В. Юзвенко, Е. Кацирова, В. Шевелева

29
8, 10, 12
2, 7, 9

Начало в 19 час. 30 мин.

Для того, чтобы мы успевали переодеться перед разными номерами, нам еще дали балетную пару.

Надо отдать должное способнейшему Валентину Шевелеву, а именно его умению не только не растеряться на концерте, а, наоборот, все сделать на высоком художественном уровне!

На концерте он не переставал меня удивлять! И вел концерт, и помимо своих номеров работал со мной и номера за Кацирова, причем

делал это так, как будто занимался этим всю свою жизнь — настолько все было органично! И как только он успел все это выучить! Словом — он молодчина!

Балет здорово украсил наш концерт. Оркестр играл очень хорошо! Все прошло замечательно! Но переволновались мы изрядно.

Концерт закончился поздно. Мы решили поужинать, а ресторан при нашей гостинице уже закрывался. Но нам как «героям» все же дали что-то поесть. Помнится, мы еще заказали по 100 грамм водки! Но от того ли, что мы очень сильно переволновались, от того ли, что мы были голодные, а может, и от того и от другого вместе, нас от этих 100 грамм так развезло, что мы еле добрались до своего номера.

В номере не было ванной, а была душевая кабина. И вот мы забрались в эту душевую кабину на пару и, что называется, «лыка не вязали», и смеялись, смеялись, не переставая, понимая, как смешно мы пьяные выглядим в глазах друг друга.

После этих концертов перед нашим отъездом мы получили от директора приглашение еще приехать с концертами, и не только в Уфу, но и в другие города Башкирии, в том числе и в Стерлитамак.

Мы прияли это предложение, тем более что мне очень хотелось поехать с концертами в город, где жил мой отец со своей семьей. Помимо Виталика, моего брата по отцу, в семье папы и тети Тани подрастала моя сестричка Светланка.

Концерты действительно вскоре состоялись. Нас прекрасно принимали не только на сцене, но и в гостеприимной семье Юзвенко.

Конечно, на концертах в Стерлитамаке побывали все родные и знакомые. Мне кажется, что моему не очень разговорчивому папе было приятно слышать свою фамилию со сцены, и, наверное, он был горд, что во мне воплотилась его давнишняя мечта, связанная с пением. В этот вечер я подумала, что правильно сделала, не сменив при замужестве фамилию! Ведь обладая прекрасным от природы поставленным голосом (тенором), думаю, что в душе он мечтал быть настоящим певцом и артистом.

*Дуэт Маши и Левши
из оперетты «Левша»
Лескова — В. Юзвенко и
В. Шевелев*

Мой папа (в центре) со своими сестрами (в первом ряду) и братьями (по бокам во втором ряду), невестками, зятями, племянниками и племянницами.

Нужно работать, петь и быть в форме!

Вернувшись с гастролей в Москву, мы окунулись в свои творческие и житейские будни! Когда мы куда-то уезжали, с Андрюшей оставалась Валина мама Анна Андреевна, а так все было на нас. Самое сложное было вставать рано утром, чтобы отвести Андрюшу в садик.

Поначалу мы его устроили в садик на продленку, чтобы не забирать его хоть тогда, когда у нас у обоих спектакль! Но Андрюшке это не понравилось, оно и понятно, и мы перевели его в обычный садик рядом с домом и выкручивались, как могли.

Помнится мне, как накануне моего дня рождения (на день раньше) приехала к нам в гости Татьяна Карповна — актриса, с которой я работала в Свердловске. Она переехала на постоянное место жительства в Подмосковье, и это был ее первый визит к нам. Я знала, что вроде бы нехорошо праздновать день рождения даже днем раньше, но делать было нечего — у нас гостя, она поздравила меня, а назавтра ей нужно уехать.

Словом, праздник у нас состоялся днем раньше. Это было даже кстати, так как у Валентина на завтра был спектакль.

На второй день, именно в мой день рождения, мы с Валей пошли мне за подарком. Купили неплохой осенний плащ. Я позвонила сестре в Трускавец, узнала, что мама чувствует себя лучше, и в хорошем настроении мы отправились в театр. Валя пошел на сцену, а я, как всегда, решила посмотреть спектакль из актерской ложи. Шел спектакль «Тетюшка Чарлея». Как сейчас помню свое настроение и самочувствие — оно было одним из лучших! Все кругом просто замечательно!

Я сидела и думала, что, наверное, уже ничто не сможет сегодня омрачить мое настроение. Именно в этот момент, зная, что я в актерской ложе, мне передали, что умерла моя мама.

Я проплакала всю дорогу в метро и электричке, когда мы ехали в Люберцы к Валиным родителям, где был на выходных наш Андрюша. А на завтра мы выехали на Украину на похороны...

Сцена из спектакля «Тетка Чарлея». Слева направо — А. Сурагина, И. Гулиева, В. Шевелев, Е. Кациров, в центре — В. Мишле

Моя мама Синева Анастасия Никифоровна в последние годы жизни

Это была первая смерть самого близкого мне человека. Моя бабушка, мамина мама, умерла годом позже.

Валюша мне очень помог все это пережить, за что я ему безмерно благодарна.

А переживать пришлось много и долго. Вначале все было как-то проще, в делах, в заботах. Заехал к

нам в Москву мой брат Валера с семьей. Приехал папа с тетей Таней. Нужно было всех принимать, устраивать. А потом нервное перенапряжение, депрессия дали о себе знать, самочувствие было ниже среднего, а нужно было работать, петь и быть в форме.

«Сырухи»

Зарекомендовав себя в театре неплохой вокалисткой-актрисой, исполняя главные партии, я обзавелась поклонниками, которых в театре оперетты было много. У каждого актера из ведущих были свои поклонники, и актеры их между собой почему-то называли «сырухами».

Почему их так называли, я толком не знаю. Краем уха слышала, что это название пошло от поклонниц Сергея Лемешева. Они в плохую дождливую погоду дожидались выхода из театра своего кумира в магазине «Сыр» (поэтому «сырухи»), который в то время находился напротив служебного входа в театр. Так вот такие «сырухи» появились и у меня.

Они бывают разные! Есть такие поклонники, которые разбираются в сценическом творчестве, хорошо знают жанр и оценивают тебя с этих позиций.

А бывают и такие, которые ведут себя неадекватно и устраивают целые спектакли в спектакле! Вот одна из моих поклонниц и была такой. Все поначалу было нормально. Ей очень нравился спектакль «Марица» Кальмана с моим участием, и не было ни одного спектакля, который бы она пропустила и не принесла цветов.

Вот пишу, а сама думаю: ну, надо же, сколько спектаклей «Марица» я перепела в своей жизни! В каждом театре, где бы я ни работала, наряду со спектаклем «Сильва» обязательно шла и «Марица». А если еще учесть, что мне приходилось петь этот спектакль не только в своих театрах, но и на стороне, то, пожалуй, из оперетт я действительно больше всего пела «Марицу».

В. Юзвенко в роли Марицы

Но вернусь к своей «сырухе». Так вот, с каждым спектаклем цветов было все больше и больше!

На сцене после окончания спектакля «Марица»

когда эта «режиссура» стала носить для меня несколько назойливый характер, воспротивилась:

— Почему это я должна раздавать эти букеты под чью-то диктовку, и что это за странные подношения цветов, которыми я не могу распоряжаться по своему усмотрению?! И вообще... для кого она носит эти цветы!!!

В роли Сильвы в концертном исполнении

Но затем, когда я узнала, что среди московских «сырух» целые соревнования, кто из них оригинальней и больше поднесет букетов своему кумиру, да еще кем-то из актеров, было высказано предположение, что эти цветы «сырухи», наверное, берут на кладбищах, мне стало совсем не по себе.

Я удивлялась — сколько же надо зарабатывать и как надо любить театр, чтобы покупать такое количество цветов! И чем дальше, тем было все «круче».

Затем я стала получать от нее записки, в которых она мне сообщала, что вот в следующий раз, после окончания первого акта, я вам брошу два букета с верхней ложи, а вы отдадите их артистам хора — один букет вправо, другой влево! А вот после второго акта букет, который я вам брошу из ложи с другой стороны сцены, вы отдадите дирижеру. А самый большой букет вам вынесут в конце для вас.

Сначала меня это забавляло, а

С Валентином Шевелевым в концертре

Через других поклонниц я передала «своей», чтобы она мне больше не носила цветов и больше мной не дирижировала.

Мне передали, что она на меня обиделась!

По правде сказать, я вовсе не переживала по этому поводу, скорее наоборот, что-то, а уж в поклонниках и цветах в моей творческой жизни даже к тому времени у меня недостатка не было.

Но вряд ли эта поклонница перестала быть «сырухой». Думаю, что она просто переметнулась к другой актрисе или актеру, поскольку «сыруха» в Московском театре оперетты — это почти профессия.

Мюзетта в Станиславском

Как-то мне предложили спеть партию Мюзетты в опере Дж. Пуччини «Богема» в музыкальном театре Станиславского и Не-

БОГЕМА		Музыка Д. ПУЧЧИНИ	Либретто Л. ИЛИКА и Дж. ДЖАКОЗА по роману А. МЮРЖЕ «Жизнь богемы»	Музыкальный театр Станиславского и Немировича-Данченко
Опера в 4 актах				
Действующие лица и исполнители (по алфавиту):				
Мими	заслуженная артистка РСФСР	Н. А. Авдошина ✓		
	заслуженная артистка РСФСР	В. А. Каевченко		
	заслуженная артистка РСФСР	Г. А. Писаренко		
		Л. А. Черных		
Мюзетта <i>Кубенко</i> ✓	заслуженная артистка РСФСР	Л. К. Захаренко		
	заслуженная артистка РСФСР	Г. С. Кузнецова		
	заслуженная артистка РСФСР	Г. А. Писаренко		
	заслуженная артистка БАССР	А. И. Шитикова		
		Л. А. Черных		
Рудольф	заслуженный артист РСФСР	Н. Л. Гуторвич		
	заслуженный артист АзССР	И. А. Джафаров		
	народный артист РСФСР	В. В. Кудряшов		
		А. М. Мишевский		
		В. М. Марутаев ✓		
Марсель	заслуженный артист РСФСР	Л. Г. Екимов		
	заслуженный артист РСФСР	О. В. Кленов		
	заслуженный артист РСФСР	Я. Р. Кратов ✓		
Шонар		А. М. Бойцов		
		В. Н. Свистов ✓		
		В. И. Темичев		
Коллен		Л. О. Зимненко ✓		
		В. А. Маторин		

Программа спектакля «Богема» Московского музыкального театра Станиславского и Немировича-Данченко

мировича-Данченко. Нужно было выручить спектакль. Мне дали ряд репетиций.

Партия по своему вокальному объему не очень большая, но очень эффектная и красивая. Я ее довольно быстро выучила. Репетиции были полноценными, с партнерами, все так, как и должно быть!

И вдруг перед самым спектаклем я заболеваю. У меня трахеит! То есть воспаление трахеи! Надо сказать, что у меня особое отношение к этому заболеванию. В моей творческой жизни я раза два-три вообще не могла с трахеитом издать нормального звука. Что называется, «открывает рыба рот...» и т. д.

Что делать? Отказываться неудобно. Ходили на мои репетиции партнеры! А до спектакля остается два дня.

Недалеко от нашего дома (а мы жили в Москве на улице Глаголева) жила прекрасная целительница и вокальный педагог Александра Стрельникова. Та самая, чья дыхательная гимнастика на сегодняшний день широко известна и популярна.

Мой муж Валентин в свое время у нее занимался. Как-то взял туда с собою и меня. Тогда мы с Александрой Николаевной и познакомились.

Я с большим удовольствием наблюдала, как Александра Стрельникова занималась сначала с больными, а потом с вокалистами, что называется, увидела эту методику из первых рук.

Валя же был давний поклонник этой гимнастики и рассказывал о воздействии этих дыхательных упражнений на здоровье певца — просто чудеса! И было решено — не буду отказываться от спектакля до последней минуты, а буду усиленно делать гимнастику Стрельниковой.

Делала я эту гимнастику по несколько раз в день. Валентин осуществлял за мной контроль и корректировал мои занятия, поскольку сам прекрасно справлялся с этими упражнениями.

Результат не заставил себя долго ждать! Не могу сказать, что я спела этот свой первый в жизни оперный спектакль в отличной вокальной форме, но то, что он был спет профессионально и без больших потерь для партии, это точно! Словом, все прошло весьма и весьма удачно!

Конкурс в Большом театре

Окрыленная успехом в театре Станиславского и Немировича-Данченко и узнав, что в Большом театре будет конкурс, я решила попытаться счастья и там, тем более что Большой находится рядом с театром оперетты.

В моей программе, которую я готовила для государственных экзаменов в консерватории, была замечательная, очень показательная ария Эльвиры из оперы Дж. Верди «Эрнани». Это лирическая, очень высокая и во второй части техничная ария.

Концертмейстер из Большого театра Костя Костырев, который помогал мне готовиться к конкурсу, был почему-то против этой арии. Он считал, что мне нужно срочно выучить арию Аиды у Нила, так как, по его мнению, в театре всегда не хватает Аид. Это очень трудная ария, но я послушалась Костю и вот вместо впетой арии Эльвиры решила спеть на конкурсе быстро выученную арию Аиды у Нила.

Что творилось на этом конкурсе!!! Народу тьма! Еще бы! Все хотят петь в Большом театре! Помимо молодых певцов из других театров очень много выпускников и студентов консерваторий и я! Ни больше ни меньше — из оперетты! Если честно, я так волновалась, что не помню, как спела...

По окончании этого грандиозного прослушивания объявили две или три фамилии тех конкурсантов, которых взяли в театр. А вот Юзвенко и ... (назвали еще одну фамилию) просят подойти к председателю конкурсной комиссии Ирине Архиповой. Вот тут я заволновалась! А вдруг еще не все потеряно!

Ирина Архипова отметила мой красивый верхний регистр голоса, но сказала, что ей кажется, что мне не нужно было петь эту арию (видно, сказала недостаточная впетость), и спросила, что я пела в консерватории. Я ответила, что пела арии и лирического, и лирико-драматического репертуара, но в основном лирические, и изъявила готовность спеть еще арию Эльвиры.

Но она не стала слушать, ни меня, ни вторую девушку, объяснив мне, что это будет нечестно перед остальными конкурсанта-

ми, что дается только одна попытка, и предложила прийти на следующий конкурс. Так ни я, ни вторая девушка не поняли — зачем нас подзывали к Архиповой. Эту вторую девушку звали Таней Черкасовой, с которой позже мы и познакомились поближе в Петербурге, став солистками и коллегами в Малом оперном театре, который впоследствии стал называться театром им. Модеста Петровича Мусоргского, а сейчас называется — Михайловский театр оперы и балета.

На следующий конкурс я и не пыталась попасть, так как в это время мне нужно было ехать в Одессу сдавать государственные экзамены.

Спела я экзамен на «отлично»! Председателем комиссии был главный дирижер театра оперы и балета в Минске в Белоруссии Воцак (к сожалению, не помню его имени).

После экзаменов он предложил мне работу в своем театре, и первыми моими партиями должны были стать Чио-Чио-сан из оперы «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини и Татьяна из оперы Чайковского «Евгений Онегин».

Но, честно говоря, несмотря на всю заманчивость предложения, ехать в Белоруссию из Москвы мне не хотелось. Да к тому же мы ждали ребенка!

Маленький Володя

Родился второй сын — Володя, и несмотря на пеленки, кормежки, я довольно быстро, как и после первых родов, вошла в вокальную и телесную форму.

Пробыла в декрете ровно столько, сколько было положено в то время, — 56 дней. А во время беременности тоже пела почти до самого декрета. По-другому в то время и быть не могло!

Оплачивали только декрет, запаса денег не было. Нужно было работать. Может, поэтому, как и в первый раз, я очень быстро оправилась после родов.

Дело было летом, а к началу сезона я, уже будучи достаточно стройной, разгуливала с маленьким Вовочкой в колясочке, которую нам подарили от театра, таким образом поздравив с большим семейным событием!.. А я очень серьезно стала подумывать об оперном театре....

Валентин с Андреем и Володей в Люберцах у родителей

Мы с Валентином, Андреем и Володей в гостях у родителей Валентина Анны Андреевны и Николая Матвеевича в Подмосковьё

Глава 9.

«МАЛЫЙ — МУСОРГСКОГО — МИХАЙЛОВСКИЙ»

Мы в Малом оперном!

Володе исполнилось 10 месяцев, и мы решили с Валентином, что если и уедем из Москвы, то только в Ленинград и... поехали прослушиваться в Кировский (ныне Мариинский) театр оперы и балета.

Здание Малого — Мусоргского — Михайловского театра

Но в театре не оказалось никого, кто бы мог нас прослушать. Все были в отпуске. Но зато Малый театр оперы и балета еще дорабатывал свой теат-

ральный сезон, и нами было принято решение: раз уж приехали, то прослушаемся туда.

Нам очень повезло. Все произошло быстро. Художественный руководитель театра Станислав Леонович Гаудасинский вместе с заведующим труппой в то время Виктором Куцем в первый день послушали нас под рояль, а во второй день мы спели им с оркестром. Я пела арию Мюзетты из оперы Дж. Пуччини «Богема», а Валентин — ариозо Онегина из оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин». Нас сразу взяли! В театре как раз нужны были сопрано и баритон.

Труппа Малого оперного театра ушла в свой очередной отпуск, мы же поехали домой в Москву, чтобы за это время уволиться из театра оперетты и новый сезон начать уже в Ленинграде.

Наше заявление об увольнении вызвало в театре большое недоумение. Все не понимали, как можно из Москвы куда-то уезжать. Помню, как Герард Васильев призывал нас одуматься:

— Как можно ехать в какую-то тьму таракань из столицы! Но, узнав, что мы уезжаем в Ленинград, в общем одобрил наш выбор города, хотя и не знал, что мы едем работать в оперный театр — мы это тщательно скрывали! А как нас уговаривал директор театра опомниться и не делать глупости, не увольняться из театра, и его можно было понять. Он терял двух ведущих артистов! — Ах, эта Юзвенко! Мало того, что сама уезжает, так еще и Шевелева увозит!..

Но нам, особенно мне, хотелось перемен! Хотелось попасть в новую творческую струю! Хотя было несколько страшновато срывать Валентина с такого почти насиженного места, где его творческая биография складывалась очень и очень удачно!

Помню, когда после прослушивания мы ехали из Ленинграда в Москву, в поезде я его спросила, не боится ли он перехода творческого из жанра оперетты в жанр оперный.

— Да что ты! — ответил он. — Даже петь «Кушать подано» — в опере это уже большое счастье!

И вот мы в Ленинграде!

Поселили нас в старом общежитии, прямо в здании театра. Вход в это общежитие был с внутреннего двора театра. Находилось же это самое общежитие на последнем этаже.

У нас была довольно большая комната — двадцать квадратных метров. Из этой комнаты мы сделали две комнаты — нашу спальню и детскую!

А сделали это интересным образом, разгородив комнату картонными ящиками из-под бутылок так, что с одной стороны комнаты это была как бы стеночка, а с другой стороны ячейки для бутылок этих ящиков служили нам полочками. Мебели лишней не было! Стол и кровати были театральными.

В общежитии театра. Слева направо — Е. Паскевич, Е. Рубин, Р. Якубцинер, В. Шевелев

Мы решили сезон пожить так, пока не поменяем московскую квартиру, да и вообще посмотреть, насколько приживемся в этом коллективе.

Длинный коридор общежития с кухней и туалетом объединял еще несколько комнат.

Помимо нас в одной из комнат жили бывшие работники театра из обслуживающего персонала, затем Таня Черкасова со своей семьей, еще балетная пара, затем наш солист оперы Евгений Паскевич. Завершала перечень жильцов этажа нашего общежития очень странная пара настоящих алкоголиков, непонятно, как оказавшихся в этом театральном общежитии, но давно здесь живущих, тихих и вечно пьяных.

У нас был график дежурств, по которому мы убирались на кухне и в туалете. Ванной комнаты, как и горячей воды, в этом общежитии не было. Условия были очень плохие! Мы постоянно боролись с тараканами и клопами, которых было много. А это был уже 1981 год.

Как-то я зашла к Жене Паскевичу, смотрю, а его железная кровать (тоже театральная) стоит чуть ли не посреди комнаты и ножки этой кровати стоят в железных банках из-под консервов с водой.

С мужем Валентином и сыном Андреем на прогулке в Михайловском саду

Я поинтересовалась, для чего это нужно. Оказывается, таким образом он оберегал свое спальное место от клопов. А надо сказать, что его комната находилась рядом с комнатой наших алкоголиков...

— Так представляешь, — жаловался Женя, — клопы такие хитрые, они залазят на потолок и оттуда уже падают на кровать!

К большому счастью, в нашей комнате клопов не было, но с тараканами мы боролись регулярно!

Андрюшку мы устроили в детский сад тут же, на площади Искусств, куда ходили наши театральные дети, а вот маленького

Володю мы в такие условия взять побоялись и оставили его пока в Москве с Валиной мамой Анной Андреевной и папой Николаем Матвеевичем.

Каждый месяц, а то и два раза в месяц, мы ездили повидаться с Вовочкой и родными Вали, и довольно часто они приезжали к нам в Ленинград.

Помню, однажды был курьезный случай. Мы ждали их приезда, и решено было по этому случаю наготовить много пельменей. Нам это удалось! Чтобы они сохранились, мы их заморозили на козырьке окна нашей комнаты. Была зима. Холодильника, конечно же, у нас в общежитии не было.

Когда пельмени замерзли, мы их сложили в пакет и, оставив там же, на козырьке, стали дожидаться приезда родных.

В это время мороз сменился оттепелью, и когда пришло время варить эти пельмени, мы обнаружили вместо пельменей большой ком из слипшихся размороженных пельменей, который разъединить уже было невозможно. Все наши труды пропали даром...

А однажды, собравшись на выходной в Москву, мы, придя на вокзал, обнаружили, что билеты на поезд оставили дома. Я с Андрюшкой осталась у вагона с вещами, а Валя стремглав бросился за билетами. Хорошо, что наше общежитие находилось довольно недалеко от вокзала, и хорошо, что у нас был запас времени. Валя примчался в последний момент, и мы все, изрядно переволновавшись, успели вскочить в вагон!

С поездом у нас с Валентином связан еще один забавный случай.

Пару лет тому назад мы собрались в отпуск к Черному морю в Скадовск Херсонской области, где в последнее время часто летом отдыхали.

*С сыном Володей у родителей мужа Валентина
в Подмосковье*

Заранее взяв билеты на поезд, решили до отъезда побыть у себя на даче.

Накануне отъезда, уже отправляясь с дачи в город, Валя, сидя за рулем машины, попросил меня посмотреть по билетам, какой у нас номер вагона. Когда я вытащила из сумки билеты и стала смотреть, вдруг с большим недоумением обнаружила, что наш поезд не завтра, а сегодня и по времени он уже ушел! Видимо заморочив голову кассирше во время покупки билетов что касается даты отъезда, мы у кассы не проверили толком эту дату и были за это наказаны.

Обнаружив это, мы почему-то стали, не стовариваясь, вместе смеяться по этому поводу. Смех у нас думаю, был нервный, и смеялись, конечно, над собой...

Приложив усилия и все свои имеющиеся пробивные способности, мы все же взяли билеты на следующий день в свой любимый курортный городок Скадовск.

В театральном общежитии мы прожили недолго. За год нам удалось поменять московскую квартиру на Ленинград, а вот балетные ребята и наша солистка Таня Черкасова там подзадержались!

Но потом это общежитие аннулировали. Наши алкоголики так там и умерли, а ребят перевели в общежитие, которое существует и по сей день, с входом с канала Грибоедова. Правда, там уже живут другие молодые актеры!

Начала я сезон с лета, спев Мюзету в «Богеме». Это была единственная партия, которую я знала, и большого количества репетиций мне было не нужно.

Дебют мой прошел довольно успешно, но с особым волнением и трепетом я ждала репетиций с главным режиссером театра Станиславом Леоновичем Гаудасинским по вводу меня в партию Марии в опере нашего современного питерского композитора Сергея Слонимского «Мария Стюарт».

Сцена из спектакля «Богема». В центре Мюзетта — В. Юзвенко

Первая репетиция с режиссером С. Л. Гудасинским

Готовилась я к этой репетиции основательно! Читала литературу о Марии Стюарт, как могла выстаивала внутренний мир своей героини. Словом, работала над ролью так, как привыкла работать в оперетте, где застольные читки обязательны и разбор ролей тоже.

Пришла я на первую репетицию, как мне казалось, во всеоружии. Я думала, мы начнем сначала. Но каково же было мое удивление и недоумение, когда ничего этого мне не понадобилось!..

Система работы Станислава Леоновича с актером заключалась совсем в другом — надо было работать с мыслью! Выносить мысль!

Мы начали репетировать с арии «Шотландия моя». И вот не успела я спеть первую фразу «Шотла-а-ндия, убо-о-га-я-а и злая» и т. д., как слышу:

— Стоп! Не получается! Не идет мысль!

И так раз 20–25! И ничего не выходит.

С такой работой режиссера я сталкивалась впервые, хотя читатель понял, что работала я со многими режиссерами, но тут я почувствовала себя беспомощной и обескураженной.

Так закончилась первая репетиция с главным режиссером, а мне казалось, что я ничего не поняла и ухожу с репетиции ни с чем. Но так только казалось! Была вторая и третья репетиция, и мало-помалу я поняла, чего добивается от меня Станислав Леонович! Не прошло и 25 лет!

И только теперь, мне кажется (заметьте — кажется), я до конца поняла, что такое собрать мысль и что такое работать ею! Ее выносить! Ах, какая хрупкая и тонкая, еле уловимая эта актерская мысль! Скорее, ощущение мысли эмоциональное!

Сейчас, занимаясь с учениками по вокалу, я обязательно обращаю внимание учеников на вынос мысли, так как без этого невозможен правильный вынос звука и хороший вокал.

С. Л. Гудасинский

Я считаю, что нам «старикам» которых в свое время набрал Станислав Леонович Гаудасинский, повезло. Ведь он сам много работал с актерами, в отличие от сегодняшней ситуации в театре с молодежью! Я ему за это очень благодарна, но это понимается сейчас. А тогда... полная беспомощность и непонимание.

Да и не только я! Многие, если не сказать все, не понимали сразу некоторые образные фразы Станислава Леоновича, или «Гаудаса», как мы его называли между собой. Его реплики типа «иди глазами» были предметом закулисных шуток. Вот что по этому поводу писал поэт Ю. Монковский в своем стихотворении «Факел Скальда», посвященном премьере в нашем театре оперы «Мария Стюарт» Сергея Слонимского, спектакля который поставил Станислав Леонович Гаудасинский.

В своем стихотворении Юрий Александрович описывает репетицию этого спектакля:

«Погибла сцена безнадежно!
Вот он — невежества предел!
И «Стас» в экстаз: —
Ну, сколько можно?!
Где Риччо, Рутвен, Босуэл?!
...Да меч взметните свой хотя бы!!!
Ведь он не плетка для быков!..
И вдруг: Король, уймите бабу! —
Взревел не вовремя Гладков.
А короля финал хоккея
В кулисах за душу берет..
— Стоп!.. Где актеры?.. Нет Дарнлея!..
Мне эта вольность «в ноздри бьет»!
Представьте, рыцарь говорит мне:
«Коня! Полцарства за коня!..» —
Все надо делать в темпоритме
Иди глазами на меня!

В этом стихотворении автором упоминаются персонажи оперы, которых исполняли наши солисты мужчины большие любители поиграть в шахматы и посмотреть футбол.

Из-за этого были на репетициях частые опоздания на сцену. Особенно это касалось нашего актера, исполняющего роль короля Дарнлея, к сожалению, уже довольно давно ушедшего из жизни Славы Буреева, которого мы коллеги по-дружески называли Буркой.

Слава был чуть ли не основателем нашего мужского клуба шахматистов. А клуб был в нашем театре внушительный. Играло в нем довольно много наших мужчин-солистов. И устраивались в этом клубе целые турнирные соревнования. Все это было поначалу за неимением комнаты отдыха в актерском коридоре.

Очень часто шахматные баталии достигали своего эмоционального пика, да такого, что возбужденные возгласы и крики были слышны в гримерках, и тогда тем солистам, особенно солисткам, которые готовились к спектаклю, ничего не оставалось, как резонировать игроков.

Увлечение шахматами в театре длилось, долгие годы. И конечно, опозданий и всяких курьезных случаев в связи с этим было много вплоть до опозданий на свои выходы во время спектакля, и даже появления на сцене из мест, по логике, невозможных, как, например, из печки, что однажды имело место в детском спектакле. Опаздывающим на выход в этом случае и был тогда Слава Буреев.

Сейчас это вспоминается с юмором, а тогда, я думаю, опаздывающему Славе было не до шуток, поэтому он и выскочил на сцену из первой попавшейся «дырки» — кто ж знал, что это была печка...

Вот такие случаи с опозданиями и имели место на репетиции, о которых выше в своем стихотворении пишет Юрий Александрович Монковский.

В то время, когда мы пришли в театр, Юрий Александрович после завершения карьеры балетного артиста в Кировском театре вместе с Норой Сокольской работал в нашем театре помощником режиссера и принимал самое непосредственное участие в репетициях спектаклей Станислава Леоновича. А мы же частенько в свой адрес слышали от него замечательные стихи, декламируемые им на наших «банкетах» в дубовой комнате.

Ю. А. Монковский

Стихотворение «Гимн талантам», написанное 2 марта 2000 года, Юрий Александрович написал к товарищескому вечеру солистов оперы, посвященному 23 февраля и 8 марта.

К тому времени он уже не работал в театре, но с удовольствием отозвался на наше приглашение. Поскольку оно было посвящено артистам нашего театра, я позволю себе его здесь опубликовать.

Гимн талантам

Прошел недавно день солдата, и — от казарм отстранены, —
Потенциально вы, ребята, Бойцы, защитники страны!
Встав под знамена Мельпомены, В делах и славе велики,
Вы в бой бросаете со сцены свои вокальные полки!
Героем первым к славе прямо идет Буреев наповал
Он валит всех «Эпиталамой», когда берет ее финал!..
Другой воитель страстью дышит
На диафрагму, ставя звук: «Не этим ведь картину пишут!»
Вещает Скарпио-паук.
О, как рельефен Ненадовский
в кольце слепящего луча,
Когда он стрелку шпаги плоской втыкает в стену сгоряча!
Совсем другой артист Сафенин! —
Сам князь Хованский! — «Спаси Бог!»! —
А сядет к сцене на ступени и театральных ловит блох(!)..
Не помню, был ли Князь-Корженский
Когда-нибудь слугой пера, певцом любви, поэтом Ленским,
Но пел он Князя у Днепра!..
Был и Лукьянов тем же Князем, безумцем-Вороном смущен;
И жалкий Нытик безобразил, и пел красивый Пинкертон!
Погасли зори Нагасаки, опал душистых яблонь цвет:
В план репетиций вносит знаки завреж, засевший в кабинет!
Ну что ж; и это место лестно: звонки, «критические дни»!
(Супругу даже не известно когда певице петь — «Ни-ни»!..)
Но их «интимный шеф» Лукьянов
Невольно в курсе «дамских дел»...
Знаком я с ношей этих планов,
Поскольку тоже здесь сидел!..

Теперь два слова про другого: как не поздравить молодца-
Его, красавца Шевелева, артиста, друга и певца?! —
Хлестнет по струнам он ударом, и выразительно вперед
Шагнув романсом и гитарой заставит всех разинуть рот!..
А вот Рудольф! — поэт на сцене! — дружок чахоточной Мими,
Кто бодро падал на колени близ Ольги в «Ларинские дни»!
Герой любимцем стал партнера;
«до», «си» для Коли — ерунда!
Он был «Душой миллионером»,
хоть пел порой — «Куда, куда?»...
Но все певцы путем коротким
Прошли б, лишившись многих прав,
Когда б не уникам Смородкин, не волшебство его октав!
Когда бы оперных титанов — будь то Хлоп, Боярин, Князь, —
Не вел рукою Аниханов, над партитурой наклонясь!..
О, мир чарующих созвучий, величье оперных страниц!..
Но наконец-то выпал случай на сцену вывести певец!..
Нет, ни весенний цвет сакуры, ни мир сценических красот,
Ни свет, ни краски партитуры достичь не в силах тех высот!
Веками все поэты мира венчали женскую красу!
А вы к тому ж — Кармен, Земфира,
Мими, Снегурочка в лесу!
Придется обратиться к Норе для продолженья этих вирш;
А Нора споро в коридоре болтает с Августовной Кириш
О-о-о, эта Нора — мастер пульта оплот спектакля и судьба,
Фанат сценического культа, его слуга, его раба!
Бесспорный «Асс» репертуара — живой компьютер на посту! —
Из «Дев-Послушниц»; а Тамара из Фей, дарящих красоту:
Что без нее артист на сцене? Во всем видна ее рука, —
Сверкает бархат и камня, отменны фраки и шелка!..
Меж тем с апломбом Левитана, помреж, пока я здесь пишу,
Зовет Черкасову Татьяну: «— На сцену, Танечка, прошу»
И я люблюсь из кулисы, когда, — величием дая, —
Поешь ты — дочь царя Бориса, — Невесту грозного царя!
Когда является несмело, преодолев невольный страх,
Твоя простушка Микаэла, как Ангел в сумрачных горах!..

И здесь контрастом гордость наша —
фатой, блистая и парчой,
Встает Романова — Любаша, иль призрак Марфы со свечой.
В ней все со вкусом, без излишек,
В слияньи с образом судьбой;
От Доротей и до Мнишек с ее к царевичу мольбой!..
А вот Татьяна Виолетта! Шумит у Домниковой бал;
Лучом прожектора задета, сжимает Танечка бокал.
Ее сценическое кредо — изящность. женственность, краса,
С любовью нежною к Альфреду,
С мольбой горячей к небесам,
И хоть дошла она до трона, хоть пел ей Лыков и Альфред,
Невеста царская корону сняла... и села в кабинет(!)
Еще приучен, голос звучен, но нет поездок за рубеж;
Зато уж будет неразлучен со сценой Танечка — помреж!..
Уж раз хватило вам терпенья, друзья, на исповедь мою,
Хочу закончить песнопенье на предпоследней букве «Ю».
Дать справедливую оценку всех ваших творческих заслуг
Нельзя без имени Юзвенко,
Не «приоткрыв прикрытый» звук!
Стройна, красива как маркиза!
В ней все подвижность, голос, сан!
Она и трепетная Лиза, и роковая Чио-сан!
В игре то сдержана, то броска, то анемична, то жива;
Ее пленительная Тоска — сама вершина мастерства!
Богами призвана в искусство! Годами признана людьми!
А сколько разума и чувства в больших глазах ее Мими?!..
Я здесь не всех затронул лавры!!
Всех звезд, увы, не обоймешь!
И — да простят мне — Динозавру, что не сказал про молодежь!
Взойдет еще и ваша слава для всех сценических времен
Под руководством Станислава-Вождя!.. чей папочка Леон!
Ведь театр имени Модеста встал обоснованно вполне
На обособленное место и в Петербурге и в стране!

А какие были капустники, устраиваемые нашими актерами! Были танцы!.. Это сближало и объединяло актеров. Жаль, что все это в прошлом, и жаль, что сегодня этого нет!.. А тогда это было!

Норина Болеславовна Сокольская до недавнего времени работала в театре помощником режиссера. Она настоящий «рыцарь» театра, очень ответственна и обязательна. Любит и ценит хороший вокал, понимает его.

Бабушка Норы в свое время была большой известной певицей. Нора же, даже если ты поешь не совсем в форме, умела подбодрить тебя во время спектакля! А какая она заводила аплодисментов! Поистине она по-настоящему любит театр и живет им.

Несмотря на все мои мучения во время репетиций над партией Марии в опере «Мария Стюарт», мой ввод удался, и долгие годы я с большим удовольствием пела этот спектакль, на котором почти всегда присутствовал автор этой оперы, ныне очень популярный композитор Сергей Слонимский. Как правило, он заходил перед спектаклем к нам в гримкомнату и интересовался здоровьем и самочувствием, а также всячески расстраивался, когда я из-за простуды «снямалась» с его спектакля.

«Мария Стюарт» был первым спектаклем, который поставил Станислав Леонович Гаудасинский в нашем театре после назначения на пост главного режиссера. Это было за год до нашего появления в театр, поэтому мы с Валентином не участвовали в постановке этого спектакля, а уже вводились в него позже. Валентин пел партию Дарнлея.

Спектакль был удостоен Госпремии. Первой испол-

ЛЕНИНГРАДСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ОПЕРА И БАЛЕТ ТЕАТР
ИМЕНИ М. П. МУСОРГСКОГО

16 среда

100-й спектакль
С. М. СЛОНИМСКИЙ
МАРИЯ СТЮАРТ

Опера в 3-х действиях
Либретто Я. А. ГОРДИНА
Режиссер-постановщик — Валерий Государственный, пранни РСФСР,
народный артист РСФСР С. Д. ГАУДАСИНСКИЙ
Художник-постановщик — С. С. ПАСТУХ
Главный хормейстер — А. Н. ЧЕРНОВ
Балетмейстер-постановщик — В. И. САЛЫНОВА
Художник по костюмам — Г. В. СОЛОВЬЕВА
Режиссер — А. В. ВАШЛОВИЧ

Действующие лица в исполнении:

Григорий оземь	В. И. КОЗЛОВ
Василий оземь	В. П. ДУВАНОВ
Мария Стюарт	В. С. КОЗМЕНКО
Бланш	С. И. КОУЛОВА
Дарнлей	С. И. БУРБЕ
Шенлей	И. Ф. ОСТРОВСКИЙ
Леди	В. В. КОЗМЕНКО
Босли	Ф. М. КУЗНЕЦОВ
Мари Селви	Ю. А. ГЕНЕРА
Нанси	С. В. САВВИН
Уильям	И. И. ГЛАВОВ
Ла Марин	В. З. КОЧИН
Дж. Марин	В. И. ШВЕЦОВ

Слова в опере: О. В. Сабанов (Горный), либретто Вологодского и Вологодского композитора
И. И. Радине (Горный), либретто Вологодского композитора А. Ю. Короти (Горный),
Г. И. Дюпина, В. А. Сергеев (Горный), либретто Вологодского композитора Е. В. Дранова,
Т. А. Лаврова (Горный), А. В. Майер (Слонимский)
Дирижер — народный артист РСФСР М. Г. КУЗНЕЦОВ

Описание спектакля в 22 часа 30 мин.

Афиша 100-го спектакля «Мария Стюарт»

нительницей Марии была в то время ведущая актриса театра Инесса Просаловская.

Вспоминую своего партнера по этому спектаклю Володю

Дорогой Валентин
Нуженко
С благодарностью за
красивый, выразительный
пенный уже на реальных
100-м свидании!
Пожалуйста не обидите!
Ваш С. Слонимский
26 сентября 1991

октябрь 1991 г.

Вырезка из афиши 100-го спектакля «Мария Стюарт» с автографом композитора спектакля Сергея Слонимского

Панкратова, остроумнейшего, талантливейшего человека. Его шутки, может быть, даже излишне острые, постоянно витали в нашем актерском коридоре, где почти всегда стоял запах неисправного туалета.

Сцена из спектакля «Мария Стюарт». Мария — В. Юзвенко, Босуэл — В. Панкратов

Володя шутил:

— Театр Малый, а пахнет по-большому!

В то время наш театр назывался «Малый театр оперы и балета».

Володя был ведущим актером басового репертуара.

А какие замечательные стихи он писал!

К сожалению, мы не очень долго работали вместе. Володя уехал за рубеж на постоянное место жительства и, как я слышала, занимался живописью. Он был ко всему еще и прекрасный художник.

На сегодняшний день его уже нет. Не так давно он ушел из жизни, а в то время и он, и Инна Просаловская были в самом расцвете сил, были ведущими актерами в театре и были в фаворе!

Следующей постановкой в театре стала знаменитая и популярнейшая во всем мире опера Петра Ильича Чайковского «Пиковая дама», о которой я буду писать чуть ниже. А сейчас немного о театральных капустниках.

Капустники

В главе выше я вспоминала о капустниках, которые имели место на вечерах в театре в то время, когда мы приехали в театр.

Капустники действительно были, и были интересные. Особенно хочется отметить один, который запомнился мне и, надеюсь, моим коллегам надолго.

На сцене в этом капустнике фигурировало несколько сцен из таких популярных опер, как «Евгений Онегин», «Травиата» и «Севильский цирюльник».

Наши коллеги мужчины, переодетые в женские персонажи вышеназванных опер, проигрывали отдельные сценки. Виктор Лукьянов изображал Татьяну из спектакля «Евгений Онегин», Валерий Кочкин — Виолетту из оперы «Травиата», а Михаил Калиновский — Розину из оперы «Севильский цирюльник», причем Валера Кочкин изображал Виолетту беременной.

И вот ребята пели женскими голосами самые популярные и самые узнаваемые фразы из отрывков этих опер. Пели они то по очереди, то все вместе, причем не нарушая музыкальной гармонии.

Особо было смешно, когда они пели следующие фазы: Лукьянов — Татьяна в сцене письма пел «Кончаю, надо перечесть», а затем как будто заело «кончаю, кончаю, кончаю...» и так много раз; Кочкин Валера — беременная Виолетта — «Надо писать Альфреду...»; а Миша Калиновский пел начальную фразу из арии Розины «В полуночной вышине...». Когда они все это пели вначале последовательно, а затем одновременно, было очень забавно и смешно. А если еще учесть, что Калиновский высокий худощавый, Лукьянов среднего роста, но не худенький, а Кочкин и вовсе с большим животом, да еще если учесть что все трое, как их не гримируй, мужественные ребята, то понятно, почему мы все от смеха просто надрывали себе животы.

К сожалению, со временем традиция устраивать капустники исчезла, как и вечера, которые устраивались актерами.

Справедливости ради надо сказать, что не так давно, лет пять тому назад, был устроен еще один капустник. Но, к сожалению, он был устроен не для актеров. А срежиссирован и отрепетирован этот капустник был нашими очередными режиссерами для руководства

театра и приурочен к дню рождения нашего главного режиссера Станислава Леоновича Гаудасинского, который праздновался в одной из больших репетиционных комнат театра.

Знаю об этом я, потому что мой муж Валентин Шевелев был занят в этом капустнике.

На этот день рождения актеры не были приглашены, и потому, насколько хорош был капустник, можно судить лишь по фотографиям.

На одной из фотографий запечатлен один из участников этого капустника Евгений Мясищев. Мне особо хочется выделить этого талантливого исполнителя.

Дело в том, что Женя не является певцом, он принадлежит к балетному цеху. В прошлом замечательный танцовщик, Женя впоследствии стал и балетмейстером. Но пение, как мне удавалось наблюдать, не оставляло Мясищева равнодушным.

Будучи занятым почти во всех наших оперных спектаклях как танцовщик, если по ходу действия нужно было находиться на сцене, Женя всегда с большим желанием проявляя

собственную инициативу, пел вместе с хором хорошую партию. И надо сказать, пел чисто и музыкально, чему я не раз была свидетельницей, находясь рядом на сцене. Так что его участие в капустнике не было случайным, он был у нас в опере, что называется, своим.

Сценка из капустника. Слева направо — В. Шевелев, Е. Мясищев, Т. Домникова, В. Лукьянов

Сценка из капустника. Слева направо — В. Шевелев, Е. Мясищев

«Пиковая дама»

Опера Петра Ильича Чайковского «Пиковая дама» была взята к постановке С. Л. Гаудасинским и выпущена в свет в 1982 году.

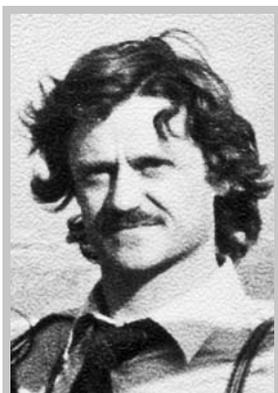
Работали над спектаклем много и кропотливо, и не только сценически. Сколько было спевок за все время постановки!

Единомышленником и помощником Станислава Леоновича, а также музыкальным руководителем спектакля был главный дирижер театра Валентин Васильевич Кожин.

Мы по-настоящему уважали и побаивались этого замечательного музыканта. Каких нюансов он добивался во время своих спевок! Бесчисленное количество раз мы пропевали квинтет из первой картины оперы, с тем чтобы добиться требуемых Валентином Васильевичем нюансов и акцентов поочередно у персонажей на словах «мне страшно». И действительно получалось так, как он этого хотел — страшно и затаенно. Не могло быть и речи о том, что бы кто-то мог спеть не те ноты или неточный ритм.

*В роли Лизы.
Сцена у канавки*

*Валентин Васильевич
Кожин*

В Валентине Васильевиче ощущался музыкальный хозяин театра. Даже если он не дирижировал спектаклем, в который вводился кто-то из молодых, он находил время и место как-то проанализировать с певцом его ввод в спектакль.

Помнится мне, что, несмотря на то, что мы были на спевке по постановочному спектаклю, Валентин Васильевич оставил меня после спевки, чтобы поговорить о моем вводе в спектакль Дж. Пуччини «Чио-Чио-сан». Указал на то, что ему понравилось, и на то, что бы он хотел в моем

музыкальном образе изменить, хотя он и не являлся дирижером этого спектакля и моим вводом не занимался!

Над спектаклем же «Пиковая дама» работали все очень увлеченно.

Помимо постановочных репетиций на сцене Станислав Леонович Гудасинский брал репетиции отдельных сцен в репетиционных комнатах театра. Чаще всего таким репетиционным помещением была большая комната, которую все называли «Арка».

Сцена из спектакля. «Пиковая дама» Лиза – В. Юзвенко, Герман – Ю. Марусин

Германа репетировал Юрий Марусин, тогда еще работавший в нашем театре. Он это делал здорово! Его Герман был эмоциональный, нервный, полный чувства самодостоинства. Юра был также очень аккуратный, что касается выучки вокальной партии. Слушая его, мне казалось, что он умеет как-то почти вывернуть наружу музыкальный образ своего героя, при этом не изменяя сценическому вкусу и актерской элегантности.

А какой он был замечательный Герцог в опере Дж. Верди «Риголетто»: красивый, стройный, полный какой-то бесшабашной энергии. Словом, я очень рада, что в начале моей опер-

ной карьеры мне довелось работать с таким прекрасным актером и певцом.

А также я благодарна судьбе, что она распорядилась таким образом, что мне посчастливилось спеть премьеру спектакля «Пиковая дама», которая состоялась 23 мая

Сцена из премьерного спектакля «Пиковая дама» П. Чайковского. Лиза – В. Юзвенко, Герман – Ю. Марусин

1982 года, с таким молодым, но уже опытным партнером. А компанию на этой премьере нам составили мои коллеги: Графиню сыграла замечательная певица Нина Романова; Томского — прекрасный вокалист, который до последнего дня работы в театре поражал меня высочайшим вокальным мастерством, Александр Ненадовский; Елецкого — только что тогда поступивший в театр молодой, стройный, красивый и очень органичный, с мягким красивым голосом Николай Копылов.

Надо отдать должное и всему ансамблю актеров, которые на то время, будучи молодыми актерами, составляли цвет нашего театра.

Однако все мы своим успехом были многим обязаны не только режиссеру спектакля Станиславу Гаудасинскому, а также музыкальному руководителю спектакля Валентину Кожину, но и прекрасным концертмейстерам, которые тогда работали в нашем театре.

Многие из них на сегодняшний день работают концертмейстерами в Мариинском театре оперы и балета и являются опытнейшими музыкантами и большими помощниками вокалистов, с которыми они работают. А тогда они были, несмотря на свою молодость, одержимы и полны энтузиазма.

Я с большой благодарностью вспоминаю увлеченные занятия по разучиванию партий в классе моего тогда концертмейстера Алочки Бростерман. Она всем нам, кто у нее занимался, была, что называется, «мать родная». Никогда не было формальных уроков, как бы она себя не чувствовала. Это были и приглашения дирижеров на уроки, и ее хлопоты по поводу назначения и вводов «ее певцов» в те партии, которые она считала, что певец может спеть.

После премьеры спектакля «Пиковая дама». Слева направо — режиссер С. Гаудасинский, В. Юзвенко в роли Лизы, Ю. Марусин в роли Германа, Н. Романова в роли Графини

А какая была выучка партий! Она была настоящим другом и очень заинтересованной коллегой.

Дружба с вокалистами ее класса у Аллы не ограничивалась только отношениями в театре. Я помню, как мы ездили к ней на ее день рождения аж в поселок Стрельну, где она тогда жила.

Ехать было очень далеко. Условия проживания у нее были, прямо скажем, плохие! Но, несмотря на это, я не помню, чтобы она опазды-

На шефском концерте. Слева направо — В. Напарин, В. Тычко, В. Буреев, Т. Домникова, А. Бростерман, В. Юзвенко

вала или пропускала занятия. Она была и, наверное, сейчас такая же — настоящий профессионал.

Не могу не вспомнить добрым словом Елену Матусовскую — концертмейстера, у которой занимались ведущие актеры нашего театра, в том числе и Юрий Марусин. Думаю, что он, как и все ее «ученики», многим обязан ей, превосходно слышащей и умеющей быть творческим наставником.

Несмотря на то, что я не была в ее классе, тем не менее она не оставалась безразличной и к моей творческой судьбе. Во всяком случае, те немногочисленные замечания, которые в свое время я от нее получила, мне во многом помогли в моей певческой жизни, а особенно сейчас, когда я сама занимаюсь преподаванием.

В то время мне было приятно получить и анализ своей работы от Елены Матусовской, написанный в нашей стенной газете, по поводу моего ввода в оперу Дж. Пуччини «Богема».

Надо сказать, что концертмейстеры — это особые люди в театре, они самые первые и лучшие друзья, наставники и учителя певцов. Так же как и сами певцы, они заинтересованы в том, чтобы партии были хорошо выучены и хорошо спеты.

Не знаю, как обстоят дела в театре сейчас с концертмейстерами, а на то время, когда мы увольнялись из театра, в нем трудились такие замечательные концертмейстеры, как Ирина Дайнеко, Марк Вайнер, Мария Копысева, Мария Микиртумова, Светлана Механникова, Наталья Спичка.

Особенно хочется отметить Александра Смородкина, который работает в театре, наверное, уже более 30 лет. Когда мы приехали в театр, Саша уже работал там концертмейстером, равно как и другие концертмейстеры, которые тогда были на посту, такие как Кузнецов Толя, Регина Якубцинер, Тимофеева Люда, и надо сказать работали добросовестно, с полной отдачей и от всей души. Во всяком случае, у меня была возможность наблюдать за вышеперечисленными концертмейстерами, поскольку на всех сценических репетициях они играли все по очереди. Не исключением являлись репетиции и «Пиковой дамы», о постановке которой я пишу.

Помню один для меня очень неприятный эпизод во время постановки знаменитой арии Лизы у канавки. На этой роли по назначению нас было трое — Инесса Просаловская, Людмила Сиренко и я.

Репетировали мы по очереди. С одной из репетиций Инесса отпросилась и стала репетировать арию у канавки Люда Сиренко. У нее никак не получалось сыграть пластически и по мысли вступление к арии. Станислав Леонович стал нервничать, у Люды от этого еще хуже стало получаться. Одним словом, Люда расплакалась и вышла из репетиционного зала.

Настала моя очередь. Нужно было на вступлении в ритме сделать несколько движений корпусом. У меня, видимо, это получалось неорганично. Мне казалось, что все специально как-то, и я вступила со Станиславом Леоновичем в некую дискуссию-препи-

С концертмейстерами на театральной вечеринке. Слева направо — А. Смородкин, М. Копысева, А. Дмитриев, М. Пабузин, В. Юзвенко, Н. Горбач (певец), И. Дайнеко

рательство, чем вызвала у него немалый гнев, ведь он-то знал, чего хотел и чего добивался.

Когда дело дошло до того, что я набралась нахальства и заявила, что все это не совсем по системе Станиславского, а скорее по системе представления, наступила некая пауза на репетиции. Концертмейстер от удивления и неслыханной дерзости с моей стороны замер за роялем. Я тоже понимала, что сказала что-то не то, но дело было сделано, и я ждала бури гнева от Станислава Леоновича. Но после некоего молчания было сказано, что репетиция окончена, и мы отправились по домам.

Придя к себе (а мы еще жили в общежитии), я своему мужу Валентину Шевелеву сказала, что, наверное, нам нужно собирать свои пожитки, поскольку я имела неосторожность выступить и теперь мы в этом театре вряд ли приживемся. Хорошо, что еще не успели поменять квартиру.

Но к чести Станислава Леоновича надо сказать, что это никак не повлияло на мою творческую судьбу в театре, а может, мне так только показалось... Во всяком случае, помимо премьеры «Пиковой дамы» за свою творческую жизнь в этом театре мне удалось спеть довольно большое количество премьер! Но премьеры «Пиковой дамы» для меня была первой в этом театре, а потому незабываемой!

Судьба надолго связала меня с этой любимой партией в нашем, на мой взгляд, очень хорошем спектакле. Даже когда мне однажды выпало счастье спеть этот спектакль в Париже, в театре Бастилии, в постановке Андрея Кончаловского, мне показалось, что наш спектакль «Пиковая дама» намного лучше, а может быть, я уже не могу быть объективной. А попала я в этот спектакль случайно, хотя почти убеждена, что в жизни ничего случайного не бывает.

В театре «Бастилия»

Певица, исполнявшая роль Лизы, которая изначально была в этой постановке, заболела, и мне было предложено С. Л. Гаудасинским поехать в Париж, в театр Бастилия, на два последних спектакля — выручить театр. Почему это коснулось меня — не знаю.

По правде, говоря, я сначала струсилась, да и на один из спектаклей все равно опаздывала, так как в этот день прямого самолета

в Париж не было, а на второй спектакль мне пришлось добираться через Москву.

В аэропорту меня встретила уже знакомая переводчица (она неоднократно работала с нашим театром, когда мы были на гастролях в Париже) и, устроив в гостиницу, сообщила, что вечером репетиция, а завтра спектакль.

Не успела я толком устроиться в гостиницу, как мне позвонили и сообщили, что Сарфати (антрепренер, который занимался гастролями нашего театра) приглашает меня перед репетицией на обед.

Обед прошел в несколько напряженной обстановке, так как я уже нервничала по поводу завтрашнего спектакля. Есть мне совсем не хотелось, да и вообще мне лучше было бы несколько отдохнуть в гостинице.

Но отказаться было неудобно...

Сарфати, напротив, был весел и гостеприимен. Через переводчицу он сказал, что с меня «причитается» за вызов на спектакль. Я не зная, как к этому относиться, тихо спросила переводчицу, действительно ли я должна буду какую-то сумму ему отдать из гонорара (хотя понятия не имела, сколько получу за спектакль), если «да», то сколько, или это шутка, так как по тону антрепренера я не поняла.

Вообще-то я не совсем понимала, какое Сарфати, имеет отношение к опере «Бастилия». Переводчица перевела ему мой вопрос. Он помолчал немного, а потом сказал, что, конечно, это шутка! Теперь я понимаю, что в тот момент я была, мягко сказать, очень непосредственна...

Репетиция была непривычной и странной. Меня завели в небольшую комнату, где усадили за видеомэгнитофон и включили запись спектакля. Вызывать актеров на репетиции по

Фото с обложки «Театральный Ленинград». В. Юзвенко в роли Лизы из спектакля. «Пиковая дама»

поводу ввода слишком дорого. Это только у нас все репетиции бесплатные! Но мне и такой репетиции было достаточно. Спектакль я знала хорошо, а все свои мизансцены записала! Но утром следующего дня все же мне сделали небольшую оркестровую репетицию.

Увидев известных актеров, своих партнеров, я растерялась. Это были певцы с мировыми именами и среди них наши замечательные русские певцы Ирина Богачева, которая исполняла партию Графини, и Сергей Лейферкус, который пел Томского.

Оркестровая репетиция прошла достаточно успешно. Дирижер (к сожалению, не помню фамилии) сказал, чтобы я не волновалась и пела спокойно, он «пойдет» за мной. Так и было на спектакле.

Меня завели в пошивочный цех, где моментально по мне подогнали одну из корсетных заготовок, и к вечеру мои туалеты уже были готовы.

Ни ночью перед спектаклем, ни днем толком уснуть мне не удалось — так велико было волнение! Я решила пораньше к спектаклю пойти в театр, чтобы как следует подготовиться и загримироваться.

Добралась я до театра быстро — гостиница была недалеко, и вот тут я заблудилась!

Театр «Бастилия» — это огромное круглое здание, занимающее практически весь квартал. Я пошла в одну из сторон, чтобы найти служебный вход. На репетиции меня подвозила переводчица прямо к служебному подъезду, поэтому я толком не знала, где же этот служебный вход находится.

Итак, я прошла довольно далеко — входа нет! Все двери закрыты. Я иду дальше — входа все нет! Стала себя успокаивать — мол, здание круглое, все равно туда приду.

Пройдя еще довольно приличное расстояние, я уперлась в тупик. Там какая-то стройка и прохода нет! Мне ничего не оставалось, как повернуть обратно и пытаться искать служебный вход с другой стороны. А время идет — расстояния огромны! Я слегка запаниковала...

Проделав еще приличный путь, но уже в другую сторону, я, к своей большой радости, наконец нашла служебный вход в театр!

С трудом отыскав внутри этого огромного помещения гримкомнату, уже второпях стала гримироваться.

В комнату постучали и внесли огромный букет цветов, состоявших в основном из лилий. Этот букет был от директора театра с открыткой-приветствием, адресованной мне!

Я, конечно, была тронута таким вниманием, но через пару минут поняла, что запах от этих лилий такой сильный, что если я немедленно не избавлюсь от этих цветов, то у меня непременно «сядет» голос! К своему большому удовольствию, в гримкомнате я обнаружила туалетную комнату, куда и был тут же выставлен букет.

Закончив свой грим и найдя его удачным (мне всегда говорили, что гримируюсь я хорошо), мне захотелось, перед тем как одеться, немного посмотреть свои записи мизансцен и повторить партию.

Но вот в мою гримкомнату вошел высокий молодой негр с чемоданчиком в руке и, увидев меня в гриме и прическе, стал всплескивать руками, что-то мне говоря, вежливо улыбаясь и показывая на мое лицо! Я ничего не понимала, кроме того, что что-то с моим лицом не то.

Наконец костюмерша нашла одну из артисток хора, русскую по национальности, и та сообщила мне о беспокойстве этого человека. Оказывается, это гример, и он должен был меня загримировать!

Я сказала ему через артистку хора, чтобы он не волновался по этому поводу, что я гримируюсь сама и мне его помощь не нужна. Но он вежливо настаивал на своем:

– Как же так, мадам хочет оставить меня без работы! Ведь это моя обязанность делать вам грим!

В гримкомнате в своем театре во время оперы «Пиковая дама»

Мне ничего не оставалось, как разгримироваться и предоставить ему свое лицо. Он принялся меня быстро гримировать, ползая вокруг на коленях, так как был очень высокого роста.

Когда я взглянула на себя в зеркало после его финального мазка, моему расстройству не было предела. Я себе не нравилась! Грим был какой-то странный: синеватые губы, темные веки, бледное лицо!

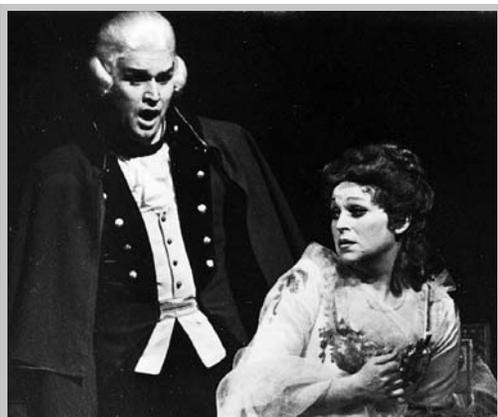
Видя мое расстройство, негр объяснил, что такой грим хотел постановщик спектакля Андрей Кончаловский. Исправить я уже ничего не могла, потому что времени совсем не оставалось. Надо было одеваться и идти на сцену. Спектакль начался...

Для меня все прошло как в тумане. Помню поздравления коллег по спектаклю, дружеские объятия директора театра после арии «Канавка» и еще во время поклонов, когда мы выходили на авансцену, помню мелкую сетку, которая отделяла зрительный

зал от сцены! Это меня поразило! Может быть, это сделано для того, чтоб кто-то из зрителей чего-нибудь не бросил на сцену?

После второго отделения ко мне в гримкомнату с поклоном зашел человек и, представившись бухгалтером, вручил мне в конверте гонорар!

Когда после спектакля я увидела, какую сумму мне заплатили за спектакль, то была не-

Сцена из спектакля «Пиковая дама». Лиза — В. Юзвенко, Герман — Ю. Марусин

обычайно приятно удивлена. В переводе на американскую валюту мой гонорар составил шесть тысяч долларов. По тем временам это были очень большие деньги, хотя думаю, что это далеко не самый большой гонорар для певцов, поющих главные партии за рубежом.

На следующий день с директором театра была небольшая беседа о возможных перспективах моего выступления в театре

«Бастилия» в таких спектаклях, как «Царская невеста» и «Евгений Онегин», но, к сожалению, всему этому не суждено было сбыться...

В тот же день Сарфати пригласил меня на концерт знаменитого оркестра (не помню какого). На концерте, выбрав момент, я опять спросила переводчицу — должна ли я что-то отдать Сарфати из своего довольно большого для меня гонорара. Но она мне ответила от себя:

— Раз он сказал, что это шутка, значит, не надо!

На этом и порешили. Я все же решила хотя бы угостить переводчицу и ее друзей, с тем чтобы отметить успех моего выступления в театре. Мы славно после концерта погудели, а на следующий день вечером мне нужно было улететь домой, в Ленинград! Улетала я с приятным ощущением собственной значимости и с твердым убеждением, что наш спектакль «Пиковая дама» все же лучше.

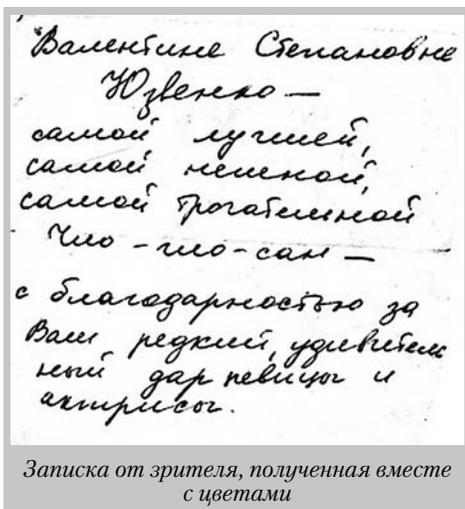
Поклоны после спектакля «Пиковая дама» в нашем театре много лет спустя после премьеры. На переднем плане слева направо — Н. Копылов, В. Юзвенко, С. Гаудасинский, В. Пищаев, И. Богачева, А. Аниханов, А. Ненадовский, Н. Евстафьева

Перед отъездом я зашла в продовольственный магазин и, не смотря на ценники, почувствовав себя очень богатой женщиной, набрала большое количество всевозможных гостинцев для своих домочадцев. Было необычайно приятно чувствовать себя хоть и на время состоятельной дамой!

По приезде мы на эти деньги купили подержанную машину «Волга» и небольшой дом в садоводстве возле поселка Бабино, который находится на сотом километре по Московскому шоссе. Конечно, в то время сделать такие покупки на нашу зарплату, да и на те гонорары, которые мы получали от гастролей со своим театром, мы бы не смогли...

«Чио-Чио-сан»

Дома меня ждали очередные спектакли и новые вводы в уже идущие спектакли.

Моим большим и значительным вводом для меня был ввод в уже давно идущий спектакль Дж. Пуччини «Чио-Чио-сан»!

Спектакль очень красивый по декорациям (декорации Коровина), по свету и, конечно же, по музыке.

Пуччини в этой опере передал столько женских эмоций, от тончайшей нежности и романтизма до трагедийных ощущений, что эта чувственная палитра не перестает меня удивлять и

по сей день не только тонкой сентиментальностью и бурными, экспрессивными чувствами, но и какой-то значимой масштабностью, что касается человеческой души.

Спектакль очень трудный по исполнению. Нужна нюансировка от трех форте до трех пиано, а также колоссальная физическая выносливость, поскольку количество вокального материала в этом спектакле в два раза больше, чем в любом другом из

лирико-драматического репертуара. Это единственный спектакль, после которого была голосовая посадка и требовался отдых. И так было не только у меня.

Словом, я ощущала всю ответственность этого ввода и работала вокально над этим спектаклем много.

Вводил меня в этот спектакль тогда очередной режиссер нашего театра, ныне главный режиссер и художественный руководитель музыкального театра «Зазеркалье» Александр Петров.

Я ему очень признательна за этот ввод. Он приносил на репетиции картинки с изображением японок в красивых, грациозных, несколько экзотических позах присущих только их органике, и добивался от меня подобной внешней выразительности.

Это была работа с веером, хождение маленькими шажочками на полусогнутых ногах и т. д. Словом, и сценически работать над этим спектаклем мне было интересно.

Репетировали и пели со мной этот спектакль мои коллеги: Виктор Лукьянов, Валерий Корженский — Пинкертона, Майя Кузнецова, Елена Рубин, Сузуки, Валерий Кочкин — Шарплес, Владимир Напарин — Горо, Валентин Шевелев, Вячеслав Буреєв — Ямадори.

Репетиций было много, и я весьма и весьма признательна своим вышеперечисленным товарищам за то терпение и за ту помощь, которую они выказали в репетициях со мной.

Впоследствии в этот спектакль, на мой взгляд, блестяще ввелся на роль Пинкертона Виктор Пищаев, мой любимый партнер, который, к сожалению, не так давно ушел из жизни.

Помимо «Чио-Чио-сан» мы с ним в паре пели такие спектакли, как «Пиковая дама» П. Чайковского, «Иоланта» этого же композитора, «Дон Карлос» Дж. Верди и др.

Сцена из спектакля «Чио-Чио-сан». Баттерфляй — В. Юзвенко, Пинкертона — В. Лукьянов

*Сцена из спектакля «Чио-Чио-сан». Баттерфляй — В. Юзвенко,
Пинкертон — В. Корженский*

Повествование об этом замечательном певце и актере еще впереди, а пока ввод в один из любимейших мной спектаклей «Чио-Чио-сан».

Первый спектакль я спела с Валерием Корженским в роли Пинкертона. У Валеры тоже был ввод, и мы много с ним репетировали. Как мне казалось, нашли общий язык. Во всяком случае, наш премьерный спектакль для нас был, как мне кажется, удачным, и мы были вместе довольны тем, что с успехом сумели спеть труднейший дуэт финала первого акта.

Мне очень жаль, что у Валеры в дальнейшем с этой партией, что называется, не заладилось, и больше мы с ним не пели. Он был внешне в этой партии хорош — красивый, высокий, стройный, и ему очень шел военный мундир.

После своей премьеры я в основном пела этот спектакль с Виктором Лукьяновым, профессиональным и опытным партнером, а затем, конечно же, с Виктором Пиццаевым.

Как мне казалось, мы были с ним схожи по эмоциональной, актерской возбудимости, что находило отражение и в пении. Мне с ним было петь легко и приятно. Витя был прекрасным партнером!

Очень часто во время спектакля, когда мне нужно было «идти» на ноту до третьей октавы в финале первого акта (это

С коллегами в гримкомнате. Слева направо — В. Юзвенко, В. Пиццаев, С. Волкова

очень высокая нота), он был настолько чуток, что по моим глазам видел, нужна мне помощь или нет. И если видел в них призыв, спокойно «шел» со мной на это долгое, высокое до, хотя по клавиру петь эту ноту ему совсем не обязательно. Но честь ему и хвала — проблем с высокими и крайне высокими

нотами у него не было. Они у него, как и все остальные, были яркого тембра, с большим количеством высокой форманты, что придавало его голосу особый шик, блеск и красоту.

Особенно хочется отметить блестящее звучание его голоса в таком труднейшем спектакле тенорового репертуара, как «Пиковая дама», где он с огромным успехом исполнял партию Германа!

Можно без преувеличения сказать, что Виктор Пиццаев был одним из лучших исполнителей этой партии, каких когда-либо знала эта гениальная опера П. И. Чайковского.

Сцена из сп. «Пиковая дама». Лиза — В. Юзвенко, Герман — В. Пиццаев

Кино

Как-то на одной из репетиций наша с Валентином концертмейстер Алла Бростерман сообщила нам, что сосватала нас озвучить куплеты очень легкого содержания в фильме «Жизнь Клима

*Фотопроба на киностудии
«Мосфильм»*

Самгина». Эти куплеты были в жанре «кабаре». Мы, конечно же, согласились.

Записали мы их, что называется одним махом, буквально в течение одного часа. Ведь жанр был нам знаком по работе в театре оперетты.

Мы остались довольны таким опытом, нам понравилось, как это звучит в фильме, да еще плюс ко всему нам за наше пение заплатили. Правда, своих голосов в записи мы не узнали — уж слишком это было далеко от того, что мы делали в опере.

Это было не первое мое знакомство с киностудией.

В бытность моей работы в Московском театре оперетты мне предложили пройти пробы к фильму (не помню, к сожалению, название этого фильма) на студии «Мосфильм».

Естественно, что такое предложение меня заинтересовало. Это и понятно. Я была молода, и предложили мне не какой-нибудь там эпизод, а одну из главных ролей фильма.

Сценарий этой картины был так себе — современная любовная история в кругу ученых. Но меня это не остановило... Ведь интересно же! А вдруг у меня получится! Вдруг я действительно снимусь в фильме?

Шла я на «Мосфильм» с трепетом и волнением.

Не успела я прийти, меня тут же усадили в гримкомнату и стали гримировать. Мы в театре гримируемся так, чтобы грим был хорошо виден, потому что его очень сильно съедает театральный свет. А тут я взглянула на себя в зеркало и осталась в разочаровании. Я-то думала, из меня сделают красавицу! А грима и не видно. Гримировали, гримировали, а как будто без него!

Затем меня сняли в нескольких ракурсах и сказали, что результат фотопроб будет известен через несколько дней. И дей-

ствительно, вскоре мне позвонили и сообщили, что меня приглашают на репетицию с режиссером. Вот тут-то я серьезно засела за сценарий. Вникала в образ, додумывала жизнь своей героини. Искала психологические оправдания ее поступкам. Но на первой репетиции всего этого не понадобилось:

— Тут вот так стойте! Говорите эту фразу здесь! Нет, не поворачивайтесь! Смотрите сюда! Не играйте ничего! Не двигайтесь здесь вовсе! Нет! Не хорошо, встаньте сюда, — и так всю репетицию.

«Ну, когда же, когда мне разрешат выплеснуть из души все, что я нажила! Приготовила!» — думала я. Но, к сожалению, этого на первой репетиции не понадобилось. На второй и третьей — тоже. Меня по-прежнему просили тут сухо сказать, тут поднять глаза! В этом месте посмотреть сюда и т. д.

В разговоре с режиссером я поняла, что мои копания, что касается образа, ему совсем не нужны. Да и было ли что там, то есть в этом сценарии, копать?

На одной из репетиций я не выдержала, сказала, что все это мне не нравится, что я вовсе не чувствую себя здесь актрисой! Что мне совсем не понятно, что здесь играть, и на этом мои попытки стать «кинозвездой» закончились! Я не понравилась режиссеру, а он не понравился мне!

Тем не менее пару лет я ревностно следила, не вышел ли на экран этот фильм. К счастью или к сожалению, он не вышел.

Жаль, что сейчас я не помню, как назывался этот фильм и кто был режиссером, ведь прошло уже очень много времени. А в то время, после всего случившегося, мы с мужем очень эмоционально обсуждали тему о разнице жанров кино и театра, отдавая предпочтение театру.

В театре же о моих пробах в кино никто не знал. Я это тщательно скрывала, а вдруг ничего не получится?! И только один мой муж был свидетелем моих «кинопотуг».

«Укрощение строптивой»

Следующим спектаклем, который поставил Станислав Леонович и в котором и я и Валентин Шевелев были заняты, была опера В. Шебалина «Укрощение строптивой».

Музыкальным руководителем спектакля был Валентин Васильевич Кожин, художником — Семен Пастух, балетмейстером — Лебедев, дирижером — Владимир Афанасьев, хормейстером — Михаил Травкин.

*В роли Катарины из
сп. «Укрощение строптивой»*

В спектакле были заняты практически все ведущие актеры нашего театра: это Володя Панкратов и Миша Калиновский в роли Батиста Минола, это Инесса Просаловская, Светлана Волкова и я в роли Катарины, Татьяна Домникова, Лена Устинова в роли Бьянки, Николай Думцев, Николай Островский в роли Люченцио, Валерий Кочкин, Виктор Юшманов в роли Гортензио, Александр Ненадовский, Николай Копылов и Валентин Шевелев в роли Петруччио. В других ролях были заняты такие актеры, как Герман Людько, Володя Напарин, Валерий Корженский, Витя Ретюнский, Слава Буреев, Владимир Тычко.

Премьера спектакля состоялась 22 июня 1983 года.

Репетировали долго, много. Все работали с большим увлечением и интересом. Среди нас, «Катарин», шла упорная борьба за право сыграть премьеру, и в этой нашей нелегкой борьбе победительницей оказалась Светлана Волкова.

Она была очень хороша в этой роли — красивая, статная, актерски убедительная. Ее большой, со многими обертонами голос красивого тембра в этой партии звучал очень удачно.

Особенно хочется мне отметить наших партнеров по этому спектаклю, исполнявших роль Петруччио, — это Александр Ненадовский, Николай Копылов и Валентин Шевелев.

Роль Петруччио требует от певца и актера больших энергетических затрат, я уже не говорю о том, что нужно красиво

спеть, иметь полный диапазон и быть прекрасным актером. Все-му этому соответствовали наши ребята. Они прекрасно выглядели на сцене — высокие, стройные, хороши собой, молодые и темпераментные.

Несмотря на всю сложность мизансцен, заданную Станиславом Леоновичем, исполнители, на мой взгляд, успешно справились с этой достаточно сложной вокальной партией.

Я с большим теплом вспоминаю этот спектакль, и мне жаль, что он как-то быстро сошел с подмостков нашего театра.

Декорации мне нравились, а костюмы были просто замечательными.

В этом же 1983 году был выпущен так же спектакль «Алеко» Рахманинова. Режиссером этого спектакля был Андрей Башловкин, дирижером — Михаил Кукушкин, художником — Семен Пастух, хормейстерами — Травкини и Александр Чернов, балетмейстером — Лебедев. В спектакле были заняты актеры Валерий Кочкин, Зорин, Владимир Панкратов, Светлана Волкова, Людмила Сиренко и др.

Первые зарубежные гастроли (Италия)

В 1984 году мы впервые выехали на гастроли за рубеж, со спектаклем «Пиковая дама». Это было событие!

Повезли нас на Сицилию в город-столицу Палермо. Подготовка к этим гастролям была довольно долгой и волнительной. Мы все проходили медицинское обследование, с тем, чтобы получить заключение о том, что практически здоровы. А главное мы должны были ходить на политзанятия, после которых нас вызывали на со-

Театр в Палермо

беседование, где комиссия, состоявшая из членов партии под председательством секретаря парткома театра, должна была решить — готов ли ты политически, знаешь ли ты международ-

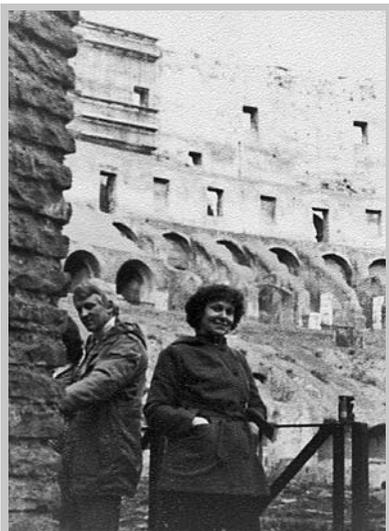
С коллегами в Риме

ную обстановку, с тем чтобы разрешить тебе поездку.

В то время мы были этим немало озабочены, готовились, конспектировали, и даже некоторым приходилось «пересдавать», если комиссия считала, что претендент к поездке не готов. Но все эти волнения рассеялись как дым, стоило только нам ступить на итальянскую землю! А до этого уже в аэропорту в Риме мне пришлось немало покраснеть — со мной произошел курьезный случай... Но чуть-чуть предыстории.

Собравшись лететь на гастроли, я обнаружила, что подходящей сумки дорожной у меня нет! Недолго думая, я сшила себе из дерюжной ткани «моднячую» сумку.

В то время трудно было достать что-то модное и интересное,

Я в Риме, в Колизее

поэтому мне иногда приходилось шить некоторые вещи самой, и мне кажется, я в этом деле преуспевала. Помню, шила даже куртки и себе, и Валентину, и конечно своим мальчишкам.

Так вот, сшив себе такую сумку, я решила, что среди своих коллег не ударю лицом в грязь, что касается дорожной экипировки. А надо сказать, что в то время, когда я улетала на эти гастроли, у нас в гостях была мама Валентина Анна Андреевна. Вот она-то и настояла, чтоб я помимо тех продуктов, которые были у меня приготовлены для поез-

дки (а это были в основном консервы), обязательно взяла с собой подсолнечное масло в литровой пластиковой бутылке. Я и сунула его в последний момент в эту мягкую тряпичную сумку, в которой была моя одежда.

Благополучно добравшись до Рима, мы все, расфуфыренные, стали дожидаться своего багажа, и о! ужас!!! Моя «моднячая» сумка выплывает на багажном транспортере в луже масла!!!

Я готова была сгореть от стыда!

Сделав вид, что эта сумка не моя, я встала в сторонку и стала ждать, когда мои коллеги разберут свой багаж. Но сумка в луже масла, несколько раз проплыв перед взором моим и моих коллег, все же

Наши коллеги мужчины по приезде в Палермо на гастроли. Слева направо — Н. Копьлов, В. Юшманов, С. Гаудасинский, А. Ненадовский, В. Панкратов, Н. Островский

нашла своего хозяина в моем лице. Кто-то из моих коллег мужчин, зная, что это сумка моя, снял ее с транспортера и, поднеся ко мне поставил ее рядом!

Остатки масла быстро сделали еще одну маленькую лужицу вокруг сумки, а я стояла и не знала, что же мне делать с этой сумкой дальше...

Наконец получив еще и свой чемодан,

где у меня были продукты, я, освободив несколько больших пакетов, переложила в них все вещи, которые были в этой злополучной моднячей сумке, засунув туда же и саму сумку.

На Сицилии

Почти все мои вещи были испорчены... Кое-что с большим трудом мне все-таки удалось отстирать в гостинице, а вот та самая сумка отстиралась неплохо и еще не раз сослужила мне службу. Даже сейчас она еще существует, и мы ею пользуемся при случае на даче.

По прибытии в Рим нам предстояло, целый день пробыв в этом замечательном городе, отправиться дальше поездом через всю Италию. Впечатления были незабываемыми! Мы как

Монашки на площади Ватикана

ненормальные глазели по сторонам в Риме. Побывали в Колизее, с удивлением рассматривали толпы монашек на площади Ватикана. А с каким любопытством наблюдали из окна поезда груды валяющиеся на земле апельсины и лимоны почти на всем протяжении нашего железнодорожного пути.

После поезда нас еще ожидала переправа на пароме, где также была масса впечатлений.

По приезде в Палермо нас потрясла погода — солнце, море и, конечно же, магазины... Мы целыми днями в свободное от репетиций и спектаклей время бродили по Палермо, несмотря на то, что делать нам это было поначалу крайне неудобно.

Дело в том, что всех нас распределили на «четверки», то есть выходить из гостиницы мы могли только группой по 4 человека, в целях политической безопасности. Мало ли что!

В связи с этим возникало немало человеческих конфликтов. Кто-то хотел идти в одну сторону, а кому-то хотелось со всем в другую. И вот приходи-

*На пароме. Слева направо —
В. Юзвенко, наша переводчица,
В. Кожин*

лось нам внутри своей «четверки» искать компромисс, чтобы договориться.

По правде сказать, нам это все быстро надоело, и мы, несмотря на контроль (с нами в поездке были люди из КГБ, из обкома партии и из Управления культуры), умудрялись «фланировать» по городу по два, а то и по одному человеку.

Магазины, рынок нас восхищали. В это время в Союзе был стандартный набор продуктов и достаточно убогий ассортимент на прилавках. Так что мы ходили смотреть на витрины магазинов, как в музей, хотя сами из продуктов большинство из нас ничего не покупало. У нас с собой все было! Консервы, плитки, кипячильники, чай, кофе, сахар. Дело в том, что большинство наших солистов и, конечно же, хор и балет были на суточных, и я в том числе, несмотря на то, что в очередь с Инной Просаловской пела Лизу в этом спектакле.

Но меня руководство театра еще в самолете предупредило, что по моей зарплате в театре (я получала тогда 220 рублей, а высший оклад был 250 рублей) я «не прохожу» на гонорар. Вот так на суточных я спела половину спектаклей, а было их у нас двадцать один или двадцать два, точно не помню. Но я знаю, что и те немногочисленные актеры, которые «проходили» на гонорар, тоже не тратились на еду, так как хотелось побольше привезти подарков своим домашним, да и самим приодеться.

А деньги, которые наши немногочисленные актеры получали по гонорарам, действительно были небольшие, не говоря уже о суточных.

На этих гастролях я частенько общалась с нашей переводчицей. Она была итальянкой.

Как-то раз мы прогуливались с ней по Палермо, и она мне говорит:

С коллегами в Палермо. Слева направо – Н. Алексеев, В. Юзвенко, А. Капустин, Н. Копылов, Н. Думицев

— Я знаю один магазин, где ты можешь купить себе отличную косметику.

— Наверное, это очень дорого? — поинтересовалась я.

— Косметика эта действительно не дешевая, — продолжала она, — но ты ведь актриса, и должна хорошо выглядеть!

Я ей ответила, что у меня нет таких денег.

— Как нет! — не унималась она. — ты уже спела уже столько спектаклей!

Мне ничего не оставалось, как сказать ей, что я на суточных. Моя собеседница среагировала для меня очень неожиданным образом — она присела прямо посреди тротуара и, схватившись за голову, воскликнула.

— Как на суточных! Ты ведь исполняешь главную партию в спектакле! Ты хоть знаешь, сколько платят за твою партию?

В Палермо на рынке

Но ответить я ей не могла, поскольку понятия не имела, сколько по-настоящему платят за ведущую партию, да и потом в то время меня это как-то не очень волновало — взяли на гастроли и то слава Богу. Но в душе у меня после нашего разговора остался неприятный осадок, и не потому, что у меня было мало денег, а потому, что после её такого бурного реагирования я чувствовала себя как бы виноватой за то, что случайно выболтала, чуть ли не государственную тайну «шпиону». Ведь все-таки она была не наш человек!..

Итак, мы все в основном всё покупали на рынках! Так было намного дешевле.

Из этой поездки я привезла по тем временам красивую люстру, которая, кстати, до сих пор висит в одной из комнат квартиры моего сына Володи, квартиры, где мы с Валентином тоже раньше жили. А всем своим мужчинам я привезла по джинсовому костюму, кроссовкам и т. п. В то время это был

царский подарок! А если еще учесть массу всяких сувениров родным и знакомым, всевозможных сладостей и жевательных резинок, то совершенно понятно, почему мы не тратились на еду.

Помню, ко мне на обед из консервов как-то зашел мой друг и коллега, а также партнер Коля Островский и принес небольшую веточку... красных помидоров! Это был лучший букет! Мне казалось, что он шиканул!

Но возможность посмотреть Сицилию и не только (наши гастроли продолжались и в северных городах Италии, нас возили на экскурсию в Венецию!) да еще плюс теплый эмоциональный прием итальян-

На экскурсии в Венеции

цами наших спектаклей делали наши первые зарубежные гастроли незабываемыми.

А прием действительно был прекрасный. Никогда не забуду своих ощущений, возникших на поклонах после окончания спектаклей. Там в отличие от наших поклонов принято после общих поклонов выходить еще и по одному перед большим главным занавесом. И вот когда наступала моя очередь выходить на поклон, и когда при моем появлении раздавался гром аплодисментов и крики «брави!» (браво), у меня чуть ли не слезы появлялись на глазах, и мне думалось, неужели это все мне одной? — Ну конечно! — отвечал голос изнутри. — Ведь больше на сцене никого нет! Ты стоишь одна! Так что получай свое заслуженное!.. И несмотря на то, что, было, не скрою, очень и очень приятно получать такие персональные знаки внимания, но вместе с тем как-то было не совсем удобно, будто мы, русские, вроде бы и не совсем все это заслуживаем. Хотя мне кажется, и оркестр, и хор, и солисты на-

И. П. Богачева в роли Марфы из сп. «Царская невеста»

шего театра работали превосходно, не говоря уже о приглашенных мастерах.

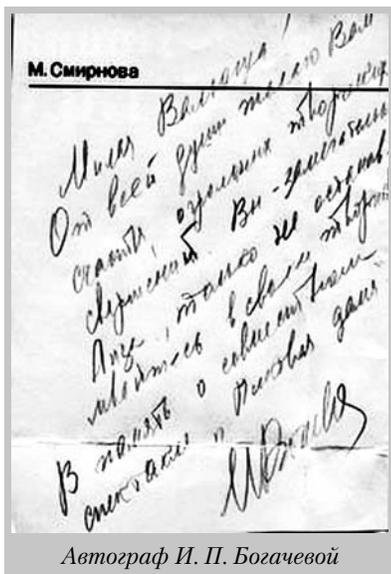
А из приглашенных солистов с нами в эту поездку ездили: на роль Графини Ирина Петровна Богачева — солистка Кировского (ныне Мариинского) театра, Юрий Марусин — к тому времени уже тоже солист Кировского, а также Анатолий Капустин — солист Одесского театра оперы и балета. Юра Марусин и Толя Капустин были приглашены на роль Германа!

Так получалось, что нас, исполнительниц роли Лизы, всегда сажали в гримкомнату с исполнителями роли Графини. Ирина Петровна Богачева в то время уже

была звездой оперной сцены, большой признанной певицей, народной артисткой СССР и вообще гордостью Кировского театра. Мне особенно приятно, что такая знаменитость, в то время когда нам приходилось в гримкомнате сидеть бок о бок, в общении со мной была простой, коммуникабельной и очень приятной. А ведь в ту пору я была начинающей в оперном жанре.

В память об этих днях, когда мы с Ириной Петровной делили одну гримкомнату на двоих, а это было часто на гастролях, у меня остался буклетик об этой замечательной певице с ее пожеланиями и автографами.

От этих первых зарубежных гастролей я осталась под большим

Автограф И. П. Богачевой

впечатлением. Думаю, что не только для меня, но и для всех моих коллег эти первые наши гастролы остались незабываемыми.

А дома нас ждала работа над новой постановкой оперы В. Кобекина «Пугачев».

«Пугачев»

«Пугачев» был выпущен в 1983 году. Это была опера, музыку и либретто к которой написал современный композитор В. Кобекин. Постановщиками этого спектакля были: Станислав Леонович Гаудасинский как режиссер, Валентин Васильевич Кожин как музыкальный руководитель. Художником этого спектакля был Семен Пастух, хормейстером Михаил Травкин, дирижером Владимир Афанасьев.

К сожалению, этот спектакль прошел всего 2 или 3 раза, а затем его, что называется, «сняли», то есть он перестал существовать в репертуаре театра.

В этом спектакле я вместе с Людой Сиренко, одной из наших ведущих певиц, пела партию Екатерины Второй.

Партия у нас была небольшая, но достаточно трудная. Технически она была подвижной, с колоратурами, тесситурно высокой, даже очень, и почему-то на французском языке была вся наша ария.

Помнится, ко мне на премьеру пришел мой хороший приятель Володя, который внимательно следил за моими работами. И вот, после спектакля, он вежливо похвалил меня, сказав, что звучала я хорошо, но что-то произошло с моей дикцией.

— В арии я не понял ни одного слова! Неужели это все из-за колоратур?!

Я ему объяснила, что пела на французском языке.

*Сцена из спектакля «Пугачев».
На первом плане Екатерина
Вторая — В. Юзвенко*

Но его недоумение так и не рассеялось. Зачем Екатерине петь по-французски, если весь спектакль идет по-русски, да и весь остальной музыкальный материал в партии Екатерины Второй также поется на русском языке? Но композитору виднее. На самом деле, думаю, это сделано композитором для того, чтоб подчеркнуть значимость французского языка при дворе в то время.

Кровоизлияние в связки

Не успела я толком освоиться в театре, как со мной произошел неприятный случай, заставивший меня замолчать на целый месяц.

На одном из занятий со своей ученицей (а они у меня были всегда) я показала, как нужно брать высокую ноту — а нота эта была, надо сказать, крайняя в сопрановом регистре, поскольку ученица моя была колоратурным сопрано. Так вот, после этой злополучной ноты ми третьей октавы я не ощутила никакого дискомфорта и спокойно ждала спектакля «Богема», в котором пела партию Мюзетты. А спектакль должен был быть на следующий день.

Мюзетта выходит во втором акте.

*В. Юзвенко в роли Мюзетты
в спектакле «Богема»*

Я, как обычно, пришла к началу спектакля (актер, который занят во втором акте, по театральным правилам, может прийти на явку к началу первого акта), стала гримироваться, одеваться, и решила перед выходом на сцену распеться. Распеваюсь и чувствую, что внизу какая-то хрипота. А у нас на оперных спектаклях, надо сказать всегда, как правило, присутствует врач-фониатр. Я решила к нему зайти.

Тогда в театре работала прекрасная фониатр Шамшева (к сожалению, не помню ее имени и отчества), так вот, посмотрев мои связки, она и ошарашила меня:

— Да у вас, милочка, кровоизлияние в связки! А это значит, ни о каком пении не может быть и речи!

А что делать? Через пару минут мне нужно выходить на сцену! Другая актриса просто физически не успеет подготовиться.

Я запаниковала изрядно. Это было впервые в моей творческой жизни! И потом, что такое кровоизлияние и какие могут быть последствия?

Но выхода нет! Шамшева что-то мне влила в связки, и... у меня все занемело — такое ощущение, что мой голосовой аппарат просто вырубился. Вот с этим ощущением я и вышла на сцену...

Как ни странно, голос у меня был. Он был как бы сам по себе. Врач влила мне препарат, который тонизирует связки, и благодаря ему я смогла допеть спектакль до конца. Но ощущение было отвратительное — я не хозяйка своему голосу, у меня что-то серьезное с голосом и т. д.

После спектакля я захрипела окончательно. Мне выписали больничный, и почти месяц я не разговаривала, а общалась с окружающими при помощи бумаги и авторучки.

Это был мне урок на всю жизнь. Я поняла, что нужно быть предельно аккуратной с самыми крайними нотами, особенно если эти ноты не имеют отношения к типу твоего голоса и не являются рабочими.

А что касается фонетических вливаний, то, несмотря на то, что многие певцы, наоборот, любят, чтобы «подстегнули», тонизировали тонус связок, или, правильнее будет сказать голосовых складок, я же, помня ощущение онемения,

Сцена из оперы «Богема» Мюзетта — В. Юзвенко, Альцендор — В. Юшманов

всегда отказывалась от таких вливаний и вообще старалась как можно меньше обращаться к фониатрам.

Считаю, что если уж ты выбрал вокал своей профессией, то должен знать, как содержать свой голосовой аппарат в порядке. Ведь вялость голосовых связок, депрессии, которые тоже сказываются на голосе, пониженный жизненный тонус в нашем северном климате — привычное дело. Поэтому просто необходимо уметь справляться с подобными состояниями самому.

К слову сказать, передо мной всегда был живой пример моего мужа — Шевелева Валентина, — за все почти 30 лет работы в нашем театре он ни разу не обращался к фониатру и ни разу не брал больничный. Наверное, это другая крайность.

Все же не стоит петь главную партию в совсем плохом голосовом состоянии. Ведь зритель не виноват в том, что ты нездоров, ему ведь хочется получить эстетическое удовольствие от спектакля сполна! Так что все же иногда вокалисту нужно обратиться к врачу, хотя бы затем, чтобы взять больничный лист и помолчать.

А бывают такие простуды, при которых петь просто невозможно. Это самое коварное простудное заболевание для певцов, так называемый трахеит — воспаление трахеи.

Трахеит

Трахеит — это как раз то заболевание, которое певец не всегда в состоянии проконтролировать и быстро себе помочь. Он (трахеит), как правило, начинается внезапно, под связками (подсвязочный трахеит), тогда певец не в состоянии не то, что петь, но и говорить. А иногда начинается с насморка, а затем уже воспаление переходит в трахею. И в первом, и во втором случае трахеит может спускаться все ниже и ниже.

Сопровождается он сильным кашлем, и этот кашель беспокоит до тех пор, пока идет воспалительный процесс, и проходит после того, как «созреет» и отойдет мокрота, как следствие этого самого воспаления.

Если трахеит очень низкий, он может длиться долго, чуть ли не месяц.

Так вот, с этим самым трахеитом у меня свои счеты. Для меня как для певицы это самая коварная болезнь. Особенно коварен

этот самый низкий трахеит, при котором связки как бы довольно чистые и могут смыкаться.

Помню, был у меня такой случай. Мы с моим мужем Валентином должны были выехать за город для участия в концерте, где нам нужно было исполнить дуэт из «Сильвы» И. Кальмана «Помнишь ли ты...». А я, как назло, заболела этим самым трахеитом. «Ну, — думаю, — вроде связки голосовые работают, спую! Проскочу!

Распелась, голос как будто звучит. Перед самым выездом еще раз распелась — чувствую, что появляется «ватность» в голосе, но еще ничего, терпимо.

Выезд был довольно далеко. Ехали мы около двух часов. Концерт должен был состояться в одном из домов отдыха.

Перед самым выходом на сцену, не стала «тревожить» свой голос, чтобы лишний раз его не нагружать. Ведь все равно нужно петь, раз уж приехала — никуда не деться.

И вот я открываю рот, а звука нет. В полном смысле — нет! Все заволокло, пока мы добирались, так что его «не пробить!» Сплошная «вата». А тесситура в начале этого дуэта низкая, это еще больше усугубляет ситуацию.

Кое-как, промучившись первую фразу, я шепнула Валентину: «Пой со мной».

Валентин все понял!

И вот весь дуэт он пел помимо своей партии вместе со мной и мою партию. Было уже не до смысла.

Наверное, зрителю не совсем было понятно, почему Эдвин озвучивает реплики, которые явно по логике должны быть репликами Сильвы и идут от женского лица. Но в этой ситуации нам ничего не оставалось делать.

10 минут «позора» на сцене, и все позади! Но остается ощущение провала и неприятный осадок!..

После исполнения номера в концерте

После этого случая я больше уже не шутила с трахеитом, а всегда старалась уйти на больничный лист и вылечиться.

«Иоланта»

Следующей постановкой в нашем театре был спектакль, который выпустили в ноябре 1984 года. Это была опера П. И. Чайковского «Иоланта».

Постановщиком этого спектакля был назначен наш очередной режиссер, ныне покойный, Андрей Башловкин. Дирижером — Павел Бубельников. А на роль Иоланты были назначены Инна Просаловская, Людмила Сиренко и я.

В. Юзвенко в роли Иоланты

Спектакль готовился долго. Помню, как добротнo мы с Аллой Бростерман и Павлом Бубельниковым работали над музыкальным материалом этой оперы. Репетировали этот спектакль на сцене много и тщательно. Выверяли мизансцены, доводили, что называется, все «до ума».

И вот когда спектакль был уже готов, буквально перед премьерой, пришел на нашу генеральную репетицию Станислав Леонович Гаудасинский, наш главный режиссер. Как раз эту репетицию пела я.

Ему очень не понравилось все, что мы «нарепетировали». Он сказал, что это мрачно, все

не про то, и, взяв опытную певицу и актрису Инессу Просаловскую, за две репетиции переделал весь спектакль. Поменял все мизансцены, поменял все настроения на противоположные, и мы стали свидетелями, как из мрачного, довольно темного спектакль превратился в светлый и оптимистический.

Я очень любила свою партию в этом спектакле и многие годы её пела. Мне кажется, что партия Иоланты как никакая другая

была своим лиризмом и непосредственностью близка звучанию моего голоса.

Помню, как однажды я чуть не задохнулась на этом спектакле, а произошло это при непредвиденных обстоятельствах.

Во время сложнейшего дуэта Иоланты и Водемона, в тот момент, когда Водемон узнает, что Иоланта слепа, я взяла высокую ноту, находясь недалеко от решетки, на которой была сетка с лепниной из роз и листиков. Все это едва держалось на этой выкрашенной сеточке.

И вот, в то время, когда Иоланта срывает по просьбе Водемона розу, я вдруг почувствовала, что во время вдоха мне в горло попал маленький кусочек не то краски, не то лепнины.

У меня появилось жуткое ощущение, что я сейчас задохнусь, если не откашляюсь. Но остановиться в пении я не могла, шел как раз финал этого дуэта и у меня не было никакой вокальной паузы.

Перепугалась я не на шутку! А впереди была еще высочайшая нота в конце нашего с Водемоном дуэта.

Допевала я этот дуэт, уже не думая, ни об образе, ни о сложности высокой ноты, а только о том, чтобы этот крохотный кусочек краски не попал мне дальше в дыхательное горло! Мои глаза и все мое внимание были, что называется, «на связках». Как бы так аккуратно вдыхать, чтобы не усугубить ситуацию!

Благополучно взяв высочайшую ноту, мне нельзя было успокаиваться, ведь нужно было спеть еще небольшую сцену и довольно большой ансамбль, прежде чем можно было бы уйти за кулисы.

Изрядно промучившись, наконец добравшись за кулисы, я кашляла так долго и сильно, пока не выскочил этот злосчастный кусочек краски, что думала «выплюну» свои голосовые связки. Но, слава Богу, все обошлось и, слава Богу, что все без последствий для меня и для моего голоса закончилось!

В этом спектакле было много удачных работ. Мне очень нравился Володя Огновенко в роли Рене, нравились наши Роберты — Николай Копылов и Александр Ненадовский, мне нравилась Нина Зазнобина — Марта.

Впоследствии на партию Водемона ввелись, на мой взгляд, очень удачно Виктор Пищаев и Алексей Кулигин. Да и вообще в этом спектакле все были на своих местах.

Сцена из оперы «Иоланта». Иоланта — В. Юзвенко, Водемон — А. Кулигин

Но особо хочу отметить своего партнера по этому спектаклю, с которым мы изначально и репетировали и с премьеры много пели этот спектакль, Водемона — Колю Островского.

Благородный, с изысканными манерами, с красивым лирическим голосом, Коля ко всему еще был и очень хорошим партнером.

В свое время он, как и я, закончил Одесскую консерваторию вместе со своей женой Натальей (сопрано). В театре же они появились на два года раньше нас, и мы как-то сразу подружились.

Если бы я не знала, что Коля из очень простой семьи, то решила бы, что он «голубых кровей», так он умел держаться и выглядеть на сцене. Вот эта интеллигентность, которая нужна ролям его ампула была и есть у Коли сполна.

А ролей в этом театре у него было предостаточно. Мне кажется, что все партии лирического тенора были его. Это и герцог в «Риголетто» Верди, и Альфред в опере «Травиата» того же композитора, и Ленский в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин», и граф Альмавива в «Севильском цирюльнике» Россини и многие другие.

Сцена из оперы «Иоланта». Иоланта — В. Юзвенко, Водемон — Н. Островский

И вот наряду с такими партиями особенно хочется отметить его Юродивого в спектакле «Борис Годунов» М. П. Мусоргского. Здесь певец предстает совсем в другом свете — удивительное сочетание звучания голоса с тем внутренним миром, который создает певец. Его Юродивый трогает и волнует.

Жаль, что Коля, столько лет проработав в театре (лет тридцать или около этого), так и не получил звания. Но звание лауреата он все же себе заработал, отлично выступив на Всероссийском конкурсе и получив там первое место.

Пели мы с Колей, в партнерстве еще один спектакль, который был мне очень дорог. Это «Богема» Дж. Пуччини. Коля был трогательный, любящий Рудольф. Почему был, потому что этот спектакль, как и опера «Чио-Чио-сан» этого же композитора, к сожалению, уже довольно давно не идет в нашем театре. Да и мы, и я, и Коля, уже как бы не имеем к театру прямого отношения, так как с некоторых пор перестали там работать и занимаемся преподавательской деятельностью.

На гастролях в Париже

На гастролях в Париже мы с нашим театром были неоднократно — раза четыре. У театра было подписано соглашение о сотрудничестве с антрепренером из Франции Альбертом Сарфати.

Этот человек любил оперное искусство и, заинтересованный творчеством нашего театра, устраивал нам гастроли.

В Париж мы возили такие спектакли, как «Пиковая дама» П. И. Чайковского, «Евгений Онегин» того же композитора, «Борис Годунов» М. Мусоргского, «Князь Игорь» Бородина.

Выступали мы всегда в театре на Елисейских Полях.

Последняя поездка в Париж была у нас в 1993 году со спектаклем «Князь Игорь». Но, к сожалению, гастроли с этим спектаклем проходили уже тогда, когда Сарфати не было в живых. Он скончался в мае 1992 года и был похоронен на маленьком деревенском кладбище довольно далеко от Парижа, но почти рядом с его загородной виллой. Так что в наши последние гастроли, которые организовал для театра Альберт Сарфати, мы отдали последнюю дань нашему уважаемому антрепренеру, побывав у него на могиле и возложив цветы со словами благодарности за все, что он сделал для нашего театра.

Наши гастроли, как и всегда, прошли с большим успехом.

Я в этих гастрольных спектаклях пела партию Ярославны. Пела с большим удовольствием, ведь спектакль был только что поставлен, и премьерный дух еще витал во время исполнения этих спектаклей в Париже. Да и гастроли тоже всегда привносят некую особую и ответственность, и торжественность, и особый эмоциональный подъем.

Свободное от спектаклей время мы, как и всегда проводили, изучая город и его достопримечательности.

Париж всегда оставляет неизгладимое впечатление. Особенно ярким оно было в наш первый приезд.

Поселили нас тогда недалеко от Эйфелевой башни, практически в центре Парижа.

Мы с Валентином за время пребывания на этих гастролях исходили пешком чуть ли не весь Париж, настолько нам нравился город. Даже забредали на окраину города, попадая в какие-то небольшие улочки и переулки.

Эйфелева башня

Город необычайно красив особенно вечером и ночью.

На реке Сене стоят пришвартованными, а какие-то ходят прогулочные катера. Все они светятся так ярко, что освещают берега.

Красавица Эйфелева башня — символ Парижа вечером с подсветкой выглядит просто изумительно — необыкновенно ажурной, легкой, как будто в некой дымке! Необычайно интересно чувствуешь себя и под ней. Она нисколько на тебя не давит, а, наоборот, ее ажурность привносит какую-то загадочность. И только движущиеся вверх и вниз лифты внутри башни,

которые соединяют смотровую площадку с подножием этой башни, возвращают тебя к реальности.

Незабываемый красавец Монмартр покоряет некой уютностью и оригинальностью.

На внушительном возвышении находится очень красивый белого цвета католический храм под названием Секре-Кер, что в переводе означает Сохраненное сердце. Это храм, где как бы хранится сердце Христа.

Построен он был по проекту архитектора Абади между 1876–1910 годами в римско-византийском стиле.

Выглядит он изумительно — строго, но вместе с тем возвышенно.

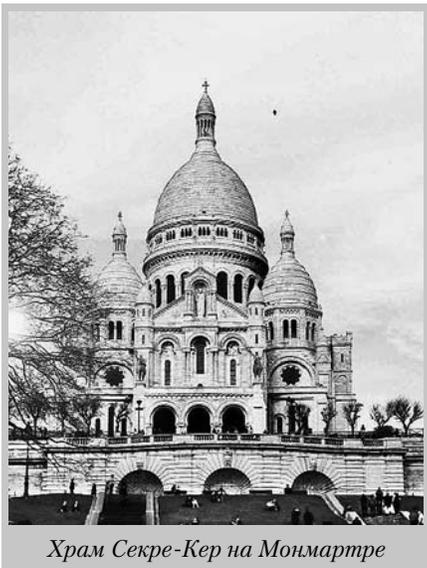
По бокам большой лестницы, которая ведет на гору к площадке, перед храмом сделаны насаждения с цветами кустарниками и всевозможными небольшими деревцами.

Площадка возле храма довольно большая и в настоящее время является смотровой, откуда открывается вид на панораму города. Все это очень и очень впечатляет.

Раньше на этой площадке обитали художники. Они тут же и рисовали, и продавали свои картины. Теперь художники обитают в Латинском квартале на набережной реки Сены. В основном это небольшие лавчонки или просто лотки, где художники продают свои картины. А рисуют они, как мы могли видеть, везде. Особенно их много, как мне показалось, в парках.

Незабываемыми остались впечатления от посещения католического храма — собора Парижской Богоматери. Храм необыкновенной красоты. Каждый раз, когда мы бывали в Париже, мы обязательно посещали этот собор и не по одному разу. Я очень любила в нем бывать. Там какая-то особая атмосфера, располагающая к раздумьям о вечном и о духовном. Очевидно, это как-то связано с огромными размерами этого храма внутри, где каждый может «затеряться» и побыть наедине с самим собой и с Господом.

Кабинки-исповедальни, а также большое количество скамеек в центре собора у кафедры, где можно посидеть и подумать, особо

Храм Секре-Кер на Монмартре

располагают к этому. А светящиеся цветные витражи с изображением сценок из жизни Христа создают возвышенную атмосферу.

Не оставляют равнодушными и скульптуры на религиозные темы, которых, как правило, в католических храмах довольно много.

Невозможно было не задержаться нам возле большой скульптуры «Пьета», на которой изображен снятый с креста Иисус Христос, оплакиваемый Марией.

Огромные колонны, большой орган придают храму необычайную величественность.

Храм замечательно смотрится и снаружи. Несмотря на то, что сооружен он из камня, полное ощущение, что он сделан, а лучше сказать вырезан из дерева. Стены храма выглядят просто кружевными!

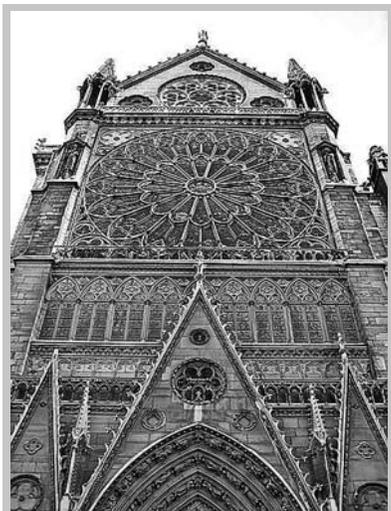
У входа вырезаны в полный рост шесть апостолов с одной стороны и шесть апостолов с другой. По бокам и сзади собора довольно

большое количество химер, которые, по преданию, должны отгонять злых духов.

С обратной стороны этого величественного здания в небольшом дворике-скверике находится небольшая часовенка Божьей Матери.

Собор этот находится на берегу реки Сены, портальчики набережной которой обвиты вьющимися деревьями-кустарниками.

Когда мы проходили по мостику через Сену рядом с собором, вдруг услышали мелодии из оперетты Легара «Веселая вдова». У меня от неожиданности екнуло сердце. Эти мелодии были мне очень знакомы, ведь я так часто их исполняла в то время, когда работала в жанре оперетты. Мне показалось, как будто я встретила своего давнишнего любимого друга, по которому очень соскучилась.

Собор Парижской Богоматери

Мы в каком-то настольгическом настроении подошли к шарманщику, который исполнял эти музыкальные фрагменты, и провели несколько незабываемых для меня минут в компании этого самого шарманщика, его шарманки, издающей такие «душещипательные» для меня звуки, и кота, который на правах хозяина величественно и задумчиво восседал на играющей шарманке. Наверное, он, как и я очень любит оперетту...

В Париже много и других соборов, которые мы тоже посетили но ни один из них не оставил в моей памяти такого неизгладимого впечатления как Собор Парижской Богоматери.

Погода, несмотря на то что, мы были там зимой, была хорошей, по-настоящему европейской, то есть плюсовой. Но ходили мы в шубах, которые приобрели на прошлых гастролях в Греции. Ходили в красивых шубах не потому, что было холодно, а для того чтоб пофорсить и чтобы там, в Париже, увидели, что мы, русские, тоже «не лыком шиты», хотя, как я сейчас понимаю, по большому счету там никому до нас не было дела. Все

живут своей жизнью. В этом мы могли убедиться, неоднократно побывав в гостях у наших соотечественников, которые уже давно эмигрировали во Францию и считались настоящими французами.

*В Париже в гостях у наших эмигрантов.
Мы с Валентином поем романсы*

Но видно корни этих людей дают о себе знать. И несмотря на свои житейские и даже материальные проблемы, о которых нам рассказывала вскользь одна из наших таких знакомых, они с большой радостью встречали нас на небольших приемах, устраиваемых в нашу честь. А также с большим трепетом и волнением слушали на импровизированных наших концертах, на этих приемах, русские песни и старинные русские и цыганские романсы.

Мы с Валентином, как и многие наши коллеги, тоже много и от души пели эти задушевные произведения, так как видели и ощущали, что для этих людей встреча с их родной исконной культурой очень много значит.

Принимали нас прекрасно, поэтому мы для них все пели и пели, а они все слушали и слушали...

Питались мы, как и всегда на гастролях, в гостинице у себя в номере готовя на электроплитке, а за продуктами, в основном за овощами и фруктами, ходили на рынок, который находился недалеко от нашей гостиницы.

Этот рынок тянулся, наверное, на целый километр, и чего только там не было! Здесь впервые мы увидели фрукты, которых раньше никогда не видели и о существовании которых даже не догадывались. Это сейчас многое можно купить и у нас, а тогда... Свежая клубника зимой, киви, каштаны, ананасы, манго, авокадо и многое другое приводили нас в изумление.

Помню наше первое знакомство с авокадо. Мы с Валею купили овощей и решили побаловать себя чем-то вкусеньким из фруктов. Наш выбор пал на авокадо. Название нам понравилось, и мы решили, что это что-то сладкое и сочное типа манго.

Но когда мы попробовали «это» на вкус, то разочарованию нашему не было предела. Вместо сладкого и сочного мы ощутили что-то жирное и вязкое и уж совсем не сладкое.

Не сговариваясь, мы вместе тут же выплюнули и выбросили этот «фрукт», решив никогда больше его не покупать. Вот что значит настрой!

На сегодняшний день я очень люблю этот овощ, особенно в салатах, а Валентин остался в лучшем случае к нему равнодушен. Всякий раз, когда я его покупаю, он говорит мне «зачем ты его берешь!».

Не остался без нашего внимания и Латинский квартал.

На маленьких улочках кругом кафешки со столиками прямо на улице, и всюду еда, еда...

Нам с Валентином особо приятно было находиться в этом квартале, так как о нем упоминается в опере Пуччини «Богема» и даже действие во втором акте происходит в одном из таких кафе. Там мы впервые увидели, что такое шаверма.

Помню, с каким интересом мы наблюдали за тем, как лихо продавцы прямо на глазах у покупателя обрезают жареное мясо и делают с ним бутерброды.

Париж очень красив. Большое количество прекраснейших архитектурно интереснейших зданий и значимых мест. Это и здание музея современного искусства, и королевский дворец Франции Пале Рояль, и Лувр, несколько похожий на наш Эрмитаж.

Не оставили нас равнодушными и Триумфальная арка, и сад Тюильри, и площадь Бастилии, где на месте старой тюрьмы выстроен современный, очень большой оперный театр, в котором мне выпала честь спеть Лизу в опере «Пиковая дама» Чайковского в постановке Андрея Кончаловского, и площадь Согласия, и дворец Инвалидов и многое другое.

Помню, с каким трепетом мы пошли в Лувр посмотреть на знаменитую картину Леонардо да Винчи «Джоконда». Но впечатления нас разочаровали. Картина была в целях безопасности за бронированными стеклами довольно далеко от зрителей, и ощутить всю загадочность этой картины нам не удалось, хотя все остальное в Лувре нас впечатлило.

Под конец наших гастролей мы, гуляя по Парижу, совершенно случайно попали в сквер-аллею Марсея Пруста, от которого после площади Согласия начинается проспект Елисейские Поля и где на протяжении всего проспекта были выставлены произведения скульптора Ботеро.

Скульптуры Ботеро

Это очень необычные скульптуры. Они изображали людей и животных, патологически толстых. Скульптуры выполнены из гранитного камня и по размерам достаточно большие.

Поражали не только полнота этих людей и животных, но и композиции, в которые они были включены. Ничего подобного

Другие работы художника и скульптора Ботеро

до этого нам не приходилось видеть. Например, на мужской голове, как на пьедестале стояла во весь рост толстая и безобразно сложенная по нашим меркам женщина. Или наоборот — стояло одно большое туловище, но без головы. Таких скульптур с разными незамысловатыми сюжетами

было много, почти на протяжении всего проспекта. И хоть мы не совсем понимали и, наверное, принимали такое современное направление в скульптуре, но смотрели на все это с большим интересом и любопытством.

Дойдя до очень дорогих магазинов на Елисейских Полях, мы все же заглянули в один из них и провели там напоследок немало времени. Но задержались мы там вовсе не потому, что нас интересовал товар в этом магазине, а потому, что в нем находились огромные водяные часы!

Эти часы высотой в два этажа состояли только из прозрачных всевозможных стеклянных колбочек и трубочек разного размера. Они были наполнены зеленой жидкостью, которая время от времени переливалась на глазах у множества зрителей из одной емкости в другую в зависимости от того, «выливались» ли секунды в минуты или минуты в часы.

Зрелище было по-настоящему захватывающим. Недостатка в зрителях не было. Многие, как и мы, стоя у лестничного пролета, не в состоянии были оторвать взгляда от этих водяных часов и все время ждали, когда же эти наполненные жидкостью минуты снова перельются в часы.

Дополнил наши последние впечатления от Парижа движущийся пылесос — машинка, которая, специально разъезжая по центру Парижа, чистила улицу от собачьих экскрементов. Вот это да! А что остается делать? Собак в городе много, а гулять им

негде. Мы на это обратили особое внимание, так как сами в то время были собачниками — у нас жили две наши любимые собачки Дашенька и ее дочка Гердочка.

Домой мы летели из огромного аэропорта Шарль де Голль, посреди здания которого красовался большой фонтанный каскад.

Провожали нас, как и встречали... зайцы!!!

Огромное количество этих милых зайчиков, которые, наверное, постоянно живут на поле в аэропорту, бежали рядом с движущимся самолетом так же быстро, как набирал скорость и наш самолет, и бежали они до того момента, как взлетел самолет...

У себя на даче с нашими собаками

«Богема»

«Богему» в театре я пела достаточно долго. Вначале это была партия Мюзетты, а затем, когда спектакль как бы ставили заново, пела партию Мими. А ставил этот спектакль режиссер Семен Ильич Лапиров. Интеллигентный, приятнейший человек, от которого мы никогда не слышали грубого слова.

Служить себя и окупать частичкой гениального полотна — это счастье! Оркестру, его солистам удалось создать картину ярких образов. Не буду называть имена лидеров, ибо дыхание было единым, все жили жизнью героев оперы.

Назову лишь одно имя — Валентина Кляченко, для которой этот спектакль был премьерой. Кто может определить срок, достаточный для ввода в партию Мими?

Думаю, никто. В кратчайшее время Валентина Степановна профессионально ^{пофиготшила} эту партию и вдохновенно и ярко прожизила жизнь героини всего за три часа. Это — настоящее мастерство. Большой успех.

*Заметка дирижера В. П. Афанасьева в театральной стенгазете.
На фото — Юзвенко в роли Мими*

С. И. Лапиров

Всегда элегантно одетый, внимательный, романтично настроенный. И эта романтичность передавалась и нам. С этим режиссером я и мои коллеги работали также и над постановкой спектакля «Дон Карлос» Дж. Верди, которая осуществилась несколько позже «Богемы».

Семен Ильич Лапиров, к сожалению, уже довольно давно ушел из жизни, но оставил о себе самые светлые и приятные воспоминания.

Вспоминая свой ввод в партию Мими, не могу не упомянуть о той очень дружественной обстановке, которая царила тогда в театре. Мой ввод не просто был отмечен на рояле (за кулисами во второй гримкомнате прямо на рояле накрывали стол в связи с вводами в спек-

Вечер 11 сентября подарил мне много приятных ощущений. Шла, после долгого перерыва, "Богема". Я с удовольствием откликнулся на просьбу Станислава Леоновича ввести в партию Мими Валентину Степановну Юзвенко. Однако, должен признаться, что это удовольствие было окрашено немалым сомнением. Яркая, темпераментная, обольстительная Мюзетта решила превратиться в нежную, хрупкую, беззащитную, но умеющую беззаветно и горячо любить, Мими.

Никто не станет мне возражать, что для такого "перевоспитания" нужно обладать незаурядным дарованием. Я как-то не припомню какую либо певицу, рискнувшую на такой шаг. Валентина Степановна рискнула... и победила. Работа с ней доставила мне большое удовольствие. Удивительный профессионализм. Естественность чувств, вырастающее из глубокой музыкальности, позволили избежать штампов и наигрыша. Мими-Юзвенко бросила вызов Юзвенко-Мюзетте.

Заметка режиссера С. И. Лапирова в стенгазете

«Банкет» на роле

такли или праздниками), но и рядом статей, которые появились по этому поводу в нашей стенной газете.

В это сейчас трудно поверить, но у нас выпускалась такая газета, которую

оформлял много лет очень хорошо рисующий наш солист Слава Буреев и выпускал ее в связи с разными событиями в нашем театре.

Мне особо приятно было поместить эти статьи, так как они написаны уважаемыми мною людьми. Читатель заметил, что одну из статей написал Николай Островский, мой Рудольф.

Островский:

... Будучи солисткой одесского театра оперетты, в консерватории Валентина появилась неожиданно и бывала там наскоками. На экзаменах удивляла "коридорную кафедру", нас-нормальных студентов, своим умением, какой-то беспроблемностью. Потом уехала в Москву...

Я удивился еще раз, когда узнал, что Извенко прослушивается в наш театр. "Кризис жанра"; тогда наблюдалась миграция хороших голосов в разного рода ансамбли. Но, видимо, решение не было случайным.

За короткий и явно недостаточный, для ввода в "Богему", период репетиций Валя стала "своей". Это признали все "старожилы" спектакля...

На премьере помимо Коли пели Владимир Огновенко — Рене, Нина Зазнобина — Лауру. Устинова была в роли Бригитты, Николай Копылов в роли Роберта, Тычко Володя в роли Эбн-

*С партнером Константином
Котельниковом*

Хаккиа, Напарин Володя в роли Альмерика, Сережа Сафенин в роли Бертра-на. Несколько позже в этот спектакль ввелся поступив-ший на работу в наш театр еще один выпускник нашей Одесской консерватории Костя Котельников, с кото-рым я так же спела не один спектакль одной из своих любимых опер «Богема».

Валентин на переподготовке

Прожив год в театральном общежитии, мы наконец перееха-ли в трехкомнатную квартиру «хрущевку» на Тихорецком про-спекте, возле станции метро «Политехническая». Эту квартиру мы получили в обмен на нашу московскую квартиру.

Андрюшка пошел в 1-й класс, а маленького Володю мы устро-или в детский сад рядом с домом.

Самое трудное было рано вставать, особенно мне.

После большого спектакля, в котором поешь главную партию очень трудно уснуть. Полночи все «доигрываешь» спектакль — так велико эмоциональное возбуждение! И конечно, если поздно засыпаешь, то, понятное дело, утром рано очень трудно встать.

С мужем Валентином возле своего дома

В связи с этим чести и хва-ла моему мужу Валентину, который эту трудную миссию взял на себя. Он рано вставал, провожал в школу Андрюшу, отво-дил в садик Вову и опять ложился досыпать.

Что касается спектак-лей, то по нашей просьбе, зная, что у нас двое ма-леньких детей, занимали нас так, чтобы по возмож-

ности кто-нибудь из нас вечером был дома. А репетиции, как правило, были всегда утром.

Как-то позвонили нам в дверь и человек в военной форме предложил пройти Валентину в военкомат с тем, чтобы уточнить формальности по установлению брони, что касается его военной переподготовки.

Ничего не подозревая, мой муж пошел с этим военным в надежде вернуться через пару часов. Да не тут-то было! Его сразу же забрали на переподготовку...

Я осталась одна с двумя детьми, а у меня, как назло, спектакли. С кем оставлять ребят? Хорошо, что недалеко от нас жили наши друзья Володя и Галя Недяк. С Володей мы были знакомы давно, еще со студенческих лет в Киеве. Так вот вечерами, когда я была занята в спектаклях, Володя пару раз и оставался с моими детьми. Несмотря на то, что прошло уже много лет, пользуясь случаем, хочу сказать ему еще раз огромное спасибо!

Теперь уже вставать рано утром мне приходилось самой, а от моего мужа

Сын Володя в трехлетнем возрасте

все не было вестей. Как долго его еще продержат в армии?..

И вот спустя недели две появляется Валентин — грязный, простуженный, заросший.

Он со своими товарищами сбежал в самоволку на выходной и на электричке из Лосево приехал домой на побывку. Порассказал много интересного. Невзирая на слякоть и первые заморозки (дело было в ноябре), новобранцев, в числе которых был и Валентин, заставили служить, что называется, «по полной».

Детское фото сына Андрея

На учениях им пришлось спать в палатках, на земле, ходить в учебные бои. Валя решил попробовать гранатомет. С насморком, да еще оглохший от гранатомета, он долго не мог отойти от этой службы.

А в тот вечер, когда он пришел в самоволку, дома царила атмосфера «фронтной побывки», когда не можешь нарадоваться встрече.

Одного выходного было крайне мало, чтобы отойти хоть на время ото всего, полечиться. Но мы знали, что через неделю всему этому конец — Валя закончит переподготовку и все опять войдет в свое русло.

После этой службы на память осталась тетрадка — «Дневник стрелка», где Валентин описывал все свои впечатления от этой переподготовки. А в моей памяти остался образ чумазого, небритого, в кирзовых сапогах Вали — «партизана», как они называли сбегающих в самоволку.

«Доротея»

Повесили распределение комической оперы «Доротея» Хренникова и актеры стали учить музыкальный материал этой оперы.

Актеров в этом спектакле было занято очень много. Практически весь театр. Я же в этом спектакле не была занята, но тем не менее с большим удовольствием посещала сценические репетиции спектакля, постановщиком которого был Станислав Леонович.

Сцена из спектакля. «Доротея». Доротея — Н. Романова, Карлос — В. Шевелев

Особый интерес был вызван тем, что эта опера была с разговорными сценами и это, напоминало мне тот жанр, в котором я не так давно работала.

Мне все время на репетициях хотелось выйти на сцену и самой поучаствовать в диалогах. Но, наверное, именно поэтому Станислав Леонович и не

занял меня в этом спектакле, чтобы я совсем избавилась от «опереточного налета».

Помню, что в репетициях разных спектаклей, когда его что-то не устраивало в моем исполнении или, может быть, это ему напоминало оперетту, он всегда говорил: «Валентина Степановна! Это было в другой жизни!»

Финал спектакля «Доротея»

Но я до сих пор очень люблю этот жанр за его доброту, жизнерадостность и оптимизм, которых так не хватает в нашей жизни.

На спектакли «Доротея» я частенько приходила со своими сыновьями Андреем и Володей. Им очень нравился этот спектакль.

Там было много фехтования, а музыка проста и доступна. Пьеса смешная, а главное, наш папа, артист Валентин Шевелев, игравший в этом спектакле роль Карлоса, в одной из сцен выходил, гарцуя в образе Лошади, когда нужно было на коляске вывезти Мендосо.

Дома мои мальчики устраивали продолжение спектакля.

Взяв вместо шпаг палки, фехтуя и подтанцовывая, распевали дуэт главных героев из первой картины. При этом спорили, кто из них будет дядя Коля Копылов, а кто дядя Коля Островский — наши актеры, играющие персонажей которых изображали мои сыновья.

В этом спектакле главными героинями были Нина Романова и Ольга Корженская, исполнявшие роль Доротеи. Мне нравились обе эти актрисы. Они работали характерно, насыщенно, масштабно, энергетически наполнено. А главное звучали прекрасно, несмотря на то, что им приходилось много танцевать и вообще много двигаться.

Прелестными были и наши Бьянки — Лена Устинова и Таня Домникова — обе подвижные, хорошо говорящие.

Очаровательными были две комические сцены. Одна сцена с настоятелем монахом, которого превосходно играл Слава Бурев, вторая — с монашкой и хором.

Монашку играла Майя Кузнецова — обаятельная, с красивым голосом, задорная! Ее канкан с другими монашками, артистками хора, всегда вызывал бурю аплодисментов.

В этом канкане принимала участие еще одна девушка из действующих персонажей — Леонора.

В последствии мне все-таки пришлось вестись в этот спектакль, именно в эту роль, и я также имела удовольствие участвовать в этой сцене.

А премьера спектакля «Доротея» состоялась 24 марта 1985 года, и первые спектакли сыграли: Дон Джеромо — В. Огновенко, А Калиновский; Инесса — Т. Домникова, Е. Устинова; Фернандо — Н. Копылов, А. Ненадовский; Антонио — В. Напарин, Н. Островский; Доротея — Н. Романова, О. Корженская; — Леонора — И. Просаловская; Мендосо — Л. Гладков, С. Сафенин; Дон Карлос — В. Шевелев; отец Пабло — С. Буреев, В. Тычко; монахи — В. Куш, С. Докучаев; настоятельница монастыря — М. Кузнецова; Фраскита — В. Реготун; Лопес — В. Лукьянов; Санчо — Г. Людько.

Музыкальным руководителем этого спектакля был Валентин Васильевич Кожин.

Триптих

Почти в параллель (спектакль вышел чуть позже — 30 мая)

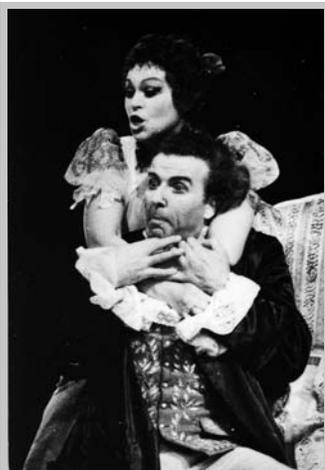
*В роли Серпины в спектакле
«Служанка-госпожа»*

мы готовили вокальные партии для постановки триптиха, который состоял из «Служанки-госпожи» Дж. Перголези, «Телефона» Дж. Менотти и «Писем любви» В. Губаренко.

Это был спектакль, который включал в себя три одно-актных оперы в постановках выпускников режиссерско-

го отделения консерватории класса С. Л. Гaudасинского.

«Служанку-госпожу» поставил Евгений Курохтин, а пелив немя—Серпину, а Володя Огновенко — Уберто.

Сцена из спектакля

Сцена из спектакля

«Письма любви» поставил И. Крылов, а пела его Таня Черкасова.

«Телефон» поставила Ольга Капанина, а пели эту оперу Лена Устинова — Люси, а Сережа Сафенин — Бена.

Художником всех трех спектаклей был И. Крылов, дирижером — В. П. Афанасьев.

Молодым режиссерам очень помог Станислав Леонович. Он почти все время присутствовал на репети-

циях. Помню элегантных Сережу и Лену в опере «Телефон». Трогала Таня Черкасова в моноопере «Письма любви». Да и мы с Володей Огновенко тоже очень старались хорошо спеть и в то же время с большим удовольствием по-хорошему дуррачились, как и положено в комической опере.

К сожалению, этот спектакль прошел раза два, и после этого его в нашем репертуаре не стало. Жаль — работа была проделана большая.

Сцена из спектакля

Вне театра (экскурсии)

В театре в отличие от сегодняшних дней кипела и общественная жизнь. Мы с удовольствием ездили с коллегами в организованные театром экскурсии, а также театральными автобусами — по грибы и ягоды.

Особенно плодотворным в этом отношении был 1989 год. Мы ездили в лес и в Сосново, и недалеко от Лосева.

Набирали очень прилично (ведрами) клюкву, а также и грибы.

Помню, набрали целое ведро горькух, а что с ними делать так и не знали.

А в 1989 году в январе на три дня мы поехали на экскурсию в Таллин. Было все очень неплохо организовано: и питание, и экскурсии, и магазины. Ездили мы туда специальным поездом, и ночевали там же в вагоне.

Аналогичные поездки были и в Ригу. Туда я ездила дважды — первый раз тоже в январе этого же года, а потом еще и в апреле. Я с большим удовольствием посетила в свободное время свой бывший театр оперетты и насладилась общением со своими рижскими друзьями и коллегами.

Сцена из спектакля «Дамы и гусары». В. Юзвенко и Е. Хромов

Побывала в гостях у своего бывшего партнера Лени Рымаря, а также в очень гостеприимной семье Ефима Хромова, тоже моего бывшего партнера.

С Фимой в свое время мы вместе работали такие спектакли, как «Дамы и гусары» Гладкова, «Великолепная тройка» Цабадзе, а также «Сильва» Кальмана. Фима играл Бони, а я Сильву. С большим удовольствием познакомилась и с его женой Жанной Глебовой.

Жанна, как и я, но только несколько позже окончила нашу Киевскую студию и приехала в Ригу

работать в амплуа субретки. Фима Хромов был простак по амплуа. Естественно, они работали в паре, отсюда и возник их союз не только творческий, но и семейный. У них уже было двое детей.

Мне очень понравилась их большая квартира.

Ребята были в то время в расцвете своих творческих сил. Жанна, несмотря на то что в театре пела Стасси в спектакле «Сильва», тем не менее снялась в музыкальном фильме «Сильва» в роли Сильвы. Партнерами по этому фильму у нее были Ивар Калныньш в роли Эдвина, а также замечательный актер нашего Ленинградского театра комедии, мною любимый Игорь Дмитриев в роли Воляпяка — отца Эдвина. Режиссером этого фильма был Ян Фрид. Зрители хорошо знают этот фильм. Его довольно часто показывают по телевизору.

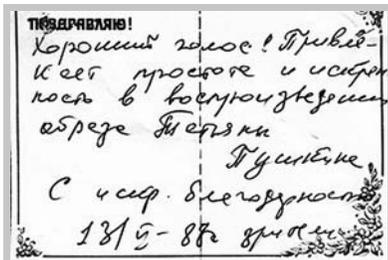
Жанна Глебова в фильме «Сильва»

Мне очень приятно об этом писать, так как это служит подтверждением написанного мною выше о качестве подготовки актеров в нашей театральной студии при Киевском театре оперетты.

Но я ходила не только по гостям. Помню, как мы с Майей Кузнецовой, моей коллегой, с которой поехали на экскурсию в Ригу, восторгались промтоварными магазинами, особенно рижским трикотажем. Так что своим обновкам мы тоже были очень рады!

«Евгений Онегин»

В конце 1986 года, а именно 28 ноября, увидел свет в постановке Станислава Леоновича Гаудасинского один из лучших спектаклей нашего театра — опера Петра Ильича Чайковского «Евгений Онегин». Музыкальным руководителем этого спектакля был В. Кожин, художником С. Пастух, балетмейстером Н. Долгушин.

Записка от зрителя, полученная вместе с цветами

В роли Татьяны из оперы «Евгений Онегин» П. И. Чайковского

Распределение ролей в этом спектакле меня разочаровало. Мне не дали роль Татьяны! А я считала, что эта партия по голосу именно для меня. Тем более что я помнила свое приглашение главного дирижера Воцанка в Минский театр оперы и балета на партии «Чио-Чио-сан» и Татьяны в операх «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини и П. И. Чайковского «Евгений Онегин».

Но Станислав Леонович считал по-другому, и мне ничего не оставалось, как смириться с этим.

И все же судьба была ко мне милостива, и впоследствии меня по производственной необходимости ввели в этот спектакль.

Пела я партию Татьяны с большим удовольствием и довольно долго.

Помню, Нина Романова, исполнительница Ольги, уже когда мы были не так молоды, не раз во время спектакля говорила:

— И сколько же, Валя, мы будем с тобой петь этих девочек?

Конечно, мы понимали, что жизнь сама внесет свои коррективы, что она и сделала, и впоследствии мы опять в паре с этой певицей пели уже другие партии в этом спектакле. Я пела Ларину, мать Татьяны и Ольги, а Нина пела Няню.

Спектакль получился красивым. Необыкновенно простым, но очень поэтичным, романтичным и в то же время современным

«Евгений Онегин» — сцена письма. В роли Татьяны

6 февраля 2005 года

СЕГОДНЯ В СПЕКТАКЛЕ УЧАСТВУЮТ:

Ларина	исполнитель артистка России В.С.Беломестная
Татьяна	исполнитель артистка России Е.С.Борисевич
Оля	артист Международного конкурса Я.С.Корыткова
Нина	Е.В.Степанова
Олеся	артист Международного конкурса Д.И.Неланов
Людмила	А.М.Волыкина
Григорий	артист Международного конкурса К.Р.Алиев
Триш	доцент кафедры балетного искусства А.И.Петров
Зарина	А.И.Пузанов
Резвый	И.М.Савурин

ДИРИЖЕР – Е.И.ПЕРУНОВ

Уважаемая Валентина Степановна!
Очень приятно узнать Вас в Петербургской опере. Спасибо Вам — беззаветную, неуступчивую борьбу в Бакинском оперетте (Радаман — Ю. Руденко)!!! Мне нравится генераторы, я влюбилась, Вас очень люблю. Как-то разговаривалась и с Валядой и с Ириной, судя по радио в зале мне очень нравятся 13-14. Вот-мужик в оперетте, как и в опере, конечно, самый красивый. Рада видела и слышала Вас снова. Спасибо.

В.С.Беломестная

Записка от зрительницы

было художественное решение этого спектакля. Ажурные тюлевые занавески, которые являются то кронами деревьев, то подсвеченными колоннами, расписанные автографами

и портретами Пушкина, выглядели очень стильно, а главное здорово подчеркивали простоту и лиричность гениальной музыки Петра Ильича Чайковского.

Еще мне понравился этот спектакль тем, что решен он был в традиционном стиле и по своему сценическому решению был очень светлым.

Музыка Чайковского в этой опере замечательная, очень одухотворенная.

Как-то раз, в то время, когда я еще пела Татьяну, пришла на спектакль не совсем здоровой — была слабость, вялость, не было нужных сил. У нас, у певцов, это моментально сказывается на звучании.

Но вот началась длинная сцена письма Татьяны «Я вам пишу, чего же боле...». Там есть замечательное музыкальное место, написанное композитором на пиано (то есть очень тихо) — «Где ты, мой ангел ли хранитель?».

В нашем театре этот сценический эпизод был

Сцена с няней. Няня — Нина Зазнобина

подчеркнут мизансценой, в которой Татьяна ставит зажженную свечку на подоконник и поет, в задумчивости обращаясь в мечтах к невидимому Онегину. И вдруг я почувствовала, как будто надо мною, откуда-то из космоса возник какой-то луч энергетический. Было ощущение, что меня сверху подсветили! Мою слабость и недопомогание сразу же как рукой сняло.

Дальше этого луча я не ощущала, но допела спектакль удачно, хорошим звучанием и совсем не ощущая никакой усталости.

Сначала я подумала, что мне это просто показалось, но потом на других спектаклях «Онегина» неоднократно это ощущение появлялось! Это место в партитуре действительно обладает какой-то особой, мистической энергией.

Подобное место есть и у Дж. Пуччини в спектакле «Чио-Чио-сан», когда Баттерфляй, героиня спектакля, в финале первого акта на два пиано доверительно обращается к Пинкертону: «Любите, жалейте, в обиду не давайте, как детку приласкайте и у сердца согрейте...». У нас эта мизансцена была на коленях у ног сидящего героя...

Может быть, это лично мое ощущение эмоциональное этих кусков, может быть, это моя энергетика так реагирует на данные музыкальные фразы — не знаю. Но когда это произошло впервые на спектакле «Евгений Онегин», мне показалось, что это какая-то помощь извне. Я думаю, что когда Чайковский писал эти музыкальные фразы, он был отмечен какой-то особой духовностью.

Как всегда, музыкально спектакль был очень хорошо сделан Валентином Васильевичем Кожиным.

Что касается актерских работ, то мне очень нравилась Татьяна — Инесса Просаловская: лиричная, женственная, хорошо звучащая. Красиво эту партию пела и Света Волкова.

Сцена из спектакля. На переднем плане Н.Бирюкова в роли Ольги и В. Юзвенко в роли Лариной

А нашими партнерами в роли Онегина еще с премьеры были Коля Копылов и Саша Ненадовский. Поправлюсь, не только были, но и есть. До сих пор эти замечательные певцы остаются в хорошей форме и до недавнего времени пели партию Онегина. Ну что ж — все правильно. Женщины стареют быстрее, особенно на сцене...

Я с большим удовольствием пела и партию Лариной.

В этом спектакле Ларина и Няня выходят на сцену в самом начале оперы, что называется, готовы «под занавес».

Помню, как-то раз в этой партии со мной произошел курьезный случай. В последний момент перед выходом на сцену я решила забежать в туалет (да простит мне читатель такую довольно интимную подробность).

Кабинки в нашем закулисном туалете в то время были очень маленькие. В театральных костюмах мы там еле помещались. Сейчас, после ремонта, все стало несколько лучше. И вот, второпях закрыв за собою дверь, я нечаянно, оттого что было тесно, ударила себя дверью по носу. Сначала я не очень обратила на это внимание, но когда вышла с няней (Ниной Романовой) на сцену, почувствовала, что на моем носу какая-то влага, а Нина удивленно и растроганно смотрит на мою физиономию.

У меня в руках был платочек. По ходу действия на сцене, оттого, что жарко, я должна им обмахиваться. Приложив этот платочек к носу, я увидела, что он в крови... Нос, таки я разбила!

И вот всю нашу сцену с няней, вместо того чтобы обмахиваться платочком, я прикладывала этот белый платочек к своему носу, который к концу сцены был весь в крови.

Не знаю, заметил ли это зритель или нет, но мы с Ниной, по моему, даже что-то «наврали» в нашем ансамбле.

В партии Лариной

Наш спектакль просуществовал больше 20 лет. Многих персонажей спектакля в последнее время играли другие актеры, более молодые, и это естественно. А тогда на премьере роли исполняли: Евгений — Александр Ненадовский, Татьяна — Инесса Просаловская, Ольга — Нина Романова, Ленский — Николай Островский, Гремин — Владимир Огновенко, Ларина — Диана Ермолаева, Няня — Майя Кузнецова, Зарецкий — Виктор Куц, Трике — Николай Думцев, Ротный — Сергей Сафенин и др.

Шотландия

В 1986 году наш театр отправился в столицу Шотландии Эдинбург на фестиваль оперного искусства.

Повезли мы туда три названия опер, это «Мария Стюарт» Сергея Слонимского, «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Петра Ильича Чайковского.

У театра в Эдинбурге. Слева направо – В. Кожин, представитель от управления культуры, Н. Копылов, А. Ненадовский, Н. Романова, В. Панкратов, В. Юзвенко, А. Капустин, Л. Казарновская, С. Волкова, В. Огновенко

Л и з у в « П и к о в о й даме» и Марию в «Марии Стюарт» должна была петь я, а Татьяну в «Евгении Онегине» должна была петь приглашенная для этих гастролей Любовь Казарновская.

Для меня как для исполнительницы роли Марии Стюарт

эта поездка была особо интересной, ведь мы будем в тех местах, где и происходили эти исторические события, связанные с шотландской королевой Марией.

Поселили нас в Эдинбурге в частной гостинице. Я впервые была в такой маленькой гостинице, она состояла всего из трех этажей, и на каждом этаже было всего по 4 номера. В ней жили только

ведущие певцы, а основная масса артистов театра, а также хор, балет, оркестр и обслуживающий персонал жили в большой гостинице довольно

Снимки из спектакля «Мария Стюарт»

далеко. Наша же гостиница была практически рядом с театром.

На репетиции все запаниковали. Театр, в котором мы должны были петь, был драматическим, и как выяснилось на репетиции, акустики там нужной для голосового звучания нет! Да к тому же шикарные мягкие кресла тоже вбирали в себя звук. Как петь?!

Положение несколько изменилось в лучшую сторону, когда зал заполнился зрителем. Акустика чуть улучшилась, но все равно приходилось следить за тем, чтобы «выносить» весь звук при пении в зал. И те, у кого из певцов «полетность» голоса была в порядке, довольно достойно выглядели и при этой акустике. Себя я в полной мере причисляю к таким певцам. Но тем не менее принимали нас, как и везде, прекрасно. И показались мы на этом фестивале очень и очень достойно. Нас хвалили, о нас писали.

В Эдинбурге мы побывали в старинной крепости, где были и покои королевы. Но особо меня впечатлил замок Марии Стюарт, который находился неподалеку от Эдинбурга и где Мария провела

С коллегами Л. Устиновой, О. Корженской, А. Черновым возле часового у ворот крепости в Эдинбурге

*В. Юзвенко у загородного замка
Мэри Стюарт*

большую часть своей жизни. Было волнительно и трепетно ходить по тем же местам, где некогда ступала нога такой незаурядной женщины, как шотландская королева, с образом которой связывала меня моя творческая судьба.

Это были мои вторые зарубежные гастроли и, к сожалению для меня, они были финансово никакие. Несмотря на то, что я пела две такие большие главные партии, мне платили так же, как и в мои первые гастроли в Сицилию — только суточные, как и всем нашим артистам хора, оркестра и т. д. Куда же шел положенный мне гонорар? Если бы рассказать кому-то из оперных зарубежных певцов, что у нас за главные партии ничего

не платили, они, наверное, не поверили бы, так как там гонорар в 10 тысяч долларов считается средним гонораром.

Сцена из спектакля. Казнь Мэри Стюарт

В роли Мэри Стюарт

«Дон Кихот»

Ровно через год, а именно в ноябре 1986 года вышел в свет еще один спектакль, поставленный С. Л. Гаудасинским вместе с музыкальным руководителем В. В. Кожиным, которому не суждено было остаться в репертуаре нашего театра, это «Дон Кихот» Массне.

Несмотря на то, что Дон Кихотов играли такие замечательные певцы-актеры, как Володя Огновенко, Володя Панкратов, Санчо — В. Кочкин, С. Бурев, Дульсинею — Н. Романова, О. Корженская, и даже в маленьких партиях, таких как Педро, Гарсиас, Родригас, Хуан — были заняты молодые, но уже ведущие актеры — О. Савина, С. Волкова, В. Юзвенко, Н. Просаловская, Н. Островский, Т. Домникова, С. Корженский, В. Пищаев, Т. Черкасова, В. Напарин и др., спектакль как-то не имел успеха. Рецензии на него были достаточно негативными, зритель его не очень принимал и он быстро закончил свое существование на нашей сцене.

Думаю, что решение взять этот сложный спектакль к постановке было ошибкой нашего театрального руководства.

Дни литературы и искусства Ленинграда в Азербайджане

1987 году в начале сезона мне и нашему солисту Николаю Копылову объявили, что нас от нашего театра отправляют в Баку, столицу Азербайджанской Советской Республики, на Дни литературы и искусства Ленинграда.

Не знаю, как мой коллега, но я очень обрадовалась такой возможности снова побывать в городе, где шло становление меня

В танце с азербайджанскими девушками на праздновании Дней культуры Ленинграда в Баку.

как актрисы. Ведь с того времени, как я уволилась из Бакинского театра оперетты, прошло ни много, ни мало, а около 20 лет.

Вместе с нами от балетной труппы нашего театра поехал солист балета Дмитрий Новоселов. Полетели мы в Баку, по-моему, в начале ноября. У нас в Питере это уже почти зима, а там, в Азербайджане, это еще чуть ли не конец лета. Еще вовсю тепло.

Первым делом я, конечно, навестила театр оперетты, в котором раньше пела, но, к сожалению, почти никто из наших «стариков» в театре уже не работал. Ведь все они были намного старше меня, когда я там работала, и понятно, что многие ушли на вокальную или возрастную пенсию, а многих уже не было в живых. Те немногие, которые еще продолжали работать, как мне сказали, почти не появлялись в театре, так как в это время шла постановка спектакля азербайджанской труппы.

Но моя фамилия у работников театра была на слуху, и несмотря на то, что мне не удалось повидаться с моими бывшими коллегами-актерами, мне было очень приятно, что мой след в этом театре не затерялся и меня там помнят!

В Баку мы пробыли всего два или три дня. После торжественного открытия и большого концерта, посвященного Дням Ленинграда в Азербайджане, нас всех разбили на группы и мы посетили несколько точек по всей Азербайджанской Республике включая как города, так и совхозы.

Это были концертно-шефские общественно-политические мероприятия.

В большом концерте мастеров искусств Ленинграда в Баку принимали участие видные, знаменитые личности: это и Анатолий Бадхен — дирижер и художественный руководитель концертного оркестра со своим коллективом, и артист Ленконцерта Сергей Новожилов, и композитор Владислав Успенский, и народная артистка РСФСР Роза Балашова — артистка театра А. С. Пушкина.

От Кировского театра оперы и балета (ныне Мариинский) были народный артист РСФСР Владимир Киняев, народная актриса СССР Галина Ковалева.

Принимали участие в концерте и заслуженный артист РСФСР Павел Егоров, Михаил Гантварг (руководитель камерного оркестра «Солисты Ленинграда») со своим коллективом, квартет народных инструментов под руководством Александра Тимченко, лауреаты

конкурсов Александр Троицкий, Мария Пахоменко, поэт Риза Халитов, солисты эстрады Юлия Мирошниченко, Александр Розенбаум, композитор Сергей Сильницкий, эстрадная певица Марина Капуро (солистка ансамбля «Яблоко»). Концерт вел Сергей Новожилов.

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО
СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

191011, Ленинград, Невский проспект, 40
телефакс 321366 Культура телефон 211-74-71,
211-62-19,

Расчетный счет № 34015130171 в ЛГК Госбанка

Директору Ленинградского
Академического Малого театра
оперы и балета

т. Кузнецову В. А.

17.12.87 № 02-02-3445

На № _____ от _____

Главное управление культуры выражает искреннюю благодарность артистам театра тт. Н. Копылову, В. Юзвенко и Д. Новоселову за активное участие в концертно-шефских и общественно-политических мероприятиях "Дней литературы и искусства Ленинграда в Азербайджанской ССР" в декабре 1987 года.

Первый заместитель
начальника Главка

М. П. Мудрова

Вырезка из письма от управления культуры

В этом концерте принимали участие и мы с Колей Копыловым от нашего «МАЛЕГОТа».

Кроме вышеперечисленных артистов было еще много других представителей культуры и искусства, которые не были заняты в большом правительственном концерте. Понятно, что всех участников концерт вместить не мог.

Были поэты, художники, которые устраивали в Баку свои выставки и творческие встречи. Но в поездках по республике принимали участие практически все.

К сожалению, я не помню амплуа всех участников этих Дней культуры, но то, что с нами в группе помимо нас с Колей и Димой Новожиловым был Владимир Киняев — баритон из Кировского оперного театра, поэт Риза Халитов, Роза Балашова, это я помню. В группе нашей были еще художник и ведущая.

Разместили нас всех в хорошей гостинице, в отдельных номерах. Кормили так же превосходно, и разумеется не за наш счет. Словом, все было по высшему разряду.

Наши выступления принимали везде прекрасно.

Несмотря на кампанию борьбы с алкоголизмом, происходившую в это время в Союзе, везде, где мы выступали, особенно в совхозах, вино лилось рекой. Угощения были отличные. Было ощущение, что мы просто приехали в гости на праздник к кавказцам, что, в общем-то, и было на самом деле.

В этих небольших концертах я пела соло. Произведения выбирала несложные для восприятия простых людей. Это были народные песни, оперетта.

Мы знали, что Николаю Копылову должны были вот-вот дать звание заслуженного артиста, и в программах он был уже заявлен со званием. У меня же в то время звания еще не

РОДОМ ИЗ ОПЕРЕТТЫ

Солстке Малого оперного театра Валентине Юзенко присвоено звание заслуженной артистки России.

Удивительная и неожиданная метаморфоза произошла четырнадцать лет тому назад с артисткой Валентиной Юзенко. Из шикарной опереточной примадонны, покорившей своим искусством Одессу, Баку, Свердловск, Москву, она превратилась в оперную певицу. Никому неизвестную. Начавшую свою карьеру в Петербурге по приглашению главного режиссера МАЛЕГОТА С. Л. Гаудасинского. Случай поразительный: с юности выступая на сцене, она не «раскачала», не «раскачала» свой голос, как многие из опереточных певиц, а приобрела такую вокальную форму, которая позволила ей работать в опере. Да и не просто быть оперной певицей, а ведущей исполнительницей всех лирико-драматических партий на академической сцене.

Работая в оперетте, Юзенко перепела всю классику: Марицу, Сильву, Ганну Главари, Розалинду («Летучая мышь»), Одетту («Баядера»), Зорьку («Цыганская любовь»), Прекрасную Елену... В Малом оперном театре певица осторожно входила в репертуар. «Перекидным мостиком» из жанра в жанр была Мюзетта

в «Богеме», характер которой близок опереточным героиням. Затем — ввод в сложнейшую партию Марии Стюарт в опере Слонимского, Лиза в «Пиковой даме», Екатерина в «Укрошении строптивой», Донна Эльвира в «Дон Жуане». Постепенно Юзенко становится первой певицей театра, не имеющей соперниц в своем репертуаре, поющей все премьеры. Взаполняющую, нерваную Лизу (кстати, спетую на сцене парижского «Гранд Опера» в постановке А. Кончаловского) смеяется страдающая от двусмысленности своего положения Королева Елизавета, кликушествовавшую Софию в «Патре Первом» — мечущаяся пойманной птицей Эмма в «Хованщине».

Валентина Юзенко — в самом расцвете своего мастерства. Она справится с любой партией, написанной для лирико-драматического сопрано. В ансамбле с известной органисткой Ниной Оксентян дает вокальные вечера. И мечтает о новой работе: спеть Тоску, Леонору, Аиду, Турандот...

Николай ЛУКАШУК
Фото В. ВАСИЛЬЕВА

было, но наша ведущая почему-то все время меня объявляла заслуженной артисткой. После концертов я несколько раз говорила ей, что у меня нет звания. Она как бы удивлялась и говорила:

— Ну, значит, скоро будет! — и по-прежнему с завидным упорством продолжала объявлять меня как заслуженную артистку РСФСР. Мне, конечно, это было очень приятно, тем более что она была недалеко от истины. Я знала, что и мне тоже как будто подали на звание. Но когда это еще будет!

Звание я действительно получила, но только через несколько лет. Как мне сказали официально, мои документы с документами еще одной певицы где-то затерялись и руководству пришлось посылать нам на звание еще раз. Так что ведущая наших концертов с объявлением меня заслуженной артисткой в то время несколько поспешила, но не скрою, это было действительно очень приятно.

Также было приятно мне и, надеюсь, моим товарищам по поездке тоже, когда из Главного управления культуры в театр пришла благодарность, объявленная нам за активное участие в этих Днях литературы и искусства.

Несмотря на то, что эта поездка была для нас абсолютно бесплатной, она оставила в моей жизни самые приятные впечатления.

«Борис Годунов»

В театре помимо нашего ведущего чудесного баса Володи Огновенко появился еще один бас, молодой певец и актер Володя Ванеев.

Сцена из спектакля «Борис Годунов»

Он приехал из периферийного театра и сразу же попал на постановку «Бориса Годунова» М. П. Мусоргского, органично влившись в труппу нашего театра.

Эти два исполнителя главной партии в опере во многом оп-

*Сцена из спектакля.
Марина — Н. Романова,
Самозванец — В. Пиццаев*

ределили успех новой постановки С. Л. Гаудасинского.

Станислав Леонович, будучи сам басом, с особым вниманием и увлеченностью работал с Борисами, иногда блестяще показывая исполнение той или иной мизансцены.

Ребята старались брать у него все что можно, и это дало свои результаты. Борисы были у нас на высоте, как вокально, так и актерски.

Спектакль получился очень качественным, добротным. Ему суждено было много раз бывать на гастролях в разных странах, и всегда он принимался на «ура», как и спектакли П. И. Чайковского «Пиковая дама» и «Евгений

Онегин». В зарубежных гастролях мы имели возможность видеть эту восторженность зрителя, с которой он воспринимал нашу русскую музыку.

Художником этого замечательного спектакля, как и многих наших других спектаклей, был Семен Пастух, дирижером — Михаил Кукушкин.

О том, насколько хорош этот спектакль, лучше рассказывали рецензии профессиональных критиков. А мне остается только вспомнить, что премьеру этого спектакля, которая состоялась 28 марта 1987 года, пели: Борис — Володя Огновенко, Федор —

«Борис Годунов» — великолепный!»

ТАК озаглавлена рецензия в газете «Франс-Суар» на первый спектакль Ленинградского академического театра оперы и балета имени Мусоргского, которым открылись гастроли в Париже.

Успех оперы гениального русского композитора был поистине ошеломляющим: открытие гастролей прошло при переполненном зале, как и последующие спектакли — опера Мусоргского «Хованщина», «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского. Особенно популярными французской публике солисты театра: В. Пиццаев, А. Ненадовский, В. Ванев, Н. Копылов, Л. Тедтоева, Н. Романова, В. Юзвенко. Их имена отметили ведущие парижские газеты.

Газетная вырезка

Майя Кузнецова, Ксения — Таня Черкасова, Мамка — Нина Зазнобина, Шуйский — Виктор Лукьянов, Щелкалов — Саша Ненадовский, Пимен — Владимир Гавва, Самозванец — Витя Пищаев, Марина — Нина Романова, Рангони — Володя Ванеев, Варлаам — Валерий Кочкин, Мисаил — Владимир Напарин, Хозяйка корчмы — Нина Поташова, Юродивый — Николай Островский, Никитич — Леонид Гладков, Ближний боярин — Валерий Корженский, Хрущев — Герман Людко, Левицкий — Николай Алексеев, Черниковский — Станислав Буреєв, Митюха — Виткун.

В.Шевелев в роли Мисаила

Конечно за долгое время существования этого спектакля на разные роли вводились и другие актеры.

Впоследствии неизменным исполнителем роли Мисаила стал Валентин Шевелев. Много лет он был единственным исполнителем этой роли и делал ее, на мой взгляд, очень интересно и смешно, как и положено делать комический образ.

Круизы

На 1985 год, несмотря на то, что чуть ли не десять лет прошло с тех пор, как я уехала из Одессы, связь с этим городом у меня не была прервана. И несколько лет подряд, начиная с 1985 года, мы по приглашению Одесского морского пароходства ходили в круизы. Плавали на разных кораблях: «Колхида», «Украина», «Лев Толстой».

Я с сыном Андреем у корабля «Колхида»

У корабля «Украина» с мужем Валентином и сыновьями Андреем и Володей

Это был морской отдых с заходом корабля в определенные порты с экскурсиями по значимым и историческим местам.

Корабли, на которых мы плавали, заходили в такие города, как Новороссийск, Севастополь, Ялта, Сочи, Сухуми, Батуми и другие.

Эти круизы были для нас, актеров, абсолютно бесплатными, хотя мы получали все, что и отдыхающие по путевкам. Это была и отдельная каюта,

и хорошее трехразовое питание, но за это мы должны были на протяжении круиза участвовать 2 или 3 раза в концертах. А длился круиз, как правило, одну неделю.

В этих концертах для отдыхающих участвовали актеры практически всех жанров — артисты речевого жанра, певцы, драматические актеры и даже балетные пары.

Для нас эта «халтура» (так называют музыканты подработки на концертах) была совсем несложной, но зато мы могли, имея отдельную каюту, взять с собой детей.

Андрей ходил с нами в круизы несколько раз, а вот Володя был еще довольно мал. Все же мы взяли его один раз с собой, и как назло, попали в довольно сильный шторм. Всем на корабле, и нам, в том числе, было, что называется, «нехорошо».

Как-то один раз произошло недоразумение и для артистов не хватило каюты, так вот нас поселили в 4-местной каюте с еще одним мужчиной с ребенком.

Этот мужчина был кинорежиссером, как он нам сказал, и ему со зрителями предстояла творческая встреча. А вот его десятилетняя дочка принимала участие в концерте. Она играла на фортепьяно, и играла очень хорошо.

Имя этой девочки Полина Осетинская. На сегодняшний день это знаменитая концертирующая пианистка, а тогда — хрупкая, очень подвижная девочка, которая все время порывалась побегать, поиграть на корабле с другими детьми, но которую ее строгий отец заставлял заниматься, заниматься и заниматься.

На кораблях были и всевозможные карнавалы: дни Нептуна, в которых мы тоже, как и все отдыхающие, принимали участие.

Одевались кто во что горазд. Помню, на одном из таких карнавалов Валя надел мое концертное платье по фасону «летучая мышь», а я соорудила из простыни себе сари — получилась импровизированная по костюмам индусская пара, а Андриюшенька был пиратом.

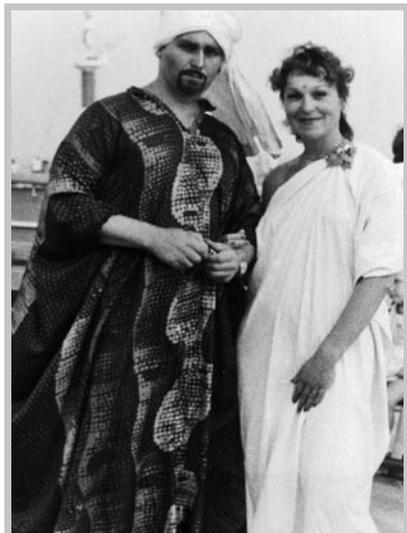
На кораблях мы иногда встречались со своими коллегами из других театров. В основном это были одесситы. Эти встречи были для нас неожиданными, но от этого не менее приятными.

Может быть, мы бы и продолжали ходить в эти круизы, если бы один из кораблей, на которых мы плавали, а именно «Лермонтов», не попал в аварию. Это была нашумевшая в свое время история с большим количеством жертв.

По правде говоря, мы боялись больше принимать участие в этих круизах, тем более что с нами плавали и наши дети.

Наши детские спектакли

Когда только мы с В. Шевелевым поступили в театр, то с наслаждением слушали и смотрели детские спектакли, которые показывали шестилетнему сыну Андриюше. Это «Снегурочка» Римского-Корсакова и «Волшебник Изумрудного города» В. М. Лебедева.

В. Юзвенко и В. Шевелев на костюмированном празднике, на корабле

В этих спектаклях были заняты ведущие актеры, и пели они на высоком художественном уровне.

Сцена из спектакля «Волшебник изумрудного города»

С большим удовольствием вспоминаю работы актеров в этих спектаклях. Помню Снегурочку — Таню Домникову — очень лиричную тонко чувствующую, по-хорошему простую и грациозную.

Рассказывали, что раньше эту партию пела Виктория Реготун и пела великолепно,

она даже за эту партию получила звание лауреата на Всероссийском конкурсе.

Но, к сожалению, когда мы приехали в театр, Вика эту партию уже не пела. Зато, какой задорной девчонкой она выглядела в роли Элли в опере «Элли в стране чудес», не только выглядела, но и прекрасно проводила свою роль.

В конце 80-го года театром был выпущен еще один детский спектакль, а именно «Сказка о попе и работнике его Балде». Об этом спектакле не написать невозможно. Спектакль, на мой взгляд, был очень хорош. Замечательные работы были у Панкратова, Тихомирова, Устиновой, Думцева, Корженского, Людьюко, Манухова, Калиновского, Куца, Романовой, Корженской.

Особенно нам запомнился главный герой этого спектакля — Балда, которого здорово играл и пел Валерий Кочкин.

Для этой роли у Валеры было все: и внешность, и фактура, и голос! Ко всему он был очень обаятелен.

У Валеры красивого тембра баритон с басовым окрасом, и от него во время пения исходила всегда какая-то мощь, несмотря на всю его доброту и даже детскую непосредственность.

Валера был занят и в других детских спектаклях и всегда был очень колоритен и выразителен. Рассказывали, что как-то его ввели в детский спектакль «Морозко», где он должен был исполнить партию Волка. На своем первом спектакле от волнения Валера выскочил на авансцену и от большого старания своим и без того зычным голосом как закричит в зал — «Я тебя съем, я тебя съем, я тебя съем!»

Он был настолько выразителен, что ребенок, сидевший в первом ряду, не выдержал и с криком — мама, я боюсь! — по главному проходу выбежал из зала... Валера перестарался.

Кочу (так звали Валеру в театре) любили все. И роли за всю его долгую творческую жизнь в театре у него были особенные — это были роли сильных и волевых личностей. Валера пел Варлаама в «Борисе Годунове» Мусоргского, Царя Гвидона в опере Римского-Корсакова «Золотой Петушок», Тихона в опере Андрея Петрова «Петр I», Бартоло в опере Дж. Россини «Севильский цирюльник», Дон Жуана в опере Моцарта «Дон Жуан» и др.

Говорят, раньше он прекрасно пел партию Порги в опере Гершвина «Порги и Бесс». К сожалению, мы этот спектакль уже не застали, но Валера сам рассказывал нам довольно забавный эпизод, связанный с этим спектаклем.

Однажды после спектакля «Порги и Бес» он отправился домой на метро. Сидя в вагоне, замечает, что вызывает общий интерес — на него поглядывают с любопытством. «Это успех! — думает он. — Наверное, эти люди, так же как и я, едут со спектакля, и они меня узнали».

Очень довольный, полный само достоинства, он добрался домой и позвонил в дверь. Дверь открыла ему жена Рая и прямо с порога поинтересовалась:

Валерий Кочкин

— А почему ты уши не разгримировал? — Порги был негром, и актерам гримировали черным гримом и уши.

После реплики жены Валера тут же понял весь интерес, который он вызвал в вагоне метро...

Сейчас Валерий Кочкин живет со всей своей семьей в Германии. По-прежнему поет и пишет стихи. После его отъезда мы не раз имели возможность встречаться и общаться с ним в театре, когда он приезжал в Петербург.

В детских спектаклях был занят и Валентин. Он работал в таких спектаклях, как «Сказка о попе и работнике его Балде», о котором я уже писала выше, где играл скомороха Фому, в том же «Морозко», где тоже играл Волка, а также в спектакле «Волшебник Изумрудного города», в котором играл роль Летучей Обезьяны. Последнюю роль Валентин играл практически один.

Как-то однажды ему нужно было поехать на концерт, и он попросил своего приятеля, нашего коллегу Самурова Игоря выручить его и выйти в этой роли в спектакле. Роль небольшая — всего один выход.

Игорь согласился, но во время спектакля заболтался с товарищами и свой выход прозевал, опомнился, только тогда когда услышал свою музыку. Все три фразы, которые он должен был спеть, за него спел Слава Буреев, который в это время был на сцене, так как исполнял роль Страшилы. Рассказывая об это потом Валентину, он жаловался:

— Представляешь, как обидно, за два часа пришел в театр, загримировался, оделся и... опоздал.

В 1987 году на афишах появился еще один детский спектакль, который мы с удовольствием и хорошим настроением создавали. Это была опера Хренникова «Голый король» по сказке Андерсена. Постановку даже этого детского спектакля осуществлял, как и все наши спектакли, Станислав Леонович ГAUDасинский. Музыкальным руководителем был Валентин Васильевич Кожин.

В спектакле, несмотря на то что он детский, были заняты практически все ведущие актеры нашего театра.

Мне была поручена роль вообще без пения, но зато со словами. Роль эта называлась — Дама с барабаном. Нужно было четко маршировать с группой придворных дам и, выбивая дробь, колотить палочками по барабану, что я и делала с большим удовольствием.

В общем, мы все «валяли дурака», что и нужно было в этом спектакле. Получалось это неплохо у всех. Особенно мастерски «валял дурака» главный исполнитель спектакля, — Король — Слава Буреев. Он был смешной, почти карикатурный, но очень органичный, и его импровизации были к месту.

Спектакль почему-то недолго продержался на сцене и уже довольно давно не значится в афишах театра.

Что до меня, то я очень мало была занята в детских спектаклях, а в театрах оперетты не была занята вообще. За все время работы в своем последнем театре помимо Дамы с барабаном мне пришлось еще петь и играть роль Мачехи в спектакле «Золушка», о котором я буду писать ниже.

«Дон Карлос»

В роли Елизаветы в спектакле «Дон Карлос»

В этом же 1988 году, сразу после отпуска вышел очень значимый для меня спектакль Дж. Верди «Дон Карлос». Это было 2 сентября. Постановщиком этого спектакля был Семен Ильич Лапиров. Выпускал спектакль как дирижер Алекс Виллюманис.

Этот спектакль в свое время уже был поставлен в нашем театре Семеном Ильичом Лапировым, и было как бы его возобновление. Но оттого, что все исполнители были новые, по сути, это был заново поставленный спектакль.

Мне посчастливилось петь премьеру в этом спектакле, и я, конечно, была этому очень рада.

Спектакль помпезный, красочный и петь его было большим удовольствием, настолько хороша музыка. Мне кажется, что особенно мне удавалась ария — молитва в последнем акте «Сын господень», которая затем переходит в сцену и дуэт с Карлосом. Дуэт необыкновенно поэтичный и в то же время очень возвышенный.

Семен Ильич Лапиров никогда не перегружал певцов множеством мизансцен. Он доверял актерам. А может быть, это был

Сцена из спектакля. Елизавета — В. Юзвенко, Карлос — В. Пищаев

его режиссерский стиль. Но как бы там ни было, это давало возможность певцам глубоко вникнуть в музыкальную суть, быть органичными и ощущать себя сиюминутными творцами.

В этом спектакле у меня был замечательный Дон Карлос — Виктор Пищаев. В основном вдвоем мы и пели в этом спектакле главных героев.

Витя был в роли Карлоса необыкновенно страстным, эмоциональным, как и во всех его партиях. От этого его голос звучал ярко, темпераментно, что мне и импонировало.

Хороша была Нина Романова, исполнявшая в этой опере партию Эболи. Ее знаменитая ария во втором акте после сцены с Елизаветой всегда вызывала бурю аплодисментов — так наполненно и эмоционально она была спета. Нина прекрасная меццо-сопрано, с блеском справляющаяся с высокой тесситурой, что говорит о ее хорошей вокальной технике.

Мне нравилась и другая исполнительница партии Эболи — Лариса Тедтоева. Лариса появилась у нас в театре вскоре после того, как громко заявила о себе на Всероссийском конкурсе вокалистов, который проводился у нас в Петербурге.

На этом конкурсе она поделила самый главный приз с Колей Островским, который также принимал участие в этом мероприятии.

Конкурс проводился в здании капеллы, это не так далеко от театра, и поэтому у нас была возможность

Сцена из спектакля. В. Юзвенко с артисткой миманса Ольгой Петровой

посещать все туры этого конкурса. Мы горячо «болели» за нашего Колю, но тем не менее были рады и успехам Ларисы, так как она нам на этом конкурсе очень понравилась.

Сцена из спектакля. На переднем плане слева направо — Т. Черкасова, В. Юзвенко, Н. Романова

Возвращаясь к спектаклю «Дон Карлос», нельзя не упомянуть о наших басах. В этом спектакле две большие партии для баса — это партия Филиппа и партия Инквизитора. Надо отдать должное нашим басам (в то время была сильная басовая группа), с эти-

ми партиями они справлялись очень лихо. На сегодняшний день наши лучшие басы, такие как Владимир Огновенко, Владимир Ванеев, Федор Кузнецов, являются певцами Мариинского, бывшего Кировского театра оперы и балета. И не только этого театра, они поют на многих оперных сценах мира.

Концерты

Участие театральных актеров в концертах — это неотъемлемая часть жизни артиста, особенно в таких крупных городах, как Санкт-Петербург и Москва. Концерты бывают самые разные с разными программами и в самых разных местах.

Группа актеров у КамАЗа на гастролях с концертами по Карелии

Поначалу мы много выступали в так называемых шефских концертах. Это для актеров абсолютно бесплатные концерты, проводимые на различных заводах и производствах как в черте города, так и за его пределами.

Мы с Валентином побывали почти на всех крупных предприятиях и заводах Ленинграда.

Чаще всего такие концерты были в Красном уголке или просто в цеху во время обеденного перерыва. Иногда и в домах культуры, если речь шла о какой-то значимой дате, и каком — то торжестве этого предприятия. Неизменным ведущим в таких шефских концертах был наш помощник режиссера Юрий Александрович Монковский. Юрий Александрович писал и пишет по сей день

Выступление В. Юзвенко и В. Шевелева в концерте

Экскурсия на подшефном заводе после концерта. Слева направо — В. Шевелев, В. Юзвенко, В. Тычко, А.Бростерман, представитель завода, В. Панкратов, Т. Домникова, В. Буреєв, Ю. Монковский, В. Напарин, представитель завода